

PHILOLOGY

International scientific journal

№ 3 (3), 2016

Founder and publisher:
Publishing House «Scientific survey»

The journal is founded in 2016 (January)

Volgograd, 2016

UDC 8
LBC 72

PHILOLOGY

International scientific journal, № 3 (3), 2016

The journal is founded in 2016 (January)
ISSN 2414-4452

The journal is issued 6 times a year

The journal is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Communications.

Registration Certificate: III № ФС 77 – 62764, 18 August 2015

EDITORIAL STAFF:

Head editor: Musienko Sergey Aleksandrovich

Executive editor: Manotskova Nadezhda Vasilyevna

Dmitrieva Elizaveta Igorevna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Department “Foreign languages - 5”

Ansimova Olga Konstantinovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Chair of Russian language

Atamanova Natalia Viktorovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian Language Department

Authors have responsibility for credibility of information set out in the articles.
Editorial opinion can be out of phase with opinion of the authors.

Address: Russia, Volgograd, Angarskaya St., 17 "G"

E-mail: sciphilology@mail.ru

Website: <http://sciphilology.ru/>

Founder and publisher: Publishing House «Scientific survey»

УДК 8
ББК 72

ФИЛОЛОГИЯ

Международный научный журнал, № 3 (3), 2016

Журнал основан в 2016 г. (январь)
ISSN 2414-4452

Журнал выходит 6 раз в год

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

**Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77 - 62764 от 18 августа 2015**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: Мусиенко Сергей Александрович
Ответственный редактор: Маноцкова Надежда Васильевна

Дмитриева Елизавета Игоревна, кандидат филологических наук, доцент кафедры "Ино-
странные языки - 5"

Анимова Ольга Константиновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского
языка, Новосибирский государственный технический университет

Атаманова Наталья Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского
языка

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: Россия, г. Волгоград, ул. Ангарская, 17 «Г»
E-mail: sciphilology@mail.ru
Website: <http://sciphilology.ru/>

Учредитель и издатель: Издательство «Научное обозрение»

CONTENTS

Philological Sciences

Akhmetshina N.R.
THE POSSIBILITY OF USING ASSOCIATIVE TEXT FIELD IN LANGUAGE EDUCATION..... 10

Monakhova E.V.
COGNITIVE-PRAGMATIC ANALYSIS OF STYLISTIC DEVICES 13

Rozova E.A.
VERBAL GENDER STEREOTYPES
RELATED TO APPEARANCE IN ADVERTISING LANGUAGE..... 16

Literary Studies

Babicheva Yu.G., Tatarintseva M.S.
THE PECULIARITIES OF M. SHISHKIN'S
ARTISTIC METHOD (*LARIONOV'S NOTES* CASE STUDY)..... 21

Rzayeva S.T.
THE DEFINITION OF THE HISTORICAL PLACE
AND MEANING OF LITERARY WORKS IN THE CONTEXT OF LITERARY PRACTICE 24

Sedunova I.V.
CHARACTER TYPOLOGY IN THE NOVELS
BY CH. PALAHNIUK, K. KESEY AND D. KEYES 28

Shafikov S.G.
THE ISSUE OF MUTUAL UNDERSTANDING BETWEEN INTELLIGENCES..... 31

Yudina I.A.
BOOK REVIEW OF E.P. DURNOVO (EFRON). HISTORY AND MYTHS:
MONOGRAPH BY E.F. ZHUPIKOVA 36

Yudina I.A.
BOOK REVIEW OF "THE ILOVAYSKYS' AND TSVETAEV'S FAMILIES" 39

Russian Literature

González A.A.
WHAT IS KNOWN ABOUT *THE DOUBLE* IN THE WEST? 42

Zinkovskaya S.V.
THE AUTHOR'S STYLISTIC DEVICE OF COMICALITY IN THE PROSE OF N.A. TEFFI 47

Smirnov K.V.
NO RELATION, BUT THUS...
(ANALYSIS OF LEONTY KOZLOV'S AND LEONTY KHABAROV'S IMAGES
IN THE NOVEL "THE PRECIPICE" AND IN THE ESSAY "TRICK OF FORTUNE" BY I.A. GONCHAROV) 49

Literature of Peoples of the Foreign Countries

Kravinskaya Yu.Yu.
EVOLUTION OF MAORI IMAGE
IN THE 20TH-CENTURY LITERATURE OF NEW ZEALAND 52

<i>Li Eryong</i> QU YI VOCAL TRADITION: PERFORMANCE SCHOOLS AND GENRE PECULIARITIES IN CHINA	56
--	----

Journalism

<i>Bochkareva Yu.I.</i> MAKEUP TECHNOLOGY OF ZOOTERRIA SPECIALIZED MAGAZINE.....	60
<i>Osipova Yu.I.</i> MEDIA INDUSTRY OF ASIAN COUNTRIES	64
<i>Popova G.E.</i> VIOLATION OF THE ARTICLE 152 OF THE CIVIL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION IN RUSSIAN MASS MEDIA.....	68
<i>Stepanova A.I., Pavlova L.N.</i> GLOSSY MAGAZINES' CONTENT OF THE SAKHA (YAKUTIA) REPUBLIC	71
<i>Yakovleva M.P.</i> AUTHENTICITY OF INFORMATION IN NON-FICTION TELEVISION PROGRAMMES	75

Linguistics

<i>Kerimova Ch.E.</i> THE TERM OF <i>CONCEPT</i> IN COGNITIVE LINGUISTICS	78
<i>Sokolova A.L.</i> MODERN LINGUISTIC APPROACHES TO STUDYING MYTHOLOGEM	81

The Russian Language

<i>Pechetova N.Yu.</i> TEXTS OF REGIONAL YOUTH PRESS: LINGUISTIC AND GENRE PECULIARITIES (ON THE MATERIAL OF NEWSPAPERS IN THE SAKHA REPUBLIC)	85
<i>Khripunova E.V., Chernitsyna T.V.</i> CENSURE AS AN EVALUATIVE STRATEGY IN FICTIONAL PROSE (A CASE STUDY OF THE WORKS BY K.N. LEONTYEV AND V.M. SHUKSHIN).....	88

Germanic Languages

<i>Volkova V.Ya., Hrapchenkova I.I.</i> NON-EQUIVALENT FIELD ACQUISITION OF ORTHODOX ICON NAMES (A CASE OF THE GERMAN LANGUAGE)	91
<i>Zvyagintseva A.V.</i> ON THE APPLICATION OF ASSOCIATIVE FIELD METHOD TO THE ANALYSIS OF THE INFORMATION STRUCTURE OF TEXT.....	95
<i>Stashko H.</i> RHYME AND RHYTHM IN FEMALE IMAGES CREATION (BASED ON AMERICAN SONG FOLKLORE).....	98

Latin Languages

Kurskikh O.V.
PORTMANTEAU MECHANISM IN MODERN POETRY
SLAM (BASED ON THE FRENCH LANGUAGE MATERIAL) 103

Seidova N.R.
SPECIFIC CHARACTERISTICS OF QUANTIFIERS IN FRENCH 106

Toropova E.N.
SOME PECULIARITIES OF THE FRENCH BUSINESS WRITTEN COMMUNICATION 111

Linguistic Theory

Buzuk L.G.
THE HERMENEUTIC TECHNIQUES OF TEXT TRANSLATION AND THE PRACTICE
OF THEIR APPLICATION IN THE ENGLISH LANGUAGE TEACHING PROCESS 113

Comparative Historical, Typological and Comparative Linguistics

Kagirova V.A.
CONSTRUCTIONS WITH RESULTATIVE / PERFECTIVE
PARTICIPLE AND THE VERB “TO HAVE” IN ARMENIAN AND GEORGIAN 116

Lapteva E.A.
MEDICAL TERMS OF NO GREEK OR LATIN ORIGIN 123

Mikhaylov I.V., Koroteeva V.V.
PRECEDENT NAMES OF PUSHKIN AND NABOKOV
IN THE NEW YORKER: DIACHRONIC ASPECT (1925-2015) 126

Salimova F.G.
A STUDY OF SYNTACTIC COMPOUND BASED ON THE MATERIAL OF EPIC
POEMS “THE SONG OF THE NIBELUNGS” AND “THE BOOK OF DEDE KORKUT” 132

Languages of Peoples of European, Asian, African countries, Aborigines of America and Australia

Kirillova O.O.
ETHNIC VOCABULARY AS A REFLECTION
OF NATIONAL CULTURAL IDENTITY OF AUSTRALIA 135

СОДЕРЖАНИЕ

Филологические науки

- Ахметицина Н.Р.*
ВОЗМОЖНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕКСТОВОГО
АССОЦИАТИВНОГО ПОЛЯ В ЛИНГВОДИДАКТИКЕ..... 10
- Монахова Е.В.*
КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СТИЛИСТИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ..... 13
- Розова Е.А.*
ВЕРБАЛЬНЫЕ ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ ВНЕШНОСТИ В ЯЗЫКЕ РЕКЛАМЫ 16

Литературоведение

- Бабичева Ю.Г., Татаринцева М.С.*
СПЕЦИФИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО МЕТОДА М. ШИШКИНА
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «ЗАПИСКИ ЛАРИОНОВА»)..... 21
- Рзаева С.Т.*
ОПРЕДЕЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО МЕСТА И ЗНАЧЕНИЯ
ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ОПЫТА..... 24
- Седунова И.В.*
ТИПОЛОГИЯ ГЕРОЯ В РОМАНАХ Ч. ПАЛАНИКА, К. КИЗИ И Д. КИЗА..... 28
- Шафиков С.Г.*
ПРОБЛЕМА ВЗАИМОПОНИМАНИЯ МЕЖДУ РАЗУМАМИ..... 31
- Юдина И.А.*
РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ ЖУПИКОВОЙ Е.Ф.
«Е.П. ДУРНОВО (ЭФРОН). ИСТОРИЯ И МИФЫ: МОНОГРАФИЯ» 36
- Юдина И.А.*
РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ «ИЛОВАЙСКИЕ И ЦВЕТАЕВЫ»..... 39

Русская литература

- Гонсалес А.А.*
ЧТО ЗНАЮТ НА ЗАПАДЕ О «ДВОЙНИКЕ»?..... 42
- Зинковская С.В.*
АВТОРСКИЙ СТИЛЕВОЙ КОМИЗМ В ПРОЗЕ Н.А. ТЭФФИ 47
- Смирнов К.В.*
НЕ РОДСТВЕННИКИ, А ТАК... (АНАЛИЗ ОБРАЗОВ
ЛЕОНТИЯ КОЗЛОВА И ЛЕОНТИЯ ХАБАРОВА В РОМАНЕ
«ОБРЫВ» И В ОЧЕРКЕ «ПРЕВРАТНОСТЬ СУДЬБЫ» И.А. ГОНЧАРОВА) 49

Литература народов стран зарубежья

- Кравинская Ю.Ю.*
ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА МАОРИ В ЛИТЕРАТУРЕ НОВОЙ ЗЕЛАНДИИ XX ВЕКА..... 52

Ли Эрюн

ВОКАЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ «ЦЮЙ И»:
ИСПОЛНИТЕЛЬСКИЕ ШКОЛЫ И ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА В КИТАЕ 56

Журналистика

Бочкарева Ю.И.

ТЕХНОЛОГИЯ ВЕРСТКИ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОГО ЖУРНАЛА ZOOTERRIA 60

Осипова Ю.И.

МЕДИАИНДУСТРИЯ СТРАН АЗИИ 64

Попова Г.Е.

НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 152 ГК РФ В РОССИЙСКИХ СМИ 68

Степанова А.И., Павлова Л.Н.

КОНТЕНТ ГЛЯНЦЕВЫХ ИЗДАНИЙ РС (Я) 71

Яковлева М.П.

ДОСТОВЕРНОСТЬ ИНФОРМАЦИИ
В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ ТЕЛЕВИЗИОННЫХ ПРОГРАММАХ 75

Языкознание

Керимова Ч.Э.

ТЕРМИН *КОНЦЕПТ* В СОВРЕМЕННОЙ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ 78

Соколова А.Л.

СОВРЕМЕННЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ МИФОЛОГЕМЫ 81

Русский язык

Печетова Н.Ю.

ТЕКСТЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПРЕССЫ: ЯЗЫКОВОЕ
И ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ГАЗЕТ РЕСПУБЛИКИ САХА) 85

Хрипунова Е.В., Черницына Т.В.

ПОРИЦАНИЕ КАК ОЦЕНОЧНАЯ СТРАТЕГИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ К.Н. ЛЕОНТЬЕВА И В.М. ШУКШИНА) 88

Германские языки

Волкова В.Я., Храпченкова И.И.

ОСВОЕНИЕ БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОГО ПОЛЯ
ПРАВОСЛАВНЫХ ИКОНОНИМОВ (НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК) 91

Звягинцева А.В.

О ПРИМЕНЕНИИ МЕТОДА АССОЦИАТИВНОГО ПОЛЯ
К АНАЛИЗУ ИНФОРМАЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ ТЕКСТА 95

Сташко Г.И.

РИФМА И РИТМ В СОЗДАНИИ ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ АМЕРИКАНСКОГО ПЕСЕННОГО ФОЛЬКЛОРА) 98

Романские языки

- Курских О.В.*
ТЕЛЕСКОПИЯ В СОВРЕМЕННОМ ПОЭТИЧЕСКОМ
СЛЭМЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)..... 103
- Сеидова Н.Р.*
СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
КВАНТИФИКАТОРНЫХ ВЫРАЖЕНИЙ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ..... 106
- Торопова Е.Н.*
НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАНЦУЗСКОГО ДЕЛОВОГО ПИСЬМА..... 111

Теория языка

- Бузук Л.Г.*
МЕТОДЫ ГЕРМЕНЕВТИКИ ПЕРЕВОДА ТЕКСТА И ОПЫТ
ИХ ПРИМЕНЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА 113

Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание

- Кагирова В.А.*
КОНСТРУКЦИИ С РЕЗУЛЬТАТИВНЫМ / ПЕРФЕКТИВНЫМ
ПРИЧАСТИЕМ И ГЛАГОЛОМ «ИМЕТЬ» В АРМЯНСКОМ И ГРУЗИНСКОМ ЯЗЫКАХ..... 116
- Лантева Е.А.*
МЕДИЦИНСКИЕ ТЕРМИНЫ НЕ ГРЕКО-ЛАТИНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ 123
- Михайлов И.В., Коротеева В.В.*
ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА ПУШКИНА И НАБОКОВА
В «НЬЮ-ЙОРКЕРЕ»: ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (1925-2015) 126
- Салимова Ф.Г.*
ИЗУЧЕНИЕ СЛОЖНОГО СИНТАКСИЧЕСКОГО ЦЕЛОГО НА МАТЕРИАЛЕ
ЭПОСОВ «ПЕСНЬ О НИБЕЛУНГАХ» И «КНИГА МОЕГО ДЕДА КОРКУТА»..... 132

Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии

- Кириллова О.О.*
ЭТНИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА КАК ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО
СВОЕОБРАЗИЯ КУЛЬТУРЫ АВСТРАЛИЙСКОГО КОНТИНЕНТА 135

УДК 80

**ВОЗМОЖНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕКСТОВОГО
АССОЦИАТИВНОГО ПОЛЯ В ЛИНГВОДИДАКТИКЕ**
Н.Р. Ахметшина, ассистент преподавателя

Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ» (Москва), Россия

***Аннотация.** Статья посвящена возможностям использования ассоциативного эксперимента в лингводидактических целях, особое внимание уделяется построению текстового ассоциативного поля. Результаты сравнительного анализа текстовых ассоциативных полей разных художественных произведений могут найти широкое применение в лингводидактике при составлении системы заданий для иноязычной аудитории. В статье приведены результаты такого анализа и представлены примеры разных типов заданий, созданных с учетом полученного материала.*

***Ключевые слова:** ассоциативный эксперимент, текстовое ассоциативное поле, ассоциативная вербальная сеть, лингводидактика.*

Существуют два способа реконструкции ассоциативного поля: традиционный – использование результатов ассоциативного эксперимента и ассоциативного словаря и, менее известный, – ассоциативный анализ текста. Эксперимент, в котором в качестве респондентов участвуют носители языка, позволяет получить представление о наполнении фрагмента в первую очередь коллективной ассоциативной вербальной сети, которая лежит в основе языкового сознания. В этом случае, опрашивая респондентов, экспериментатор имеет дело с языком-способностью, т. е. языковой компетенцией носителя языка, заключающейся в способности порождать тексты. Текст, созданный языковой личностью, является реализацией этой готовности, и результатом работы с ним становится текстовое ассоциативное поле, смоделированное на основе обнаруженных ассоциативных единиц и связей между ними [1].

Реконструкция такого рода ассоциативного поля была проведена на материале пьес А.Н. Островского «Таланты и поклонники» и А.П. Чехова «Чайка». В качестве «стимула» было использовано слово-концепт ТЕАТР, что вполне естественно, учитывая, что ТЕАТР является одним из базовых понятий, наверное, любой культуры. Слова, выделенные в качестве единиц ассоциативного поля, связаны со словом-именем поля теми же типами отношений, что и реакции со стимулом в ассоциативном эксперименте. Это позволяет говорить о тождественности данных понятий.

С помощью дистрибутивного и контекстуального метода из текста отбирались слова-реакции, которые затем распределялись в группы по типу ассоциативной связи со стимулом. В процессе реконструкции ассоциативного поля учитывались частота и общность семантического и прагматического значения единицы со значениями, представленными в толковых словарях, – так определялась близость или удалённость реакции от ядра поля. Ключевые реакции, особенно значимые для представления ассоциативного поля, образовывали собственные микрополя. Таким образом были определены и описаны некоторые особенности ассоциативного поля ТЕАТР в языковой картине мира А.Н. Островского и А.П. Чехова. Так, например, в пьесе «Чайка» представлен семантический ассоциат *дачный театр*. С одной стороны, эта единица обладает ярко выраженным фоновым компонентом, поэтому для её экспликации в иностранной аудитории необходим микротекст как способ семантизации. С другой стороны, в тексте Чехова она приобретает прагматические коннотации, что является проявлением индивидуальной языковой личности автора. Представляется необходимым вводить эту единицу при изучении творчества А.П. Чехова в аудитории студентов-филологов, сопровождая подачу материала культурологическим комментарием.

Путём сравнения ассоциативных полей, построенных на базе текстов разных авторов, можно выявить также единицы, которые относятся к коллективной, национальной языковой личности. Например, проведённый анализ пьес «Чайка» и «Таланты и поклонники» показал, что слова, относящиеся к тематической группе «Внутреннее устройство театра», являются единицами когнитивного уровня русской языковой личности: *сцена, касса, буфет, билет, галерка, занавес, кулисы*. Это значит, что не только филологи, но и иностранные учащиеся нефилологического профиля должны быть ознакомлены с этими словами и типовыми ситуациями, в которых они употребляются.

Информация о составе и структуре ассоциативного поля может быть использована в лингводидактических целях для составления заданий разного типа и отбора материала. В качестве последнего выступают ассоциативные поля, их единицы и отношения между ними. Материал, полученный в результате анализа указанных

текстов, нашёл применение в процессе создания системы лексических заданий по теме «Театр». Сюда включены задания разного типа, приведём некоторые из них.

Задание. Прочитайте отрывок из романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Расскажите, как вели себя зрители в зале, увидев падающие деньги? Как вы думаете, зрители какого яруса в театре смогли поймать больше всего денег? Откуда им было бы удобнее ловить – с галёрки, бельэтажа или в партере?

Сидящие в партере повернули головы. На галерее какой-то гражданин обнаружил у себя в кармане пачку с надписью «Одна тысяча рублей». [...]

– Червонцы! – кричали с галёрки.

В бельэтаже послышался голос: «Ты чего хватаешь?» Тотчас в бельэтаже появился шлем милиционера, из бельэтажа кого-то повели.

Для ответа учащимся необходимо не просто знать значения слов, но и представлять себе взаимное расположение ярусов, поэтому на занятии рекомендуется использовать схему театрального зала как наглядный материал.

В качестве учебного текста предлагается диалог двух студентов, который вводит в речь слова и словосочетания, относящиеся к ассоциативному полю: *играть в театре, а не работать; в театре идёт спектакль по пьесе* и т. д. Вводится также фоновая информация: *в театре не принято ходить в джинсах*.

Задание. Прочитайте диалог, скажите, в какие моменты Дима и Мэтью не понимали друг друга? Почему они столкнулись с трудностями в понимании?

Дима: Мэтью, привет! У меня отличная новость: есть два билета в театр! Пойдёшь со мной?

Мэтью: В театр? А какой мюзикл мы будем смотреть?

Д.: Это будет не мюзикл, а спектакль по пьесе Чехова «Чайка». В этом спектакле играют очень известные актёры!

М.: Может быть, я тоже их знаю? В каких фильмах они снимались?

Д.: Не все из них играют в кино. Театр – вот их призвание.

М.: Я бы тоже хотел работать в театре!

Д.: Работать? Костюмером или, может быть, осветителем?

М.: Нет, я был бы настоящим актёром!

Д.: Актёры в театре играют, для них главное – искусство, а не работа. Это очень творческие люди.

М.: Тогда я очень хочу посмотреть на русских актёров! Когда спектакль?

Д.: Сегодня в 7 часов. Только не забудь прийти домой и переодеться: в джинсах в театр ходить не принято. Надень лучшие рубашку и брюки.

Затем учащимся предлагается выполнить речевое задание:

Задание. Расскажите о своём театральном опыте, используя предложенные слова и словосочетания:

Ходить в театр, талантливые актёры, ставить пьесу, места в партере / на галёрке / в бельэтаже, занавес поднимается, играть с большим вдохновением, ходить в буфет в антракте, аплодисменты зрителей, овации, пойти за кулисы, настоящее искусство.

Результаты ассоциативного анализа текстов показывают, что использование текстового ассоциативного поля в лингводидактических целях вполне оправдано. Во-первых, эти данные могут найти применение в процессе составления лингвострановедческих комментариев к художественному тексту, предтекстовых и после-текстовых заданий. Сравнительный анализ текстовых полей разных авторов, принадлежащих одной лингвокультуре, позволит выделить их инвариантную часть, на основе которой можно создавать лексические задания различных типов и учебные тексты, ориентированные на формирование билингвальной языковой личности, под которой понимается структура языковой личности учащегося, реализуемая средствами как родного, так и изучаемого языка [2].

Таким образом, изучение и разработка способов реконструкции текстового ассоциативного поля представляется перспективным направлением в области лингводидактики, несмотря на трудности, с которыми сталкивается исследователь. К ним относится вопрос о выборе слов-стимулов, значимых для русской культуры, а значит, важных для изучения в иностранной аудитории, а также проблема определения основных приёмов и методов работы с текстом с целью выделения ассоциаций и структуры ассоциативного поля. Представляется, что решение этих вопросов позволит расширить возможности использования текстового ассоциативного анализа в лингводидактике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Караулов, Ю. Н. Ассоциативный анализ: новый подход к интерпретации художественного текста / Ю. Н. Караулов // Вопросы психолингвистики. – № 3 (25). – Институт языкознания РАН. – М.: 2015. – С. 14–35.
2. Потемкина, Е. В. Проблема формирования билингвальной языковой личности в лингводидактике / Е. В. Потемкина // Пространство языка – пространство культуры // Материалы региональной научно-практической конференции. – М.: МАРХИ, 2013. – С. 79–81.

Материал поступил в редакцию 27.04.16.

THE POSSIBILITY OF USING ASSOCIATIVE TEXT FIELD IN LANGUAGE EDUCATION

N.R. Akhmetshina, Assisting Teacher

National Research Nuclear University MEPhI (Moscow Engineering Physics Institute) (Moscow), Russia

***Abstract.** The article is dedicated to the possibilities of using association experiment for language education purposes, a special attention is given to the creation of associative text field. The results of the comparative analysis of associative text fields from different works of fiction can be used in language education when developing a system of tasks for a foreign-language audience. The article presents the analysis findings and the examples of different types of tasks created with regard to the material obtained from such analysis.*

***Keywords:** association experiment, associative text field, associative verbal network, language education.*

УДК 81-22

КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СТИЛИСТИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ

Е.В. Монахова, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков
Российский государственный социальный университет (Москва), Россия

Аннотация. В статье обосновывается возможность расширения традиционно принятой в стилистике трактовки стилистических приемов. Интерпретацию стилистических приемов предлагается рассматривать с позиций когнитивно-прагматического подхода в рамках определенного дискурса.

Ключевые слова: стилистический прием, дискурс, когнитивный подход, прагматический подход.

Исследование стилистических приемов берет начало еще в античных риториках. Стилистические приемы представляют собой значительную часть стилистических ресурсов языка и на протяжении многих столетий являлись основой наблюдений и изучений в различных направлениях науки. Необходимо отметить, что при однозначном признании существования в языке стилистически маркированных средств, ученые так и не выработали однозначного для них определения, и помимо понятия «стилистический прием» используют также «стилистическое средство», «троп», «фигура» и т.д.

Теорию стилистических приемов в английской стилистике разрабатывал И.Р. Гальперин. Его определение стилистического приема звучит следующим образом: A stylistic device is a conscious and intentional intensification of some typical structural and/or semantic property of a language unit (neutral or expressive) promoted to a generalized status and thus becoming a generative model. [2, 30]. Таким образом, стилистический прием признается как обобщение, типизация, сгущение объективно существующих в языке фактов, средств для выражения мысли. Это есть не простое воспроизведение этих фактов, а творческая их переработка. Любое выразительное средство языка может быть использовано как стилистический прием, если оно типизировано и обобщено для определенных целей воздействия. Эти основные параметры – модель построения и функции – на протяжении долгого времени и служили основой для характеристики стилистических приемов. Например, сравнение в английском языке, как правило, маркируется при помощи союзов *as*, *like* и используется для выявления в объекте сравнения новых, важных, преимущественных для субъекта высказывания свойств. Естественно, представленная выше модель несколько упрощена: сравнение может быть образовано и без союзов и преследовать другие цели, но это частные случаи. В целом же множество текстовых реализаций стилистических приемов можно свести к конкретным моделям и алгоритмам построения аналогичных контекстов со сходными стилистическими эффектами. Таким образом, в основу такого рода характеристики стилистических приемов положен структурно-семантический принцип.

На современном этапе развития науки принятые в стилистике термины сохраняются, но достигнутый лингвистикой уровень позволяет дать им новое толкование. В современной науке возник новый подход к вопросам трактовки выразительных средств, опирающийся на новые принципы. Детальная классификация самих средств, разработанная на предшествующих этапах развития науки, при этом сохраняется, но занимает вспомогательное, а не главное положение. Существовавшие ранее подходы не устанавливали взаимосвязи между опытом и знаниями, отраженными в языке, с одной стороны, и субъектом восприятия и познания, с другой. Поэтому изучение стилистических приемов в настоящее время фокусируется в пределах нескольких взаимосвязанных и взаимодополняющих научных направлений.

Так, функционирование стилистических приемов рассматривается в рамках того или иного дискурса (художественного, научного, политического и т.д.). Термин «дискурс» в настоящее время активно используется в лингвистике, так как традиционного понятия «текст» оказалось недостаточно для анализа мировоззренческих аспектов текстовых материалов. В отличие от текста «дискурс» понимают как сложное явление, отражающее зависимость создаваемого произведения от экстралингвистических обстоятельств – мнений, установок, знаний о мире. Эта сложная иерархия знаний необходима как при порождении, так и при восприятии текста.

Если исходить из данной посылки, то речевую деятельность можно рассматривать как способ приобретения знаний, познания мира человеком. А в модель понимания данного вида деятельности логично вписывается модель его когнитивной обработки.

Анализ опубликованных за последние годы работ показывает тенденцию осуществлять характеристику различных видов дискурса, речевых форм, языковых явлений с учетом когнитивного и прагматического подходов. Когнитивно-прагматический подход предлагает новую концептуализацию определенных явлений, проясняет природу контекста, в которых они создаются, задействует разнообразные знания человека (языковые, культурные, социальные и т.д.) для адекватной интерпретации рассматриваемых явлений, в том числе и стилистических приемов.

Рассмотрим, как применяется когнитивно-прагматический подход для интерпретации стилистических приемов в художественном дискурсе.

Теория дискурса как прагматизированной формы текста берет свое начало в концепции Э. Бенвениста. Он определяет речь как «всякое высказывание, предполагающее говорящего и слушающего и намерение первого определенным образом воздействовать на второго» [1, 23]. Прагматику связывают с сознательным выбором языковых средств для наиболее эффективного воздействия на адресата с целью вызвать у него определенные мысли, чувства, поведение. Одним из таких эффективных средств являются стилистические приемы, интерпретация которых проходит не только в микроконтексте, созданном автором, но и в широком контексте, учитывающем знания, убеждения, ожидания адресата.

На функционирование любого стилистического приема оказывают влияние множество факторов. Одни из них являются прагматическими составляющими любого текста как средства коммуникации. Такие исследователи, как В.Л. Наер, Н.С. Валгина говорили, в частности, о необходимости учета таких факторов, как участники коммуникации, прагматическая установка текста, его прагматическое содержание, прагматический эффект и потенциал. И хотя участники коммуникации в письменных видах дискурса напрямую не присутствуют, создатель текста воплощен в нем как творец, непосредственно вербализирующий свои убеждения, взгляды и вкусы, а потенциальный адресат опосредованно диктует строение текста, отбор словаря и т.д. В идеале автору необходимо достичь понимания с адресатом, получить душевный или эмоциональный отклик. Эта цель обуславливает и другие составляющие текста: прагматическая установка – конкретное намерение оказать соответствующее воздействие на адресата; прагматическое содержание – условия и цели передачи содержания и сопутствующих ему намерений; прагматический эффект – уяснение и декодирование содержания текста адресатом.

Следующая группа прагматических факторов определяется типом дискурса, в которых звучат стилистические приемы, так, для художественного дискурса такими факторами являются позиция говорящего и наблюдателя в художественном пространстве, точка зрения, точка отсчета и фокус внимания (Е.В. Падучева). Третью группу факторов составляют непосредственно прагматический потенциал самого стилистического приема.

Введение в стилистику и прагматику нового когнитивного направления позволило пересмотреть процесс интерпретации стилистических приемов. Представители когнитивной лингвистики исходят из того, что языковая деятельность осуществляется на основе тех же когнитивных принципов, что и любая другая деятельность человека. Концептуализация и категоризация в процессе познания осуществляется исходя из субъективных представлений индивида, причем информация не обязательно должна усваиваться полностью, объем извлеченной информации зависит от контекста, фоновых знаний, личностных характеристик, принадлежности к социуму и культуре.

Таким образом, основные выводы когнитивной лингвистики позволяют уточнить положение, что стилистический прием является явлением, возникающем под влиянием дискурсивных условий в рамках микро- и макроконтекста и представляет собой когнитивную структуру, возникающую на стыке ментальных пространств адресанта в виде созданного им дискурса, и ментального пространства адресата, декодирующего заданное пространство с учетом собственного.

Проиллюстрируем приведенные положения на примере:

Every time I left our apartment to go searching for the lock, I became a little lighter, because I was getting closer to Dad. But I also became a little heavier, because I was getting farther from Mom. (J.Safran Foer *Extremely loud and incredibly close*)

В данном случае автор использует антитезу для передачи контрастной информации, отбирая лексические единицы, обладающие необходимым значением, и организует их высказывание таким образом, чтобы установить между ними необходимые связи. В качестве говорящего выступает главный персонаж романа, мальчик Оскар, чей отец погиб во время взрыва Торгового центра 11 сентября в Америке. Уже само событие, потрясшее в свое время весь мир, задает тон повествованию и его интерпретации, первая реакция на описываемые события: ужас, потери, боль. Кроме того, не может не вызвать эмоционального отклика и тот факт, что главный герой произведения – маленький мальчик, не осознавший смерти своего отца. Это динамичный участник событий, точка зрения на явления представляет его «авторскую позицию» как активного участника всех происходящих событий. Исходной точкой является сам говорящий, объекты и их характеристики, попадающие в фокус его внимания, выступают в качестве компонентов антитезы. После смерти отца мальчик находит в вазе на столе папы ключ. Оскар полагает, что, найдя замок, который открывает этот ключ, он узнает причину гибели его отца. Гнетет мальчика только одно – он ничего не говорит маме, боясь, что она расстроится. Антитеза реализуется на лексическом и грамматическом уровне. Смысловыми составляющими выступают три пары противопоставленных компонентов: антонимические пары *lighter-heavier*, *closer-farther*, эквонимы *Dad-Mom*. Именно противопоставление *Dad-Mom* и определяет функционирование остальных лексических составляющих. Мальчик разрывается между отцом и матерью, чувствуя, что перед каждым из них у него есть долг. Он любит обоих родителей, но каждый его поступок – это шаг в сторону одного из них. Антонимическая пара *lighter-heavier* выражает внутренние ощущения Оскара, его психологическое состояние. Пара *closer-farther* представляет родителей как два полюса, между которыми находится мальчик, и чем ближе он к одному из них, тем дальше от другого. Объяснить мотивы своих поступков маме мальчик не может, он по-детски действует интуитивно, высказывает наивные детские желания, например, чтобы дома строили не вверх, а под землю, чтобы в случае

взрыва они не падали. Он не понимает, но чувствует, что взрослые, в том числе и его мама, действуют исходя из других, рациональных побуждений, а потому ребенок не раскрывается взрослым полностью. Связь между смысловыми компонентами антитезы выявляется с помощью параллельных конструкций *I became a little..., because I was getting....* Противонаправленные действия по отношению к родителям выражаются при помощи предлогов *to-from*. Противопоставление подчеркивает союз *but*. Лексические и синтаксические составляющие антитезы помогают, во-первых, выразить логическую связь между несколькими составляющими антитезного высказывания, а, во-вторых, сделать его эмоциональным, выражая внутренние переживания ребенка.

Как отмечал М.В. Никитин, психическая деятельность человека основывается на единстве когнитивных и прагматических структур сознания, вбирающих личностный опыт индивидуума, обогащенного и скорректированного коллективным опытом человечества благодаря языку. Прагматические факторы (ситуация, пространственно-временные рамки, личности участников и т.д.) оказывают огромное влияние на когнитивные процессы, происходящие в сознании участников коммуникации в момент порождения и восприятия высказывания.

Применение новых подходов, в частности, когнитивно-прагматического, позволяет расширить традиционную трактовку стилистических приемов, меняет ракурс их видения, придает процессу более обоснованный характер, помогает более полно понять используемые автором стилистические маркированные приемы. Сами стилистические приемы не выступают как нечто заданное, неизменное, это динамически выстраиваемые модели с переменными величинами – компонентами. Для интерпретации стилистических приемов, тем самым, требуются разнообразные знания (языковые, фоновые, культурные и т.д.), которые при этом носят личностный характер и составляют концептуальную картину и являются частью отдельного человека.

Таким образом, стилистический прием выступает не как заданное вкрапление в дискурс, а как схема создания пространства дискурса, которую автор использует для вербализации некоего мыслительного содержания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова, Н.Д. Истоки, проблемы и категории прагматики / Н.Д. Арутюнова, Е.В. Падучева // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып.16, Москва: Прогресс, 1985. – 501 с.
2. Гальперин, И.Р. Стилистика английского языка (на англ. яз.). Учебник. – 3-е изд. / И.Р. Гальперин М: Высшая школа, 1981. – 334 с.
3. Моргун, Е.А. К вопросу о конвергенции когнитивного и прагматического подходов [Текст] / Е.А. Моргун // Филология и лингвистика: проблемы и перспективы: материалы II междунар. науч. конф. (г. Челябинск, апрель 2013 г.). – Челябинск: Два комсомольца, 2013. – С. 55-57.
4. Наер, В.Л. Дискурс и текст: речевое произведение / В.Л. Наер // Вестник МГЛУ. Вып. 496. – М., 2004. – С. 7-15.
5. Наер, В.Л. Прагматика текста и ее составляющие / В.Л. Наер // Прагматика и стилистика: сб. научных трудов МГПИИЯ им. М.Тореза, 1985. – № 245. – С. 4-13.
6. Никитин, М.В. Основы лингвистической теории значения: учеб. пособие / М.В. Никитин. – М.: Высш. шк., 1988. – 168 с.
7. Levinson, S.C. Pragmatics / S.C. Levinson. – Cambridge Univ. Press, 1983. – 420 p.

Материал поступил в редакцию 04.05.16.

COGNITIVE-PRAGMATIC ANALYSIS OF STYLISTIC DEVICES

E.V. Monakhova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Foreign Languages Department
Russian State Social University (Moscow), Russia

Abstract. *The possibility to expand rendering of stylistic devices traditionally accepted in stylistics is proved in this article. Interpretation of stylistic devices is suggested to be considered from the perspective of cognitive-pragmatic approach within a certain discourse.*

Keywords: *stylistic device, discourse, cognitive approach, pragmatic approach.*

УДК 81'42

ВЕРБАЛЬНЫЕ ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ ВНЕШНОСТИ В ЯЗЫКЕ РЕКЛАМЫ

Е.А. Розова, аспирант

Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина
(Санкт-Петербург), Россия

Аннотация. Данная статья раскрывает такое понятие, как гендерно ориентированная реклама, с точки зрения её языкового оформления. Понятие гендерно ориентированной рекламы рассматривается на примере анализа различных языковых средств, используемых в текстах так называемой мужской и женской рекламы. В работе разбираются, оцениваются, сравниваются и сопоставляются языковые приёмы формирования гендерных стереотипов в отношении лексико-семантического поля «красота» с целью выявления их лингвистических особенностей и определения эффективности их использования в рекламных текстах.

Ключевые слова: гендерно ориентированная реклама, стереотип, маскулинность, фемининность, универсальность, язык рекламы.

В свете развития гендерной лингвистики актуально звучат вопросы формирования стереотипов мужественности и женственности в языке средств массовой информации и в рекламе, в частности. На сегодняшний день «гендер является одной из характеристик, раскрывающих сущность индивидуума в социуме, а гендерная самоидентификация, затрагивающая самые глубокие пласты личности, – важнейшим аспектом её формирования» [8, с. 246].

В данной статье будут рассмотрены языковые гендерные стереотипы внешности, формируемые посредством рекламы. В задачи исследования ставится выделение гендерных стереотипов на уровне лексики, определение лексических маркеров в языке рекламы, анализ мужских и женских гендерных стереотипов в языке рекламы. В качестве методик исследования используются сплошная выборка гендерно ориентированных текстов, метод рассмотрения языковых средств в пределах рекламного текста; сравнительный анализ текстов мужской и женской рекламы.

Стоит отметить, что появление гендерных стереотипов не является прерогативой современности, а, напротив, имеет глубокие корни. По мнению Вещевой Н.С., в первую очередь, это обусловлено «моделью гендерных отношений, которая исторически выстраивалась таким образом, что половые различия располагались над индивидуальными, качественными различиями личности мужчины и женщины» [4, с. 151].

Информационное влияние рекламы вносит определённые колебания в устоявшийся баланс между различными элементами общественной идентификации, рассматривая их сквозь призму гендерных показателей. Петров М.С. считает, что именно реклама закрепляет и усиливает полоролевые стереотипы в обществе [10, с. 402], поскольку рекламодатели демонстрируют потенциальному покупателю якобы установившиеся в обществе идеалы мужской и женской внешности, стремление к которым ожидает общественность от потребителя в тех или иных ситуациях.

Под гендерными стереотипами, вслед за Дубовской И.Н., будут пониматься некие «установки, возникающие над биологически половой реальностью, отражающие совокупность биологических признаков, социальных ролей, особенностей психики и поведения, присущие представителям данного пола в рамках данной культуры» [5, с. 102]. Иными словами, гендерный стереотип – это схематический, типичный и обобщённый образ того, как должны выглядеть настоящие мужчины и истинные женщины.

Ветлицкая Е. В. [3, с. 147] выделяет три вида рекламы относительно её гендерной ориентированности:

- Рекламные тексты, ориентированные непосредственно на мужскую аудиторию и представляющие мужской гендерный стереотип;
- Рекламные тексты, ориентированные непосредственно на женскую аудиторию и представляющие женский гендерный стереотип;
- Рекламные тексты, ориентированные на смешанную аудиторию (как мужскую, так и женскую) и представляющие, соответственно, смешанный гендерный стереотип.

Во всех трёх типах проявление гендерного стереотипа осуществляется, в первую очередь, на лексическом уровне. По мнению Завадской А.В., любой гендерно ориентированный рекламный текст обладает определённым лексическим маркером [6, с. 51].

На рис. 1 представлено, как распределяются лексические единицы относительно трёх видов гендерно ориентированных рекламных текстов. Стоит отметить, что лексический материал распределён в соответствии с его сферой употребления, то есть лексемы, встречающиеся только в мужской рекламе, вошли в группу «Маскулинность», а лексика женской рекламы – в группу «Фемининность». Языковые единицы, встречающиеся как в женской, так и в мужской рекламе, составляют группу «Универсальность».

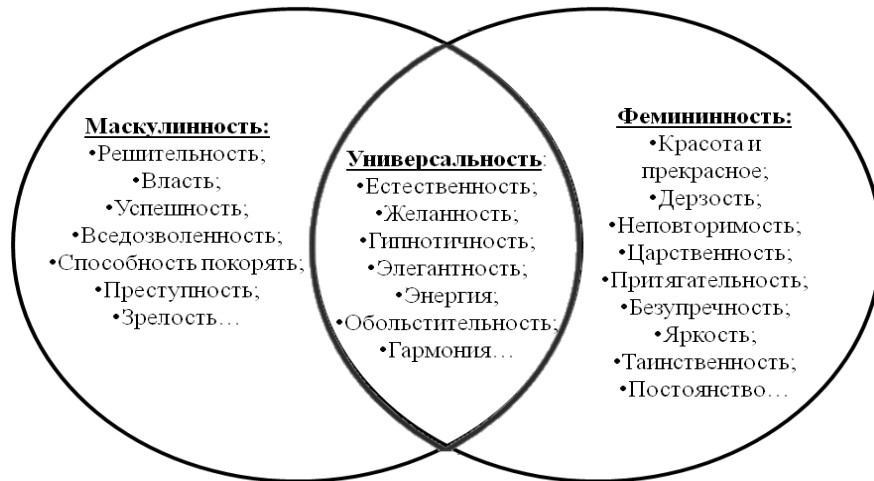

Рис. 1. Лексико-семантические составляющие гендерных стереотипов в языке рекламы

Анализ языкового материала подтверждает убеждение И.В. Ашиновой в том, что «образы женщины и мужчины – достаточно идеализированные – выступают, как положительные» [1, с. 116]. И действительно, ни в одном из представленных трёх гендерных стереотипов нет ни одной негативно окрашенной лексемы.

Очевидно, что наибольшее разнообразие лексических компонентов представлено в категории феминности (женственности). Принято считать, что в большинстве своём реклама направлена на женскую аудиторию, так как именно представительницы прекрасного пола считаются традиционными покупателями. Чаще всего женщины приобретают и мужскую одежду, и, соответственно, именно для женщин вопрос внешней красоты стоит наиболее остро.

Под женственностью понимается «особая социальная реальность, причастность к которой отличает женщину от мужчины» [7, с. 138]. В женских рекламных текстах выделяется ряд специфических качеств, составляющих основу привлекательности для противоположного пола. Данные качества находят свою актуализацию в семантическом поле «красота».

Во-первых, важно указать на наличие самой лексемы «красота» в женских рекламных текстах. Если в мужских рекламных текстах употребление понятия «красота» сведено к минимуму, то в женских рекламных текстах эта лексема является одной из самых частотных. *Красота – это свобода.* (NIVEA, дезодоранты. Рекламный девиз на территории России, 2009). *Красота разнообразна, как сама жизнь. Красота ослепляет и светится изнутри. Она в глазах, и она в сердце. Как будто знакомая, но всегда удивительная. Красота вокруг – и внутри каждого. Мы чувствуем и видим ЭТО.* Nivea. (NIVEA, дезодоранты. Рекламный девиз на территории России, 2009).

Красота – это всегда идеал; чтобы быть воистину красивой, женщина должна быть идеальной. Идеал граничит с совершенностью, безукоризненностью и безупречностью: *Каждое утро используй REXONA и будь безупречна.* (REXONA, дезодоранты. Слоган рекламы в России, 2007). Иными словами, безупречность, идеальность, совершенство становятся контекстными синонимами понятия красоты.

По-прежнему критерием женственности остаётся хрупкость: *Хрупкой может быть девушка, но не её волосы!* (HERBAL ESSENCES, линия «Нас не сломишь!»: шампунь, бальзам-ополаскиватель, интенсивная маска для волос. Слоган линии, 2010). Таким образом, лексема хрупкости становится лексическим маркером в рекламных текстах, ориентированных на женскую потребительскую аудиторию.

Однако в большинстве рекламных текстов понятие красоты истолковывается как нечто вызывающее, противопоставленное общественным устоям: *Такая красота должна быть под запретом.* (GIVENCHY Rouge Interdil, губная помада. Слоган международной рекламной кампании, 2007). Близким понятию красоты становится понятие дерзости: *Заставь его краснеть.* (AVON Be Kissable, аромат для молодых женщин, «Дерзкий и сексуальный». Всемирный слоган, 2010).

Красота женщины должна быть неповторимой. *Каждая с ним неповторима* (ESTEE LAUDER Sensuous, аромат для женщин. Рекламный лозунг в России, 2009). Используя принципы контрастности и антитезу, автор текста апеллирует понятиями массовости и единичности одновременно. Соответственно, в контексте рекламного текста близким по значению становится понятие индивидуальности: *Будь радикальной! Подчеркни свою индивидуальность!* («Шисейдо»). Будучи неповторимой и индивидуальной, женщина становится, таким образом, единственной в жизни мужчины. А стать единственной, быть первой и последней любовью – мечта каждой женщины. Чтобы выделиться из толпы обыкновенных женщин и проявить свою уникальность, необходимо быть яркой: *Выбери свой цвет. Будь яркой!* (MAX FACTOR, губная помада. Слоган международной рекламной кампании, 2008). Иными словами, мужчину притягивает правильно выбранный цвет губной помады: *Притяжение цвета.* (ORIFLAME, губная помада. Слоган рекламной кампании в России, 2007).

Для каждой женщины очень важно быть и осознавать себя красивой постоянно. Постоянства она требует и от своего спутника жизни: **Есть женщины, что увлекают на мгновение. Другие остаются в сердце навсегда...** (AVON Eternal Magic, женский аромат. Рекламный слоган на территории РФ, 2010). Пользуясь ароматами этой линии, женщины не просто смогут очаровать мужчину, но и завладеть им навсегда.

Быть единственной в своём роде – значит быть непревзойдённой: **Я самая самая!** (COTTON CLUB, косметика. Имиджевый слоган. Сеть топ-салонов красоты АИДА, Москва). Embellir – тайна Вашего превосходства. (MENARD Embellir, японская косметика. Слоган международной рекламной кампании, 2007). Создаётся некий образ божества, «царицы мужских сердец»: **Озари ночь, почувствуй себя царицей** (PANTENE PRO-V Style, средства для укладки волос. Слоган рекламной кампании в России, 2007). Если женщина красива, то мужчины преклоняются перед ней: **Женщина чувствует себя красивой, и все вокруг преклоняются перед ней.** (YVES ROCHER Serum Vegetal, гамма растительных сывороток по уходу за кожей. Девиз рекламы в России, 2008).

Неговорова И. В. считает, что в рекламном тексте предстаёт некий «свод заповедей современной женщины <...>, где отражаются ценности индивидуалистической культуры: стремление к самореализации, приоритет Я-идентичности, уверенность в себе, ориентированность на достижение поставленных целей, эгоизм» [9, с. 189]. Иными словами, женская красота перестаёт быть атрибутом женщины, а становится средством для достижения определённых целей.

Другие лексические элементы составляют отражение маскулинности. Мужской гендерный стереотип – это стереотип, соответствующий понятию «мужественность», «мужской», с опорой на традиционные мужские характеристики» [12, с. 118].

Несомненные атрибуты мужественности – это сила и власть. Мужская сила за счёт антонимии противопоставляется женской слабости и хрупкости. Власть позволяет подчинять и покорять слабый пол: **Власть мужчины.** (ESTEE LAUDER Intuition For Men, аромат для мужчин. Слоган на территории РФ, 2002). **Это только аромат. Остальное – в твоих руках.** (HUGO, туалетная вода для мужчин. Девиз рекламной кампании в России, 2007). Если в тексте женской рекламы аромат становится важнейшим средством достижения цели, то в тексте мужской рекламы – это лишь незначительный штрих, который (прочитывается в подтексте) помогает оказывать сильнейшее воздействие на противоположный пол.

Быть во власти – значит всегда быть успешным и решительным. **«Потому что вы всегда на высоте...»**, – призывает рекламный слоган *средства по уходу за мужской кожей SHISEIDO Men*, поскольку для истинного мужчины очень важно самоутвердиться, занять своё, причём значимое, место в жизни.

Не менее важно для настоящего мужчины осознавать себя зрелым и самостоятельным: **Отделяет мужчин от мальчиков.** (BALDESSARINI, мужские парфюмерия и одежда. Слоган международной рекламной кампании, 2007).

Когда мужчина достигает своего, возникает чувство вседозволенности, поэтому лексемы безграничности, преступности возникают в мужских рекламных текстах постоянно: **Пробуди чувства. Пересеки границы.** (PALMOLIVE, мужской гель для душа. Рекламный слоган в России, 2008). **Это лучше в темноте.** (KENNETH COLE Black, мужской аромат. Рекламный слоган в России, 2008).

Последний слоган подводит к важному выводу. Для мужчины внешние данные важны намного меньше, чем для женщины, поскольку благодаря внутренней энергетике мужчина способен добиваться своего даже в темноте. Следовательно, в мужских рекламных текстах акцент ставится на волевые качества, нежели на внешние достоинства.

И третий тип гендерно ориентированной рекламы – это так называемый «смешанный» тип. Под смешанным гендерным стереотипом понимается «стереотип, соответствующий понятию «женский», «женственность» и «мужской», «мужественность» одновременно. <...> смешанный гендерный стереотип характеризуется психологическими и лингвистическими особенностями восприятия и порождения высказываний и мужчинами, и женщинами» [12, с. 118, 123].

Лексическую группу универсальности составляют такие понятия, которые одинаково важны как для мужчин, так и для женщин, а именно: чувственность, желанность, гипнотичность, элегантность, обольстительность, гармония, энергия. Универсальность рекламных текстов проявляется двояко. В одном случае, это использование идентичных текстов, как для мужской, так и для женской рекламы: **Гармония – это ещё не всё.** (HUGO, туалетная вода для мужчин, туалетная вода для женщин. Слоган международной рекламной кампании, 2008); **Не для всех.** (BRUNO BANANI, ароматы для мужчин и женщин. Корпоративный девиз). В таких случаях используются стереотипы, одинаково важные для обоих полов.

Во втором случае наблюдается использование одинаковых стереотипов, но их языковая оформленность варьируется в зависимости от адресата рекламы. Соотношение универсальных лексем и их репрезентация в мужской и женской рекламе представлены в Таблице 1.

Употребление универсальных лексем в текстах мужской и женской рекламы

Универсальные качества	Мужская реклама	Женская реклама
Естественность	<i>Будь желанным. Будь собой. (BLUE SEDUCTION от Антонио Бандераса, туалетная вода. Слоган на территории России, 2009)</i>	<i>Создавай красоту естественным образом. (MAX FACTOR, косметика на натуральных минералах. Рекламный девиз в России, 2008)</i>
	Мужчина должен быть исключительно самим собой и выглядеть естественно, только в таком случае он может вызывать желание у противоположного пола.	Естественная красота женщины не обязательно реальная. Женщина может сама создать свою красоту, главное, чтобы всё созданное ею выглядело естественно.
Гипнотичность	<i>Чувственный и гипнотический. (YVES SAINT LAURENT L'Homme, туалетная вода для мужчин. Слоган международной рекламной кампании, 2007)</i>	<i>Используй свои глаза для гипноза. (MAX FACTOR False Lash Effect Mascara, тушь. Девиз рекламы в Турции, 2009)</i>
	В мужских рекламных текстах лексема гипноза не имеет строгой локальной привязки, гипнотическим предстаёт мужчина в целом.	В женских рекламных текстах лексема гипноза в большинстве случаев локально привязана к глазам.
Элегантность	<i>Очень элегантный, очень весёлый, очень Ваш... (GIVENCHY, «чувственная парфюмерная вода»). Девиз международной рекламной кампании)</i>	<i>Элегантный наряд для ваших ресниц (тушь "Clinique")</i>
	Мужская элегантность проявляется во всём его облике.	Элегантность в женских рекламных текстах связана по преимуществу с нарядами и одеждой.
Энергия	<i>Энергия свежести. (DAVIDOFF Cool Water, туалетная вода для мужчин. Слоган международной рекламной кампании, 2007); Энергия твоей кожи. (SHISEIDO Men, косметические средства по уходу за кожей). Слоган для РФ, 2003)</i>	<i>Энергия звёзд на ваших губах! (ORIFLAME, губная помада. Слоган рекламной кампании в России)</i>
	Энергия для мужчины – это приток сил, способность быть активным долгое время. В мужских рекламных текстах энергия предстаёт внутренним качеством.	Энергия представлена в качестве синонима слову блеск, сияние, поскольку для женщины, в первую очередь, необходимо излучать свою красоту. Энергия в женской рекламе – это внешнее проявление.

Анализируя представленный языковой материал, можно с уверенностью сказать, что, несмотря на универсальный характер, представленные в Таблице 1 лексемы в зависимости от контекста приобретают свою семантическую направленность, соответствуя представлениям о мужских и женских гендерных стереотипах. Эта «ограниченная» универсальность неслучайна, так как ярко выраженная гендерная ориентация рекламы всё же повышает её эффективность, и реклама воспринимается потенциальным покупателем как более интересная [12, с. 123].

Таким образом, в языке рекламы чётко сформированы три гендерных стереотипа: женский, мужской и универсальный. Женский стереотип представлен понятиями красоты, безупречности, прекрасного и обворожительного. Иными словами, женский гендерный стереотип формируется на основе внешних характеристик. Для мужского гендерного стереотипа характерны понятия власти, силы, решительности и успешности, то есть акцент делается уже не на внешние данные, а на внутреннюю составляющую гендера. Реклама может носить и универсальный характер, когда речь идёт об одинаково важных признаках для обоих гендеров. Однако и универсальные понятия могут носить определённую семантическую наполненность в зависимости от адресата.

При создании рекламных текстов ориентация на гендерную принадлежность адресата играет весомую роль, поскольку однозначная половая самоидентификация важна как для мужчин, так и для женщин. Нацеленность на соблюдение гендерных стереотипов послужит залогом эффективности при составлении любого рекламного текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ашинова, И. В. Маскулинность и фемининность в рекламном дискурсе / И. В. Ашинова // Культурная жизнь Юга России. – Краснодар: изд-во Краснодарского государственного университета культуры и искусств. – 2008. – № 4. – С. 115–117.
2. Бахчеева, О. П. Гендерные стереотипы в рекламе / О. П. Бахчеева // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: ООО Издательство «Граммота». – 2009. – № 2–3. – С. 19–21.
3. Ветлицкая, Е. В. Лингвистическая репрезентация гендерных стереотипов в рекламе (на материале англоязычных и русскоязычных текстов): дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Ветлицкая. – Тамбов, 2005. – 147 с.
4. Вещева, Н. С. Гендерные стереотипы и гендерные представления / Н. С. Вещева // Сборники конференций НИЦ «Социосфера». – Прага: Vědecko vydavatelské centrum "Sociosféra-CZ" s.r.o., 2010. – № 3. – С. 151–155.
5. Дубовская, И. Н. Женский портрет на фоне рекламы / И. Н. Дубовская // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2002. – № 2. – с. 98–106.
6. Завадская, А. В. Лексические маркеры гендерно ориентированной рекламы / А. В. Завадская, Н. А. Чекакина // Вестник Оренбургского государственного университета. – Оренбург: изд-во Оренбургского государственного университета. – 2012. – № 4. – С. 50–56.

7. Кротова, М. А. Гендер адресата в тексте журнальной рекламы / М. А. Кротова // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. – Ярославль: изд-во Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. – 2011. – № 1. – С. 137–139.
8. Максимова, О. Б. Гендерное измерение в современном социально-коммуникативном дискурсе: роль рекламы / О. Б. Максимова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – М.: изд-во Российского университета дружбы народов. – 2004. – № 6–7. – С. 246–254.
9. Неговорова, И. В. Гендерный стереотип женщины в контексте современной рекламы косметических средств / И. В. Неговорова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – Майкоп: Изд-во Адыгейского государственного университета. – 2009. – № 3. – С. 187–189.
10. Петров, М. С. Гендерные образы и стереотипы современной российской рекламы / М. С. Петров // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – СПб.: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. – 2010. – № 124. – С. 401–407.
11. Ухова, Л. В. Гендерная маркированность рекламных текстов: к вопросу об эффективности коммуникации / Л. В. Ухова // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. – Кострома: изд-во Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2011. – Т. 17. – № 5–6. – С. 137–140.
12. Хрулёва, Т. Н. Репрезентация гендерных стереотипов в журнальной рекламе / Т. Н. Хрулёва // Вестник ставропольского государственного университета. Выпуск 48. – Ставрополь, 2007. – С. 117–124.
13. База рекламных слоганов. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sloganbase.ru>.

Материал поступил в редакцию 26.04.16.

VERBAL GENDER STEREOTYPES RELATED TO APPEARANCE IN ADVERTISING LANGUAGE

E.A. Rozova, Postgraduate Student
A.S. Pushkin Leningrad State University (Saint Petersburg), Russia

Abstract. *This article defines the concept of gender-oriented advertising from the viewpoint of its linguistic design. The concept of gender-oriented advertising is considered by analyzing various means of language used in texts of so called men's and women's advertising. The article suggests review, evaluation, comparison and collation of linguistic devices used to form gender stereotypes with regard to lexical-semantic field "beauty" in order to reveal their linguistic peculiarities and determine their efficiency when used in advertising texts.*

Keywords: *gender-oriented advertising, stereotype, masculinity, femininity, versatility, advertising language.*

Literary Studies
Литературоведение

УДК 82-31

**СПЕЦИФИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО МЕТОДА М. ШИШКИНА
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «ЗАПИСКИ ЛАРИОНОВА»)**

Ю.Г. Бабичева¹, М.С. Татаринцева²

¹ кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы,

² студент 5-ого курса филологического факультета

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет
имени В.М. Шукшина» (Бийск), Россия

***Аннотация.** Статья посвящена проблеме художественного метода известного отечественного писателя М. Шишкина. Главной целью работы стало исследование синкретичности методологических установок автора на материале романа «Записки Ларионова». Авторы сосредоточивают свое внимание на следующих текстовых компонентах произведения: средствах и приемах отображения действительности, специфике психологизма, хронотопе, особенностях организации повествования, жанровой характеристике – и приходят к выводу о тесном переплетении элементов реалистической, модернистской и постмодернистской эстетик, являющимся следствием как общей тенденции современного литературного процесса в целом, так и индивидуально-авторских художественных интенций.*

***Ключевые слова:** художественный метод, реализм, модернизм, постмодернизм, современный литературный процесс.*

Фигура Михаила Шишкина занимает особое место в границах современного литературного процесса. М. Шишкин – один из самых читаемых русских писателей, обладатель трёх российских литературных премий «Русский Букер», «Национальный бестселлер» и «Большая книга» [5].

Определяя место М. Шишкина в литературе, исследователи рассматривают творчество писателя в координатах реализма – модернизма – постмодернизма, ориентируясь на синкретичный методологический вектор современной словесности в целом. Большинство теоретиков литературы и критиков, таких как И. Скоропанова («Принцип пазла: язык и хронотоп в прозе Шишкина»), А. Мережинская («Русский литературный постмодернизм. Художественная специфика. Динамика развития»), В. Курицын («Русский литературный постмодернизм»), относят художественное наследие М. Шишкина к постмодернизму. Д. Бавильский определил поэтику Шишкина следующим образом: «постмодерн, понятный и исполненный как модерн» [2]. М. Липовецкий интерпретирует прозу писателя как скрещение постмодернистской поэтики с интеллектуально-модернистским дискурсом, как паралогический компромисс между модернизмом и постмодернизмом, но при этом называет его порождением «постмодерного реализма» [6]. Думается, столь диффузные номинации творческого метода прозаика являются не только следствием обозначенной выше тенденции, сопряженной с самой сущностью современной литературной парадигмы, но и ярко иллюстрируют индивидуально-авторские художественные интенции. Продемонстрируем реализацию реалистических, модернистских и постмодернистских творческих установок прозаика на материале литературного дебюта писателя.

В романе, написанном М. Шишкиным в 1993 году, «Всех ожидает одна ночь» («Записки Ларионова») сформирована новая художественная позиция произведения, не характерная для магистрального литературного дискурса начала 90-х годов – постмодернизма, представленного в это время такими яркими книгами, как повести В. Пелевина, романы Е. Попова. Эта позиция принципиально новаторская, синтезирующая в себе черты как постмодернизма, как и концептуально конфронтующих с ним модернизма и реализма.

Рассмотрим черты, которые позволяют отнести данный роман к обозначенным литературным практикам.

Жанр произведения – «записки» – заявлен автором уже в заглавии и дает право констатировать жанровую установку реалистической эстетики 19 века. «Литературная энциклопедия терминов и понятий» дает следующее определение этому жанру: «Записки – это жанр, связанный с размышлениями о пережитом и подразумевающий выражение личного отношения автора или рассказчика к описываемому» [10].

Н.М. Карамзин называет данный жанр «мемуарами». В русской литературе известны такие произведения, как «Записки сумасшедшего» Н.В. Гоголя, «Записки охотника» И.С. Тургенева, «Записки юного врача» М.А. Булгакова и т.д. Это отчасти психологический жанр, повествование в котором ведется от первого лица. Прием психологизма позволяет глубже понять человеческую душу, смысл поступков персонажей. В романе Александр Львович Ларионов – главный герой повествования – ведет свои записи, в которых не только обозначает происходящие с ним события, но и размышляет по поводу собственных поступков, пытается понять окружающих его людей. Для Ларионова «письмо становится смыслом бытия, способом преобразования личного и социального «хаоса» в «космос» [4]. Автор возвышает

уровень письма до онтологического, так как в записках главный герой постигает себя, свое окружение, бытие в целом. Рефлексируя, Ларионов акцентирует внимание на собственных переживаниях, вызванных одномоментно эмоциях и чувствах: «Я вдруг расхохотался и долго не мог остановиться. Я смеялся над самим собой. Этот человек, которого я считал чуть ли не за друга, был мне гнусен и отвратителен» – так он говорит о своем однокашнике Ситникове [7].

Кроме жанра записок в данном романе выделяются элементы романа-воспитания – художественной установки реалистической литературы психологического плана. Его содержанием является нравственное и социальное формирование личности главного героя [13]. В романе мы видим этапы взросления Ларионова от периода детства до старости. Отсюда можно сделать вывод, что роман «Всех ожидает одна ночь» по жанру также можно назвать психологическим романом, так как в нем в большей мере описывается внутренний мир героя и то, как этот внутренний мир реагирует на события, происходящие вовне.

Чрезмерная детализация, ярко представленная в рассматриваемом произведении, отсылает к поэтике А. П. Чехова, который мастерски использовал данный прием для воссоздания образа и духа времени. Детали, как правило, играют решающую роль в становлении сюжета. Например, сцена гостеприимства в татарской слободе описана с максимальными бытовыми подробностями: «Нам открыл заспанный татарин в исподнем, в наброшенном на плечи тулупе и лампой в руке. Мы сбросили шубы, сняли сапоги и в одних чулках пошли по темному коридору. В большой комнате, увешанной коврами, мы уселись по-татарски прямо на пол. Хозяин суетился, подкладывал под спины подушки, кричал на кого-то в приоткрытую дверь. Принесли балиш и учпишмяк, мы принялись есть прямо руками. Я был уже совсем пьян, когда в комнату вошла молодая маленькая татарка с миской для полоскания рук и подала мне полотенце» [7].

Кроме детализации, в романе репрезентативно драматическое начало, которое прослеживается в наличии конфликта главного героя и его окружения. Конфликт – основа драматического произведения, кроме того, это «элемент психологического состояния», который держит в напряжении героев, чья мысль направлена на проблемы мироустройства [8]. Это снова отсылает читателя к реалистической парадигме.

Исторический промежуток времени с конца 19 по середину 20 века озаглавлен в российской культуре периодом модернизма. Нижней хронологической границей модернизма является «реалистическая» культура, а верхней – постмодернизм [12]. Основной задачей модернизма является проникновение в глубины сознания и под-сознания человека, передача работы памяти, особенностей восприятия окружающего, в том, как в «мгновениях бытия» преломляется прошлое, настоящее и провидится будущее [11]. Стоит отметить, что журнальная версия романа имела название «Всех ожидает одна ночь», и позднее получила название «Записки Ларионова». Эта смена, по мнению Арвида Рональдовича Ингемассона, автора статьи «Автор и герой в романе Михаила Шишкина Записки Ларионова», подчеркнула то, что позиция автора в романе и позиция главного героя отличны [3]. Писатель Михаил Шишкин создает роман, а герой Александр Ларионов – оставляет после себя записки. Записи героя о своей жизни выполняют свою главную функцию: Александр Львович сообщает читателю не только о том, что с ним происходит, но и выражает свое отношение к происходящему. Модернистское начало воплощает свое существование в языке героя, музыкальности фраз, недосказанности-подтексте: «Я сидел в комнате у этого сумасшедшего, кормил его птиц крошками и думал о том, что не понимаю, зачем живу в этом занесенном сугробами чужом городе, зачем бреду каждое утро по темным еще улицам на службу, зачем говорю с людьми, с которыми меня ничего не связывает. Еще я думал о том, что не знаю, чего я здесь выжидаю, от кого и от чего прячусь» [7].

Само повествование подчас сумбурно, герой демонстрирует противоречивость собственных взглядов. Так, Ларионов во второй тетради своих записок рассказывает слуге Михайле о «святости семьи, силе брачных обязательств, совести и тому подобное», при этом оставив, не помня об этих обязательствах, свою жену Нину Ильиничну [7].

Особенности хронотопа в романе иллюстрируют разорванность повествования, его принципиальную нелинейность, которая воплощается в сюжетной организации произведения. Мы не можем проследить за тем, как меняется образ рассказчика, а вместе с ним и время происходящего: в записках это Ларионов, описывающий окружающие его факты действительности, а собственно в романе это Ларионов, лежащий в постели, раскаивающийся, анализирующий свою жизнь. Так реализуется принцип фрагментарности в организации повествования, часто характеризующий модернистское произведение.

Таким образом, элементы модернистской эстетики эксплицированы в романе в особой позиции главного героя: повествование всецело основано на выражении внутреннего мира Ларионова, причем его постижение бытия раскрывается в границах интуитивного познания мира.

Далее мы рассмотрим приемы, которые позволяют позиционировать роман «Всех ожидает одна ночь» как явление постмодернизма.

Одной из репрезентативных стратегий новой эстетической парадигмы становится стратегия метафорического осмысления действительности через игровое обращение к традициям классической русской литературы [1]. Один из таких приемов – это аллюзии к романам века 19-ого, например, произведениям А.С. Пушкина «Капитанская дочка», М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», А.И. Герцена «Былое и думы», Л.Н. Толстого «Война и мир». Аллюзия – это «сознательный авторский намек на общеизвестный литературный или исторический факт» [9]. Аллюзии представлены на различных уровнях: тематическом, образном, сюжетном, жанровом. В произведении поднимаются тема «лишнего человека», которая является хрестоматийной для классического романа 19 века, так как образ Ларионова напоминает образ Печорина. Обращение к одному из героев по имени «Николенька», отсылает читателя к романам Л.Н. Толстого, портрет жены Богомолова ассоциативно напоминает

портрет Марии Болконской: «Это была тощая, бледная женщина с угловатыми, резкими движениями и вовсе не красивым лицом, с кругами под глазами, острым носом, с крепко сжатыми губами» [7]. Художественные детали аллюзивного плана, которые использует М. Шишкин, помогают раскрыть образы героев в произведении. С помощью них автор наиболее точно воссоздает эпоху, представленную им в романе.

С эстетикой реализма и модернизма писателя сближает обращение к архетипам [4]. С одной стороны, в тексте доминирует фрагментарность, разорванность сюжета, с другой – присутствие таких фабульных мотивов, как испытание героя жизненными трудностями, смерть и болезнь близких, рождение детей.

Несмотря на то, что действие романа разворачивается в историко-культурном пространстве 19 века, произведение адресовано сегодняшним читателям. Автор уверен, что предательство во все времена «не знает срока давности, поэтому персонаж «Записок Ларионова» получает возмездие, расплачиваясь за свой поступок сначала смертью жены, затем гибелью сына, а теперь одинокой старостью и неизлечимой болезнью» [3]. Общее ощущение распада бытия, экзистенциальной пустоты и неизбежности разочарования идейно реализует распротранившееся во второй половине 20 века постмодернистское мировоззрение, признававшее все истины относительными и бессильными различить грань между добром и злом, честью и предательством.

Таким образом, можно сделать вывод, что в романе «Всех ожидает одна ночь» преобладает эстетика реализма – классический литературный дискурс 19 века, но вместе с тем, произведение имеет черты модернистской и постмодернистской художественных установок. Это говорит о том, что метод Михаила Шишкина разрастается на несколько плоскостей современного литературного процесса, синкретичен в своей основе и отражает стремление автора постигнуть сложное, внутренне противоречивое бытие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабичева, Ю. Г. Жанровые стратегии постмодернистского текста: (на материале романа Е. Попова «Накануне накануне») / Ю. Г. Бабичева // Международный научно-исследовательский журнал. – 2014. – № 3-1 (22).
2. Бавильский, Д. Шишкин лес / Д. Бавильский // «Частный корреспондент». – 23.12.2010.
3. Ингеманссон, А. Р. Автор и герой в романе Михаила Шишкина «Записки Ларионова» / А. Р. Ингеманссон // Известия Волгоградского государственного технического университета. – 2013. – № 2.
4. Лашова, С. Н. Поэтика Михаила Шишкина: система мотивов и повествовательные стратегии: автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10.01.01 / С. Н. Лашова. – Пермь, 2012.
5. Лашова, С. Н. Принцип пазла: язык и хронотоп в прозе М. Шишкина / С. Н. Лашова // Российская и зарубежная филология. – Пермь, 2010.
6. Липовецкий, М. Н. Паралогии. Трансформации (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920 – 2000-х годов / М. Н. Липовецкий. – Москва, 2008. – С. 464, 518.
7. Шишкин, М. П. Всех ожидает одна ночь. Записки Ларионова / М. П. Шишкин. – М.: Варгиус, 2007.
8. Щенникова, Л. П. Драматическое начало / Л. П. Щенникова // Достоевский: Сочинения, письма, документы: Словарь-справочник. – СПб.: Пушкинский дом, 2008.
9. Аллюзия // Словари и энциклопедии на Академике. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://literary_criticism.academic.ru/14/аллюзия (дата обращения: 11.02.2016).
10. Записки // Литературная энциклопедия терминов и понятий. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.litdic.ru/zapiski/> (дата обращения: 10.02.2016).
11. Литературные направления (методы, стили) в таблицах // Пиши про. Для писателей. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pishi.pro/kak-stat-pisatelem/teoriya-literatury/91-literaturnye-napravleniya-metody-stili-v-tabliczah.html> (дата обращения: 05.03.2016).
12. Модернизм // Словари и энциклопедии на Академике. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/531/МОДЕРНИЗМ (дата обращения: 04.03.2016).
13. Роман воспитания // Словари и энциклопедии на Академике. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1266019> (дата обращения: 10.02.2016).

Материал поступил в редакцию 13.04.16.

THE PECULIARITIES OF M. SHISHKIN'S ARTISTIC METHOD (LARIONOV'S NOTES CASE STUDY)

Yu.G. Babicheva¹, M.S. Tatarintseva²

¹ Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Russian Language and Literature Department,

² Fifth Year Student of the Faculty of Philology

V.M. Shukshin Altai State Humanities Pedagogical University (Biysk), Russia

Abstract. The article is devoted to the issue of the artistic method of the famous Russian writer M. Shishkin. The main purpose of the study was to investigate the syncretism of the author's methodological attitudes on the basis of the novel "Larionov's Notes". The authors are focusing their attention on the following text components of this work: means and techniques of mapping the reality, specifics of psychologism, chronotope, peculiarities of narrative organization, genre features – and arrive at conclusion about the entwinement of aesthetic elements related to realism, modernism and postmodernism, which is due to both common trend of modern literature process in general and author's signature artistic intentions.

Keywords: artistic method, realism, modernism, postmodernism, modern literature process.

УДК 82

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО МЕСТА И ЗНАЧЕНИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ОПЫТА

С.Т. Рзаева, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой немецкой филологии
Бакинский Славянский Университет, Азербайджан

***Аннотация.** В статье речь идёт о том, как при помощи рецептивно-исторической теории можно определить историческое место и значение литературного произведения, которое, как исторический процесс, может меняться с появлением новых произведений автора. Отмечается также, что историческое значение произведения можно наблюдать при изменении горизонта в историческом процессе «литературной эволюции», которая артикулируется в его исторических моментах и эпохальных цензурах.*

***Ключевые слова:** художественное воплощение, литературная эволюция, категория, эстетическое восприятие, историчность.*

Рецептивно-эстетическая теория не только позволяет осознать смысл и форму литературного произведения в историческом развитии его понимания. Она требует так же включить произведение в общий поток литературного процесса в его «литературной последовательности», для того чтобы определить ее историческое место и значение в контексте литературного опыта. На пути от истории восприятия произведения к событийной истории литературы она проявляется как процесс, в котором пассивное восприятие читателя и критика переходят в активную фазу, и находят свое художественное воплощение в новых произведениях автора, иначе говоря, последующее произведение может решать формальные и моральные проблемы, поставленные, но не до конца решенные предыдущими произведениями, и выдвигать новые проблемы, решая их на новом художественно-эстетическом уровне.

Как можно определить истинную значимость произведения, которое определено в позитивистской истории литературы в хронологическом порядке и сведено этим к поверхностному «факту» в его исторической последовательности и при этом понять его как «событие»? Теория формального метода стремится решить эту проблему, как уже говорилось, с помощью принципа «литературной эволюции», согласно которому новое произведение возникает на фоне предшествующих или конкурирующих произведений, как успешная форма достигает «вершины» литературной эпохи, а затем начинает воспроизводиться, тем самым автоматизируется и под конец, с утверждением новой литературной формы, как морально устаревший жанр продолжает свое существование в литературном быту. Если анализировать и описывать эту эпоху, которая до сих пор едва ли была взята исследователями на вооружение, то можно ожидать изложения, во многих отношениях превосходящего традиционную историю литературы (9, с. 37–60). Она составляла бы воедино события, никак не связанные с этими историями, в рамках замкнутой в себе последовательности, которая лишь обрамляется вехами общей истории: последовательность произведений одного автора, одной школы или стилистического направления, различных по жанру, раскрыла бы эволюционное переменное отношение функции и форм (11, с. 59). Выделяемые при этом произведения, соотносящиеся между собой или сменяющие друг друга, предстали бы как моменты процесса, для которого представление о конечной цели в качестве конституирующей перспективы излишне, так как нужды в целенаправленных конструкциях для диалектического процесса самопроизводства новых форм нет.

Рассмотренная таким образом собственная динамика литературной эволюции решила бы дилемму отбора критериев: учету здесь подлежит произведение, понятое как новая форма в литературном ряду, а не самовоспроизводство «затасканных» форм, художественных приемов и жанров; они так или иначе отодвигаются на периферию, до той поры пока они вновь не возродятся благодаря новому моменту эволюции. Но это не простое и не полное повторение старых форм и жанров. На новом этапе эстетического развития они одновременно и повторяют и, в определенной степени, отрицают старые формы, приемы и жанры. Все это происходит по требованиям читающей публики. Наконец, формальный проект истории литературы, понятый как «эволюция» и вопреки общепринятому смыслу этого понятия, исключая любой разворот, который приравнивал бы историческое значение произведения к его художественному характеру или «эволюционное» значение к характеристике литературного явления, предполагает, что художественное произведение воспринимается на фоне других произведений – новшество как решающий признак.

Формальная теория «литературной эволюции» является, конечно, одним из значимых подходов к обновлению истории литературы. Понимание того, что исторические изменения разыгрываются также в области литературы внутри системы, попытка функционального определения литературного развития и, не в последнюю очередь, теории автоматизации – это достижения, которые необходимо сохранить, несмотря на то, что односторонняя канонизация изменения у формалистов требует поправки. Критика уже в достаточной мере показала слабые стороны теории эволюции: чтобы объяснить развитие литературы, простой противоположности или эстетической вариации недостаточно, вопрос о направлении изменения литературных форм остается без ответа,

инновация сама по себе еще не образует художественного качества и, наконец, простое отрицание прямой связи между литературной эволюцией и существенным изменением не отменяет проблемы (3, с. 284–287). Этим, конечно, полностью не исчерпываются все вопросы, возникающие в историческом ходе литературного процесса; проблематика же остальных вопросов требует дополнить дескриптивную теорию литературы формалистов рецептивной эстетикой, выйдя, таким образом, в плоскость исследования исторического опыта, включающего наряду с прочим историческую позицию современного наблюдателя и, соответственно, историка литературы.

Описание литературной эволюции как непрерывной борьбы нового со старым, либо как смены периодов канонизации и автоматизации форм сводит историчность литературы к одномерной актуальности ее изменений, ограничивая их восприятие исторического понимания. Изменения литературной последовательности становятся исторической последовательностью только тогда, когда противоположность старой и новой формы дает возможность понять, какие специфические черты передаются через художественно-эстетические традиции, а какие «остаются за бортом» навсегда или временно. При этом нужно особенно выявить роль читателя в этом процессе отбора. Эта передача, которая объединяет переход от старой формы к новой во взаимодействии произведения и реципиента (публики, критиков, новых творцов), как шаг от события прошлого к постепенному восприятию методически может быть схвачена в той формальной или содержательной проблеме, «которую ставит и оставляет после себя каждое художественное произведение в качестве горизонта возможных после него решений» (2, с. 525–533). Простое описание измененной структуры и новых художественных приемов, использованных в произведении, не обязательно выводит на эту проблему, почему и не встает вопрос о функции произведения в исторической последовательности. Чтобы это установить, то есть, чтобы осознать проблему, нерешенную по той или иной причине произведением прошлого, ответом на которую явилось новое произведение в исторической последовательности, интерпретатор должен ввести в игру собственный опыт, так как горизонт старой и новой формы, проблемы и решения может быть вновь понят, только будучи передан современным горизонтом восприятия произведения. История литературы как «литературная эволюция» подразумевает исторический процесс эстетического восприятия и производства, включая современность наблюдателя, как условие передачи всех формальных противоположностей или «дифференциальных качеств» (3, с. 281).

Рецептивно-эстетический подход не только возвращает «литературной эволюции» утраченное направление, делая местонахождение историка литературы точкой схода, но не целью процесса. Он так же открывает временные глубины литературного опыта, делая очевидной меняющуюся дистанцию между актуальным и потенциальным значением литературного произведения. Это подразумевает, что художественный характер произведения, смысловой потенциал которого формализм редуцировал до инновации как единственного критерия, ни в какой мере не должен быть воспринят в горизонте своего первого появления сразу и целиком, не говоря уже о том, чтобы исчерпаться противоположностью старой и новой формы. Дистанция между первым актуальным восприятием произведения и его потенциальными значениями, или иначе говоря, сопротивление, которое новое произведение оказывает ожиданиям своей первой публики, может быть столь велико, что требуется длительный процесс восприятия, постепенно добирающий значения, не ожидавшиеся или отсутствовавшие в горизонте первичного восприятия. При этом может произойти так, что потенциальное значение произведения останется непонятым до тех пор, пока «литературная эволюция» не достигнет в своей актуализации прежней формы, того горизонта, который только и позволяет найти ключи к непонятой ранее форме. Так, только темная лирика Малларма и его школы, подготовила почву для возвращения к давно уже не замечаемой и поэтому забытой поэзии в стиле барокко. Именно Малларм возродил интерес к забытой «затемненной» поэзии испанского поэта Гонгоры, и это создало почву для новой филологической интерпретации и «воскрешения» испанского классика. Примеров того, что новая литературная форма может открыть доступ к забытой литературе, можно привести много. Сюда могут быть включены все так называемые «ренессансы», поскольку семантика слова создает видимость самопроизвольного возвращения и часто мешает осознать, что литературная традиция не может творить себя сама, что литературное прошлое возвращается только там, где новая рецепция воскрешает его в настоящем, будь то изменившаяся эстетическая установка, присваивающая себе прошлое в свободном обращении к нему, будь то новый момент литературной эволюции, бросивший неожиданный свет на забытую поэзию и позволявший разглядеть в ней нечто такое, чего прежде не замечали (4, 174–183).

Таким образом, нововведение – это категория не только эстетическая. Она не исчерпывается факторами инновации, неожиданного, победы, перегруппировки или отстранения, которым формальная теория придавала исключительное значение. Новое становится и исторической категорией, когда диахронический анализ литературы приводит к вопросу о том, какие же собственно исторические моменты делают новое в литературном явлении новым, в какой степени это новое может быть воспринято в исторический момент его появления, какой дистанции, какого пути или каких путей понимания потребовало раскрытие его содержания, и обладал ли момент его полной актуализации столь мощным воздействием, что смог изменить перспективу прошлого, а тем самым и пересмотреть его литературную канонизацию (4, 174–183). В каком свете предстает отношение поэтической теории и эстетической продуктивной практики, уже обсуждалось ранее в ином контексте. Конечно, возможности взаимопроникновения производства и рецепции в историческом изменении эстетической установки этими объяснениями ни в коей мере не исчерпываются. Они, прежде всего, должны пояснить, в какое пространство вовлекается диахронический анализ, когда он уже не может довольствоваться ситуацией, где за историю литературы принимают хронологический ряд литературных «фактов».

Результаты, достигнутые в языкознании при выявлении методической взаимосвязи диахронного анализа с синхронным, дают теоретическую основу преодолеть доминантную роль диахронного рассмотрения также в истории литературы, где оно до сих пор явно преобладает. Сторонники рецептивной эстетики, то есть исследователи, подчеркивающие особое место читателя в литературном процессе, фактически изменяют отношение литературоведения к приоритетам анализа: независимо от времени создания произведения, оно в контексте с читателем активизируется и синхронизируется и становится фактом современного мировосприятия. Если уже рецептивно-историческая перспектива при изменении эстетической установки снова и снова наталкивает нас на функциональные взаимосвязи между пониманием новых произведений и значением старых, то необходимо сделать в определенный момент развития синхронный надрез, чтобы затем поделить в гетерогенном множестве одновременных произведений на равноправные, противоположные иерархические элементы, объединяющиеся в соответствующие структуры, и тем самым выстроить для литературы данного исторического периода более общие рамки рассмотрения; если проводить последующие синхронные надрезы в диахронии таким образом, чтобы в них исторически артикулировалось изменение литературной структуры, определяющее границы соответствующей эпохи, это дало бы новые возможности для истории литературы.

Основополагающее значение диахронического рассмотрения в историографии наиболее решительно оспорил Зигфрид Кракауэр. В своей статье «Время и история» (7, с. 139–163) он подвергает сомнению оправданность такого подхода со стороны истории, когда события всех жизненных сфер рассматриваются в рамках гомогенного хронологического времени как единый процесс, обладающий связностью в каждый данный исторический момент. Такое понимание истории, все еще находящееся в плену гегелевского понятия «объективного духа», предполагало, что все, что одновременно происходило, в равной мере несет на себе отпечаток знания этого момента, то есть скрывало фактическую разновременность одновременного (7, с. 965). Это связано с тем, что многообразие событий исторического момента, в котором универсальный историк видит выражение некоего единого содержания, представляет собой моменты совершенно различных временных поворотов, чьи закономерности обусловлены своими особыми предметными историями (8, с. 48–49), как в примерах интерференции различных «историй» искусства, права, хозяйства, политики и так далее: “The shaped times of the diverse areas overshadow the uniform flow of time. Any historical period must therefore be imagined as a mixture of events which emerge at different moments of their own time”. (Сформированные времена разнородных областей затмевают однородное течение времени. Любой исторический период поэтому должен быть представлен как смесь событий, которые появляются в разные моменты их собственного времени). (8, с. 53).

Предполагает ли это заключение первичную неоднородность истории, так чтобы связность всеобщей истории складывалась только ретроспективно в единстве видения и изложения, и правомочна ли еще сегодня универсальная история с философской точки зрения, несмотря на радикальное сомнение в «историческом разуме», которое Кракауэр выводит из плюрализма хронологических и морфологических временных потоков и кладет в основу антиномии общего и, особенно в истории, эти вопросы мы здесь обсуждать не будем. О сфере литературы можно, во всяком случае, сказать, что взгляды Кракауэра на «сосуществование одновременного и разновременного» далеки от того, чтобы привести историческое признание к апории, скорее они выявляют необходимость и возможность раскрыть историческое измерение литературных явлений в синхронных надрезах. Из этих взглядов следует, что хронологическая функция момента, якобы накладывающего отпечаток на одновременные явления литературы, соответствует историчности литературы, как и морфологическая функция однородной литературной последовательности, в которой последовательность явлений подчиняется лишь имманентным закономерностям. Чисто диахроническое рассмотрение, как бы убедительно оно ни объясняло изменения в рамках истории жанров имманентной логики инновации и автоматизации, проблемы и разрешения, достигает масштабов собственно исторического подхода только тогда, когда отступает морфологический канон, и сопоставляет произведение, значительное с точки зрения истории воздействия, с исторически обработанными, стертыми образцами жанра, учитывая при этом отношение этого произведения к его литературному окружению, на фоне которого ему, как и произведениям других жанров, нужно было выстоять. Историчность литературы становится очевидной именно в точках пересечения синхронии и диахронии. В таком случае должна быть возможность описать литературный горизонт определенного исторического момента как синхронную систему, в соотношении с которой данная литература может быть вместе с тем воспринята диахронически через отношения разновременности, а произведения поняты как актуальные или неактуальные, как модные, устаревшие или «написанные на века», как опередившие или упустившие свое время (5, с. 212). Если, с продуктивно-эстетической точки зрения, литература, существующая одновременно, распадается на гетерогенное многообразие разновременного, на произведения, отмеченные различными моментами жанрового, по-разному оформленного времени (как видимое в его мнимой одновременности звездное небо распадается для астронома на точки самой разной временной отдаленности), то с точки зрения рецептивной эстетики это многообразие литературных явлений вновь соединяется в единстве общего горизонта литературных ожиданий воспоминания, предвосхищений публики, воспринимающей и соотносящей эти произведения между собой как явления своей современности.

Всякая синхронная система обязательно включает в себя в качестве неотъемлемых структурных элементов свое прошлое и свое будущее, поэтому в синхронном надрезах потока литературной продукции, сделанном в определенный исторический момент времени, обязательно содержатся как предыдущие, так и последующие надрезы диахронии. Кроме того, как и в истории языка, здесь можно выявить постоянные и переменные

факторы, которые могут быть локализованы в качестве функций системы. Дело в том, что литература также обладает своего рода грамматикой и синтаксисом с их относительно жесткими связями. Это структура уже традиционных и еще не канонизированных жанров, способов высказывания, разновидностей стилей, риторических фигур. Им противостоит более гибкая область литературных сюжетов, архетипов, символов и метафор. Поэтому можно попробовать разработать для истории литературы нечто аналогичное тому, что Ханс Блумберг постулировал и обосновал своей исторической логикой вопроса и ответа для истории философии, используя в качестве материала примеры переломных эпох и особенно соотношения христианской теологии и философии: то есть «формальную систему объяснения мира, в структуре которой находят свое место перераспределения, образующие процессуальный характер истории, включая и радикальные эпохальные переломы» (1, с. 101). Если субстантивное представление самостоятельно порождающей литературной традиции преодолевается только в функциональном объяснении отношений производства и восприятия литературы, понимаемых как процесс, то и за преображаемыми литературными формами и содержаниями можно видеть структурные изменения в литературной системе миропонимания, которые позволяют обнаружить смену горизонта в процессе эстетического опыта.

Из этих предпосылок можно было бы прийти к принципам такого изложения истории литературы, которое не должно было ни стремиться к более известным вершинам традиционных шедевров, ни теряться в низших слоях исторически не артикулируемой полноты всех текстов. Проблема отбора материала, значимого для новой истории литературы, может быть решена нетрадиционными способами, то есть с помощью синхронного рассмотрения: при изменении горизонта в историческом процессе «литературной эволюции» можно не только отслеживать различные факты и связи, но и установить в результате анализа изменения элементов синхронной литературной системы, сопоставляя их с данными анализа последующих синхронных надрезов. В принципе, описывать литературу через историческую смену таких систем было бы возможно, перебирая любые пересечения синхронии и диахронии. Между тем историческое измерение литературы, ее утраченная как в традиционной, так и в позитивистской истории литературы событийная непрерывность может быть восстановлена только в том случае, если историк литературы обнаружит и высветит такие надрезы литературы и такие произведения, в которых процессуальный характер «литературной эволюции» артикулируется в его исторических моментах и эпохальных цензурах. Эта историческая артикуляция зависит не от статистики и не от субъективного произвола историка литературы, а только от истории воздействия, то есть от того, «что последовало за событием», что конституирует взаимосвязи литературы для современного читателя или исследователя как предысторию ее нынешнего состояния.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Blumenberg, H. Epochenschwelle und Rezeption / H. Blumenberg // Philosophische Rundschau 6. – Tübingen. – 1958.
2. Blumenberg, H. Erschließen – Historisieren – Aufgreifen. Ein Arbeitsgespräch / H. Blumenberg // Poetik und Hermeneutik III. – München, 1998. – S. 525–533, 692 S.
3. Erlich, V. Russischer Formalismus / V. Erlich. – München, 1964.
4. Iser, W. Immanente Ästhetik – Ästhetische Reflexion / W. Iser // „Poetik und Hermeneutik II“. – München, 1966. – S. 395–418.
5. Jakobson, R. Essais de linguistique generale / R. Jakobson. – Paris, 1963.
6. Jauß, H. R. Novalis und die französischen Symbolisten. Zur Entstehungsgeschichte des dichterischen Symbols / H. R. Jauß // Romanische Forschungen 77. – Stuttgart, 1965. – S. 174–183.
7. Krakauer, S. The last things before the Last / S. Krakauer // Time and history. – New York, 1969. – pp. 139–163.
8. Kubler, G. The Shape of Time: Remarks on the History of Things / G. Kubler. – New Haven / London, 1962. – pp. 48–49, 77–82.
9. Tynjanov, J. Die literarischen Kunstmittel und die Evolution in der Literatur / J. Tynjanov. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1967. – S. 37–60.
10. Tynjanov, J. Probleme der Literatur- und Sprachforschung / J. Tynjanov, R. Jakobson // Kursbuch 5. – Tübingen, 1966. – in Original. – 1928.
11. Tynjanov, J. Über literarische Evolution / J. Tynjanov. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1967.

Материал поступил в редакцию 11.04.16.

THE DEFINITION OF THE HISTORICAL PLACE AND MEANING OF LITERARY WORKS IN THE CONTEXT OF LITERARY PRACTICE

S.T. Rzayeva, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of German Philology Department
Baku Slavic University, Azerbaijan

Abstract. *The article argues that the receptive aesthetics does not only enable us to understand the meaning and form of literary works in the course of history. It argues that the analysis of separate literary work demands the definition of historical place and meaning in the literary practice and in this process the passive reception of a reader and literary critic turns to active reception, to new work of an author which is able to solve formal and aesthetic issues.*

Keywords: *literary personification, literary evolution, category, aesthetic perception, historicity.*

УДК 82.01/09

ТИПОЛОГИЯ ГЕРОЯ В РОМАНАХ Ч. ПАЛАНИКА, К. КИЗИ И Д. КИЗА

И.В. Седунова, магистрант, 2 курс

Факультет филологии и медиакоммуникаций,

ФГОУ ВПО Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Россия

Аннотация. Проблема данной работы состоит в сравнительном анализе «маргинальной» личности в литературе XX века: для примера взяты главные герои трех произведений американской литературы XX века, поскольку именно эта литература включает примеры контркультурной проблематики. Объект данного исследования – главные герои романов Кена Кизи «Над кукушкиным гнездом», Дэниела Киза «Цветы для Элджернона» и Чака Паланика «Бойцовский клуб». Основной акцент – на герое романа «Бойцовский клуб» Чака Паланика. Сравнительный анализ героев контркультуры на примере указанных романов проводится впервые, что дает возможность рассмотреть проявление контркультуры с новой точки зрения, выявить сходство и различия героев между собой, а также синтезировать эти черты, чтобы вывести приблизительный образ героя контркультуры.

Ключевые слова: контркультура, типология, роман, юмор, герой, Система.

Чак Паланик (Чарльз Майкл Паланик, также известен как Чак Палагнюк) (21.02.1962 – наши дни) – известный американский писатель украинского происхождения, являющийся одним из ярчайших авторов современности. Его произведения отличаются особым циничным юмором, по которому знатоки его творчества с легкостью его узнают, а также глубоким философским смыслом. Среди прочих достоинств его произведений неоднократно отмечается непредсказуемость дальнейшего развития событий, что не может не импонировать читателю. В 1996 году Чак Паланик написал свою третью книгу – «Бойцовский клуб», еще более провокационную, чем две предыдущие, и эта книга «выстрелила», став культовой книгой для целого поколения.

Основная проблема этой книги – борьба с некоей Системой, под которой подразумевается, очевидно, современный социум. Подобная проблематика обнаруживается в романах Кена Кизи «Полет над гнездом кукушки» (1962) и Дэниела Киза «Цветы для Элджернона» (1966).

Чак Паланик, Кен Кизи и Дэниел Киз жили и творили приблизительно в одно и то же время – вторая половина XX века, – и на одной и той же территории – США, что, с учетом исторических особенностей того времени, а также ярчайших черт их произведений, дает возможность характеризовать вышеназванные произведения как явления «контркультуры».

Сравнительный анализ подразумевает выявление сходств и различий сравниваемых текстов. Кену Кизи и Дэниелу Кизу довелось пережить расцвет эстетики контркультуры, что не могло не отразиться на их творчестве. Чак Паланик продолжает в своем романе эту традицию.

Центральной фигурой, воплощающей эстетику контркультуры, становятся герои их произведений, необходимо выявить сходство и различие между ними. Это позволит говорить, в конечном итоге, о создании образа героя контркультуры, который складывается в результате синтеза основных личностных качеств.

Самой главной, ключевой, особенностью романа Чака Паланика является раздвоение личности главного героя, которое автор постоянно акцентирует по ходу повествования. Автор постоянно подчеркивает общность знаний Тайлера и Рассказчика – это и есть связь между личностями. Вторая личность Рассказчика – Тайлер Дёрден – появилась незадолго до своего фактического появления на страницах произведения. Причина его появления кроется в том, что Рассказчику подсознательно опротивела его жизнь, а оказать ей сопротивление у него не хватало духу. Толчком к появлению Тайлера стала Марла Зингер – Рассказчик отмечает, что при первой встрече с Марлой его часть влюбилась в нее, и эта-то часть и стала в итоге Тайлером, потому что самому Рассказчику любовь была не нужна на тот момент, но ничего с ней поделать было нельзя – «есть и все тут».

Таким образом, Тайлер Дёрден – новая личность Рассказчика – не только стал выходом агрессии Рассказчика на окружающий его мир, но и до известного предела научил самого Рассказчика бороться с давлением Системы. Проблема заключается в том, что у Рассказчика, в отличие от Тайлера, есть свои границы, за рамки которых Рассказчик, даже научившись сопротивляться, выйти не может. У Тайлера же таких границ нет.

Системой для Рассказчика является однотипность окружающего мира, в котором ему приходится жить. Орудием Системы в данном случае представляется компания «ИКЕА», стремительно становящаяся все более популярной среди людей:

«Я не единственная жертва того инстинкта, что заставляет людей обустроить свои гнездышки. Все мои знакомые, которые раньше сидели в туалете с порнографическим журналом в руках, теперь сидят с каталогом фирмы "ИКЕА"» [1, с. 65].

Система стремится сделать всех одинаковыми, загнать в рамки, подогнать всех под единый образец. Со временем, главным образом, под пагубным воздействием бессонницы, Рассказчик начинает испытывать

ко всему этому острую неприязнь. Это стимулирует пересечение Рассказчика с Тайлером, который к этому моменту уже существовал, но еще не заявил о себе в открытую.

Тайлер же с самого первого своего появления испытывает острую неприязнь к правящим классам – людям, которым почему-то досталось больше власти, чем всем остальным, и которые, пользуясь этой властью, притесняют тех, кому власти досталось меньше. Своими действиями Тайлер сначала надеется показать обычным людям, что они тоже на что-то годятся, а потом с помощью этих людей перекроить мир на свой лад, надеясь, что новый мир окажется справедливее прежнего. Его цель – лишить правящих классов того, на чем зиждется их власть – культурного наследия, – что со временем неминуемо приведет к краху цивилизации.

«– Мы – нежеланные дети истории, которым с утра до вечера внушают по телевизору, что когда-нибудь мы можем стать миллионерами и рок-звездами, но мы не станем ими никогда.

– И мы начали понимать это, – говорит Тайлер, – поэтому лучше не трогайте нас» [1, с. 280].

Рассказчик начинает бороться с Системой только после того, как Тайлер заявляет ему о себе и организует бойцовские клубы. При помощи Тайлера Рассказчик учится спокойно относиться ко всему, что до сих пор мешало ему жить, и приобретает непогрешимую уверенность в себе и в своих силах.

«Не знаю, что уж там понял Тайлер, но я почувствовал, что теперь я в состоянии справиться со всеми неполадками в моем мире <...>. Когда наш поединок закончился, ни одна из этих проблем никуда не девалась, но мне теперь было на них наплевать» [1, с. 84].

Тайлер, принимая участие в бойцовском клубе, распространяет свои идеи о саморазрушении, и они находят все больше и больше приверженцев, которые, как и Рассказчик, учатся противостоять Системе.

Но постепенно у Рассказчика и Тайлера вырабатывается привыкание к бойцовскому клубу: им хочется чего-то большего, нужно либо достичь этого, либо отказаться от идеи бойцовских клубов вообще.

«Я хотел, чтобы весь мир дошел вместе со мной до точки» [1, с. 207].

С этого момента Тайлер задумывается о «Проекте Разгром»: люди, прошедшие через бойцовские клубы, получают возможность донести до окружающего их мира всю прелесть саморазрушения, попутно уничтожая все культурное наследие, обеспечивающее существование негодной ему цивилизации. И это позволяет Тайлеру бороться с правящими классами, в которых Тайлер видит Систему, уже давно себя изжившую, а также помочь миру вступить в новую жизнь через смерть.

«"Проект Разгром" спасет мир. Наступит ледниковый период для культуры. Искусственно вызванные темные века. "Проект Разгром" вынудит человечество погрузиться в спячку и ограничить свои аппетиты на время, необходимое Земле для восстановления ресурсов» [1, с. 209].

После того, как Тайлер открыто заявил о своем существовании, Рассказчик постепенно начал заражаться идеями Тайлера и даже начал следовать им в меру своих возможностей. Тем не менее, Рассказчик идет на попятную, когда впервые осознает, насколько опасно то, что делает Тайлер. Прежде всего, для самого Рассказчика – Рассказчик понимает, что Тайлер – это порождение его собственного сознания, которое вышло из-под его контроля и творит противозаконные вещи, подставляя тем самым их общее тело, и решает во что бы то ни стало остановить Тайлера. Вероятно, это явление можно охарактеризовать как возвращение Рассказчика, ненадолго вырвавшегося из-под влияния Системы, обратно в Систему и использование Рассказчика Системой как своего оружия против главной угрозы – Тайлера Дёрдена.

Но, поскольку Тайлер, владея телом, успел отсечь все пути отступления на тот случай, если Рассказчик выйдет из-под его влияния, у Рассказчика ровным счетом ничего не получается.

Несомненно, Рассказчик и Тайлер Дёрден вполне соотносимы с контркультурным направлением, поскольку оба они представляют собой борцов с Системой, отличающихся между собой только границами, в рамках которых готовы вести эту борьбу. Тем не менее, о результатах борьбы с Системой как для Рассказчика, так и для Тайлера говорить еще рано, поскольку финал романа недвусмысленно намекает нам, что продолжение следует. Мы знаем, что Рассказчик жив, хоть и находится в психиатрической лечебнице, а Тайлер побежден, но не сломлен, и еще на многое способен, если ему удастся вернуть себе контроль над общим с Рассказчиком телом. Тем более, «Проект Разгром» еще жив. Важно отметить, что, если в конце концов Система будет повержена, торжество Тайлера Дёрдена, вероятно, будет кратковременным, поскольку, как сам же Тайлер сказал в момент своего первого появления перед Рассказчиком: «Приходится попотеть, чтобы достичь совершенства, но минутное совершенство оправдывает все усилия. От совершенства и требовать нельзя, чтобы оно длилось дольше» [1, с. 48].

Все главные герои – Р.П. Макмерфи, Чарли Гордон, Рассказчик и Тайлер Дёрден – являются обычными людьми, каких в нашем мире большинство. Никто из них не может похвастать высоким статусом в обществе, большим богатством или связями, способными придать ему какой бы то ни было авторитет среди прочих слоев населения. Демонстрация авторами «заурядности» главных героев скрыто или явно подчеркивает, что даже маленький человек, не обладающий ничем, что в современном ему мире может дать ему преимущество, способен что-то изменить.

Р.П. Макмерфи с самого рождения отличался от своего окружения. Его противостояние Системе началось задолго до его фактического появления перед читателем. Макмерфи просто живет, не уделяя внимания границам, которые Система устанавливает для общества, и ему нравится такая свободная жизнь. Макмерфи любит жизнь во всей ее полноте – этим и объясняется его поведение на всем протяжении сюжета. У Макмерфи

нет особых устремлений, что делает его противостояние Системе бессознательным – он не придает большого значения этому противостоянию, этой борьбе, а просто борется за то, что кажется ему правильным. Важно отметить, что при всей бессознательности своего противостояния Системе, Макмерфи вполне сознательно учит пациентов психиатрической больницы также бессознательно противостоять Системе, чтобы сделать свою жизнь более полной и насыщенной, чем есть. Но стремления кардинально перекроить мир за Макмерфи не наблюдается – он научился изменять мир локально, для самого себя, а потом научил этому же других людей, но осознанной цели перевернуть мир с ног на голову Макмерфи не имеет.

Чарли Гордон, в свою очередь, также противопоставляет Системе в образах окружающего его общества и природы. Эта борьба с Системой одинаково отражается как до роковой операции, так и после. При этом Чарли демонстрирует большую сознательность в отношении Системы, чем Макмерфи: общество не принимает Чарли, но Чарли все равно стремится к тому, чтобы быть принятым им; природа приговорила Чарли к пожизненному слабоумию, но Чарли все равно стремится к тому, чтобы стать умнее, чем ему определено. Это противостояние все еще бессознательно, поскольку не имеет каких-либо глобальных масштабов: стремления изменить весь мир за Чарли, как и за Макмерфи, не наблюдается – борьба с Системой происходит в одной конкретной локации, имя которой – Чарли Гордон. И, как и в случае с Макмерфи, видно, что борьбу с Системой, по большому счету, можно считать проигранной: изменения есть, но слишком малые, чтобы можно было считать Систему побежденной. По крайней мере, на тот конкретный момент.

Рассказчик и Тайлер Дёрден демонстрируют совсем другой уровень по сравнению с Макмерфи и Чарли Гордоном. Как самый последний в линейке рассматриваемых романов «Бойцовский клуб» выявляет более поздние тенденции в развитии контркультурного направления. Главные герои уже вполне осознанно, с конкретной целью и с большим – уже не локальным! – размахом намерены изменить мир, потому образы этих героев – большой прорыв по сравнению с героями Киза и Кизи. Системой в случае Рассказчика и Тайлера являются те слои общества, которым досталось больше благ, чем всем остальным. Макмерфи тоже учил людей бороться с Системой, но цели перекроить мир у Макмерфи не было – от действий Макмерфи мир бы не изменился, но определенно стал бы другим для тех, кто научился менять его под себя. Чарли Гордон боролся с Системой сам и даже достиг в этом некоторых успехов, но эти успехи играют роль только для него самого. А Тайлер стремится изменить мир не только для тех, кто научился менять его под себя, но и для самого же мира. Разрыв с культурой отцов в «Бойцовском клубе» достигает своего апогея: Тайлер просто крушит все, что уже удалось достичь человечеству, чтобы вернуть человечество к исходной точке.

Таким образом, мы видим, что главные герои каждого последующего романа становятся все осознаннее, все увереннее в себе, все решительнее и все смелее. Важно, что в последнем романе финал открытый – это показывает, что борьба с Системой будет продолжаться и в дальнейшем.

Подводя общие итоги, следует отметить, что все главные герои – Р.П. Макмерфи, Чарли Гордон, Рассказчик и Тайлер Дёрден, – неизменно воплощают идеи протеста и бунта, характерные для контркультурной традиции, хотя и выражают себя по-разному, в сугубо индивидуальных чертах. В каждом последующем романе появляются новые детали, делающие главного героя более сильным и смелым, чем он был в предыдущем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Паланик, Чак: [роман] / Чак Паланик; пер. с англ. И. Кормильцева. – Москва: АСТ, 2015. – 344, [8] с. – (Чак Паланик и его бойцовский клуб).
2. Чак Паланик биография, фото – узнай все! – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.uznayvse.ru/znamenitosti/biografiya-chak-palanik.html> (дата обращения: 1.02.2016).

Материал поступил в редакцию 07.04.16.

CHARACTER TYPOLOGY IN THE NOVELS BY CH. PALAHNIUK, K. KESEY AND D. KEYES

I.V. Sedunova, Candidate for a Master's Degree, Second Year
Faculty of Philology and Media Communications,
F.M. Dostoevsky Omsk State University, Russia

Abstract. *The issue of the article is conducting a comparative analysis of “marginal” personality in the literature of the XX century using as an example central characters of three works of American literature of the XX century, as this particular literature involves the counterculture problematics. The object of this study are central characters of the novels “One Flew Over the Cuckoo's Nest” by Ken Kesey, “Flowers for Algernon” by Daniel Keyes and “Fight Club” by Chuck Palahniuk. The main focus is on the character of “Fight Club” by Chuck Palahniuk. The comparative analysis of the counterculture characters exemplified by the novels named above is performed for the first time, which gives the opportunity to investigate the counterculture manifestation from a new viewpoint, reveal similarities and differences of characters and synthesize these traits in order to constitute a rough definition of a counterculture character.*

Keywords: *counterculture, typology, novel, humor, character, The System.*

УДК 82

ПРОБЛЕМА ВЗАИМОПОНИМАНИЯ МЕЖДУ РАЗУМАМИ

С.Г. Шафиков, доктор филологических наук, профессор
Башкирский государственный университет (Уфа), Россия

Аннотация. Статья представляет оригинальный опыт литературно-философского анализа произведений Станислава Лема, известного писателя, футуролога и ученого. Объектом анализа служит до сих пор недостаточно изученная в литературной критике тема коммуникации между разумами разного происхождения. На материале романов писателя («Эдем», «Солярис», «Голос неба») автор статьи размышляет о перспективах контактов между космическими разумами, рожденными под разными звездами, и факторах, препятствующих успеху этих контактов.

Ключевые слова: взаимопонимание, контакт, космос, культура, разум, познание, философия, цивилизация.

Взаимопонимание между разумами разного происхождения считается одной из самых актуальных проблем науки, точнее целой грозди точных и гуманитарных дисциплин, таких как биология и неврология, информатика, психология и ксенопсихология, лингвистика и когнитология. Кроме того, эта проблема связана с философией, в частности, с темой человеческого познания, и решение ее позволит пролить свет на природу разума вообще и человеческого разума в частности.

Выдвигая эту проблему на передний план в своей философской прозе, Станислав Лем, всемирно известный фантаст и ученый-футуролог, рассматривает ее сквозь призму контактов между разными цивилизациями вселенной. Как «здравый пессимист», аргументирующий доводами исключительно логического характера, писатель не скрывает своего скепсиса в отношении межзвездных контактов даже в отдаленной перспективе. Эти доводы можно свести к следующим пунктам.

Во-первых, космическая навигация требует преодоления невероятных расстояний и почти пожизненного «заточения» космических путешественников на борту корабля, что лишает смысла идею космодромии для установления межзвездного контакта. *Во-вторых*, технически «недозревшая» цивилизация для обмена знаниями не годится *per definitionem*, как не годится и «перезревшая» цивилизация, уже утратившая интерес к общению с «братьями по разуму». «Окно контакта» может быть открыто только в краткий промежуток времени между этими полюсами развития (от 1000 до 2500 лет), миг в масштабах вселенной, поэтому «схватить» в этом окне космическую цивилизацию много труднее, чем поймать в обычном окне бабочку-однодневку. *В-третьих*, сама посещаемая планета может отказаться от контакта, расценивая его как глобальную угрозу; поэтому в худшем случае угроза может обернуться «звездной войной», которая уничтожит либо пришельцев, либо посещаемую планету.

Главная причина скептического отношения к возможности обмена знаниями состоит в отсутствии онтологической близости разумов, рожденных под разными звездами и эволюционировавших в разных биологических условиях. В этом смысле интерес представляют несколько произведений Станислава Лема, посвященные этой теме («Эдем», «Солярис», «Голос неба»), в которых рассматриваются разные факторы, препятствующие пониманию между разумами вселенной.

«Эдем»

Экипаж космического корабля, совершившего жесткую посадку, ремонтирует свою ракету для возвращения домой, исследуя в свободное время таинственную планету с многозначным наименованием *Эдем* (обыгрывается название библейского райского сада). Сюжет вроде бы укладывается в схему привычного приключенческого романа, однако приключение здесь представлено только передним планом.

Изображение действий экипажа на фоне сочно выписанного инопланетного пейзажа необходимо автору, чтобы показать драматическую невозможность понять мир, устроенный по законам, чуждым для человека. Исследуя *Эдем*, земляне совершают открытия, оказываясь бессильными для осмысления поступающей информации, которая ломает прежние концепции. Как говорит один из космонавтов, «мы все-таки люди, все воспринимаем и осмысливаем по-земному и в результате можем совершить величайшую ошибку, принимая чуждые явления за некую истину, то есть, подгоняя определенные факты к схемам, привезенным с Земли!» Подведение незнакомого объекта под категорию прежнего опыта как привычная операция человеческого мышления может служить неустрашимым препятствием в акте познания, тем более, когда человек оказывается в совершенно чужой обстановке.

Долгое время космонавты ломают голову над проблемой биологического устройства аборигенов, которое не имеет аналогов в земной жизни. Каждый абориген представляет собой существо, состоящее из двух цельных организмов: большой организм (ростом с человека) служит «рабочим телом» всей системы, а маленький организм (с головой и крохотными ручками, как у ребенка) служит «мыслящим телом». «Мыслящее тело»

сидит внутри большего тела, как в сумчатом гнезде, и может втягиваться и вытягиваться из «рабочего тела» с четырьмя конечностями. Назвав такое существо *двутелом*, земляне выдвигают предположение, что важнейшей формой существования в обществе аборигенов должен быть симбиоз, однако механизм и эволюция такого симбиоза остаются загадкой.

Таким же непостижимым, как физическое строение, землянам представляется общественное устройство аборигенов. Местный социум кажется пришельцам ужасным, поскольку на каждом шагу встречаются груды полуразложившихся тел, небрежно брошенных в ямы или замурованных в блоки из органического стекла. Все это вызывает представление о гитлеровских концентрационных лагерях для «недочеловеков». Поскольку в категоризации действительности мышление всегда ищет аналоговое подобие, увиденное землянами складывается в картину массового уничтожения, подобного холокосту. Действительность, как всегда, оказывается гораздо сложнее.

Выясняется, что концептуальная сфера Эдема существенно отличается от земной концептосферы вследствие своеобразия эволюции на этой планете. Так, земляне ломают голову над понятием «биосоциозамыкание», которое каким-то образом связано с электрическим органом, имеющимся у каждого двутела; при этом обнаруживается связь с добровольной самоизоляцией индивидов-нарушителей системы внутри общественной группы, в которой существует кооперация в виде «обратной связи при отсутствии принуждения». Например, если у одного есть спички, а у другого коробок, то они могут друг друга ненавидеть, но зажечь огонь они могут только в сотрудничестве друг с другом. Различие концептуальных сфер затрудняет диалог между космическими пришельцами и местным астрономом, который с риском для жизни приходит в лагерь землян для диалога с иным разумом. В конце концов, из диалога становится понятным, что помочь Эдему, социальное устройство которого зашло в тупик, нельзя. Дело даже не в безнравственности силового решения проблемы, а в том, что оказание помощи этому миру, беспредельно чуждому для горстки землян, невозможно хотя бы потому, что пришлось бы искусственно изменить местную эволюцию, перестроив ее под свой собственный опыт. Для этого пришлось бы уничтожить Эдем, этот инопланетный «рай».

«Солярис»

Как и в других произведениях Лема, условно-фантастический сюжет здесь служит внешней рамкой для философских размышлений о вечных вопросах познания, бытия и природы человека, а также о нравственном законе, поражающем человеческое воображение не меньше, чем кантовское «звездное небо над головой».

«Солярис» не поддается однозначной интерпретации, и каждый читатель может додумывать его по-своему, так же поступает и литературная критика, и кино – например, американский режиссер Содерберг все сводит к альковной истории в космосе. Роман можно понимать как метафору вселенной, неподвластной пониманию человеческого разума [2, р. 136], который не в состоянии познать ДРУГОЕ [1], или как метафору, которая отсылает читателя к философской категории неопределенности, или к парадоксальному устройству мира [4] и т.д. и т.п. В целом, драма идей в романе зиждется на непонимании человеком формы бытия, которая не является человеком.

Выясняется, что, несмотря на огромное количество информации о странном «океане», покрывающем всю территорию планеты Солярис, земная наука (за целое столетие!) оказалась не в состоянии сколько-нибудь приблизиться к постижению этого феномена. Образовался гигантский разрыв между накопленным запасом знаний об объекте изучения в виде бесчисленных публикаций и почти полным отсутствием реального знания. В результате у земных ученых возникло ощущение полной бесполезности эмпирических исследований, результаты которых не удастся повторить.

Специализация в изучении этого гигантского феномена приводит к тому, что исследователи уже не понимают друг друга, как в известном анекдоте о слепцах, каждый из которых, ощупав определенную часть тела слона, получает свое частное представление, а «общий знаменатель» никак не складывается. Понять изучаемый объект мешает собственная природа человека, благодаря которой некоторые эксперты сравнивают этот «капризный», «неуловимый», «непредсказуемый» объект с женским характером (!) [7]. В отчаянии от своего непонимания некоторые уже готовы разрушить объект изучения жестким рентгеновским облучением.

Вначале никто не строит предположений о разумности Соляриса, ведь психологически человек готов к встрече только с *индивидуальным разумом*, то есть с существами, наделенными сознанием. Поэтому эксперты считают свидетельство пилота, увидевшего в волнах океанской плазмы огромного ребенка, бредом воспаленного воображения. Гипотеза разумности Соляриса возникает лишь в связи с инициативой самого «объекта исследования», который входит в контакт с землянами пугающе радикальным способом.

В романе получает развитие сократовская идея *самопознания* как предварительное условие постижения всего, что лежит за пределами человека. Нельзя отправляться навстречу *неведомому*, не познав своей собственной души, считает автор, «ее закоулков, тупиков, бездонных колодцев, плотно заколоченных дверей». Неведомое, безусловно, существующее в космосе, нельзя втиснуть в узкие рамки человеческих представлений о мире, свойства которого могут не совпадать со свойствами иных миров. Поэтому любовная драма главного героя, который ведет себя по-человечески с возлюбленной, представляющей собой *нечто* (или *ничто*), никак не объясняет феномен *бесчеловечного разума*, к контакту с которым стремится коллектив земных ученых.

Пытаясь понять ДРУГОЕ, человек интуитивно придает определенные смыслы изучаемому явлению,

исходя из своего опыта [8], который не имеет никакого отношения к объекту изучения. Поскольку этот космический разум никак не пересекается с практикой взаимодействия землян с окружающим миром, КОНТАКТ становится невозможным [5].

Правда, этот бесчеловечный разум неожиданно обнаруживает способность реагировать на присутствие человека, проникая в подсознание каждого сотрудника станции и вскрывая в воспоминаниях о прошлом самое трагическое или интимное (и даже постыдное). Результатом этой способности оказывается появление «гостей» на станции. Так, Крис Кельвин, прибыв на орбитальную станцию, встречает Хэри, свою жену, когда-то покончившую с собой. Каждый из сотрудников станции встречается со своим собственным «гостем из прошлого», который даже необязательно является человеком. Кельвин наблюдает тотальное взаимное отчуждение: каждый сотрудник замыкается в своем собственном пекле, пытаясь скрыть свою тайну от других. Одного из землян такое положение доводит до самоубийства, ведь от «гостя» невозможно избавиться: вместо уничтоженного создания немедленно появляется его точная копия.

Происходит *деонтологизация* окружающей обстановки, как в сновидении. В мире снов «диктат реального» ослабевает за счет актуализации того, чего в действительности быть не должно. Прошлое «встраивается в настоящее, материя перестает оказывать должное сопротивление, все физические преграды приобретают условный характер» [1, с. 75].

Вначале, как и все остальные сотрудники станции, Крис Кельвин делает попытку убить «квази-жену», но уже со «вторым пришествием» своего «гостя» начинает играть роль любимого мужчины и, в конце концов, признается ей, что любит ее, порождение чужого мира, больше, чем свою трагически погибшую жену, по отношению к которой он испытывает чувство неизбывной вины. «Хэри» все больше очеловечивается от контакта с человеком, и по-человечески вполне понятно ее страдание от осознания своей «чужести», вызывающей к ней, как ей кажется, отвращение со стороны любимого. Безысходная ситуация заставляет страдать и Кельвина, заново переживающего муки совести и все лучше понимающего себя нынешнего. Тем не менее, он по-прежнему не понимает, в чем состоит смысл контакта, инициированного объектом науки под названием *соляристика*.

Автор исподволь подводит читателя к выводу, что человек не готов к встрече с чуждым ему по природе разумом. Эта встреча выглядит (по крайней мере вначале), как дьявольский эксперимент, который *соляристы* «успешно» прерывают с помощью направленного жесткого излучения, тем самым прекращая «прием гостей». Лишь постепенно у людей начинает складываться *понимание невозможности понимания* между столь разными разумами. На смену наивному позитивизму приходит суровый скептицизм [6].

Постепенно ученые перестают воспринимать контакт как психическую вивисекцию, основанную на знаниях, которые мыслящий исполин «похищает» у человека с целью его изучения. Ведь каждый «гость» представляет собой извлечение из замкнутого в себе подсознания, поэтому появление его можно даже рассматривать как медвежью услугу, или как некий «подарок» человеку. Чем-то это напоминает платок, который дьявол постоянно подкладывает Фриде в виде наказания за то, что эта женщина задушила своего младенца («Мастер и Маргарита»), однако сходство здесь мнимое. Хотя страдание имеет место и там, и здесь, Солярис не имеет злого умысла, подобного умыслу человека в подобной ситуации, и делает это как бы в «слепой доброте» к человеку, совершенно не понимая, какое значение имеет для человека его «гость из прошлого».

В этом смысле можно понять рассуждение героя, который сравнивает Солярис с «богом-ребенком», еще не покинувшим своей планетной колыбели. Может быть, когда-нибудь бог покинет свою колыбель, наигравшись своими «детскими игрушками», то есть контактом с человеком, чтобы начать астроинженерную деятельность, гася и зажигая звезды. Сейчас же, пока «ребенок еще не наигрался», человеку претит быть игрушкой могущественной силы, играющей чувствами. Себя самого Кельвин сравнивает с часами, «отсчитывающими течение времени, то разбираемыми, то собираемыми снова, в механизме которых, едва конструктор тронет маятник, поднимается отчаяние и любовь». Невыносимо сознавать себя лишь репетиром мук, «усиливающихся тем более, чем смешнее они становятся от их многократности», повторять свое существование, «как пьяница повторяет избитую мелодию, бросая все новые и новые медяки в музыкальный ящик».

В отличие от героя киноверсии (режиссер Тарковский), решившего покинуть планету, лемовский Крис Кельвин остается на Солярисе, но не потому, что так уж верит в понимание со стороны «жидкого гиганта», а чтобы не зачеркнуть ту ничтожную, «существующую лишь в воображении возможность, которую несет в себе будущее». Для всякой притчи характерна двойственность, и решение героя можно трактовать двояко: как эмоциональное решение влюбленного, или как решение человеческого разума. Герой не верит в успех контакта и все-таки остается из-за слабой надежды на возвращение нечаянно обретенной любви, которая никогда не боится ставить на самый ничтожный шанс. Как говорит персонаж Снаут, выйдя в космос, «человек ищет человека» («Солярис»), и герой как бы подтверждает эту, вероятно, ключевую мысль произведения. Возможно также, что Крис Кельвин остается, потому что контакт с бесчеловечным разумом представляет собой вызов, брошенный всему человечеству, и, «хотя постичь его труднее, чем всю остальную Вселенную», нельзя отказаться от познания, если оставаться человеком. Таким образом, «планетарный и личностный масштабы событий оказываются неразрывно связанными друг с другом» [3].

«Голос неба»

Этот роман, как указывает в предисловии автор, походит на дайджест, содержащий систематическое изложение философских проблем, то есть философская проблематика доминирует над действием. Большую часть романа

занимает рефлексия интеллектуала на темы, связанные с человеческой культурой, познанием, существованием сверхразвитых космических цивилизаций и «молчанием» этих цивилизаций, а также с отношением человека к окружающей среде и ответственностью ученого, который занимается производством оружия массового поражения.

Сюжет напоминает историю создания атомной бомбы. Так же, как и тогда, в атмосфере строжайшей секретности Пентагон вновь собирает самые блестящие умы страны для расшифровки послания от неведомой космической цивилизации. Правда, в отличие от успешно завершившегося Манхэттенского проекта (если успехом считать создание страшного оружия), этот проект постигает неудача. Остается только строить предположения: считать ли космическое послание декларацией, или описанием объекта, или оружием; служит ли это нейтринное письмо межзвездному диалогу или, наоборот, призвано отсрочить диалог до тех пор, пока земная цивилизация не достигнет определенных высот развития, и т. д. и т. п.

Параллель между историей создания атомной бомбы и фантастическим событием, связанным с попыткой расшифровать межзвездное письмо, оправдывается драматическим противоречием между неизбежностью и преждевременностью открытия, между ничтожностью полученного знания и безмерной огромностью непознанного, между долгом ученого и совестью человека, знающего, что в разделенном мире научное открытие может стать оружием.

Действительно, природа человека такова, что любое открытие оборачивается угрозой миру, однако на этот раз у американских ученых ничего не получается. Видимо, отправитель не хотел, размышляет математик Хоггарт, герой романа, чтобы послание стало разрушительной силой, поэтому владеть им может только все человечество, свободное от эгоизма и желания кому бы то ни было причинять вред. Главное, что мешает разгадать послание, полагает ученый, заключается не в отсутствии позитивного знания, а в недостатке «социальной мудрости». Человек «выковыривает» из мира «кусочки» знания и поглощает их совсем не в той последовательности, которая благоприятствует жизни, а в той, которая «определяется лишь мерой противодействия материи». Атом (или звезда) не располагает аргументами против стремления разума строить модели по определенному образцу и поэтому не может преградить доступа к знанию, даже когда знание представляет смертельную опасность. Но разум, в отличие от природы, располагает такими аргументами. Отправитель послания, кто бы он ни был, мог руководствоваться принципом, связанным с защитой жизни, и, действительно, опыт, поставленный биофизиком Ромни, персонажем романа, с потоком нейтрино косвенно доказывает *биофильность* («благожелательность к жизни») послания Чужого Разума.

Важно понять, что радикальное различие в концептуальных моделях разумных существ, рожденных в разных созвездиях, не может не стать камнем преткновения для взаимопонимания разумов. Например, известие о похоронах умершей бабушки вполне переводимо на язык любой земной культуры, ведь каждый человек смертен, каждый понимает смысл выражения «мать родителя», и ритуал устранения трупа тоже известен каждой культуре. Зато однополуму существу нельзя объяснить различие между отцом и матерью, а существу, рожденному из рыбьей икринки, это различие, хотя и понятное, не представляется существенным, ведь рыба не знает своего родителя, так же как амеба не знает смерти (размножение делением не убивает).

Хоггарт сравнивает послание со звезд с экзаменом на универсальность, которому подверглась человеческая культура, и этот экзамен человечество не выдержало. В известном психологическом тесте испытуемым предъявляются цветные пятна, и каждый испытуемый склонен интерпретировать эти пятна исходя из того, что «лежит на душе». Соответственно, трудно провести грань между объективным подходом и субъективными представлениями каждой личности, трудно разглядеть желаемое за гипотезой о действительном, ведь у каждого человека желаемое имеет свое собственное воплощение. Именно поэтому принцип универсальности познания представляется герою мифом, и в этом состоит одна из главных мыслей автора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рудановская, С. В. Приближение к другому / С. В. Рудановская // Вестник РУДН, серия Философия. – 2005. – 1. – С. 70–84.
2. Rose, M. Filling the Void: Verne, Wells, and Lem / M. Rose // Science Fiction Studies. – 1981. – v. 8 (24). – P. 121–142.
3. Бак, Д. П. Биография непрожитого, или Время жестоких чудес: Фантастика Станислава Лема на рубеже столетий / Д. П. Бак. – 1996. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1996/9/bak.html (дата обращения: 02.03.2015).
4. Csicsery-Ronay, I. The Book is the Alien: On Certain and Uncertain Readings of Lem's *Solaris* / I. Csicsery-Ronay // Science Fiction Studies. – 1985. – 35. – 12 (1). – [Электронный ресурс]. – URL: [http://dpuadweb.depauw.edu/\\$1~icronay/solaris.htm](http://dpuadweb.depauw.edu/$1~icronay/solaris.htm) (дата обращения: 17.01.2016).
5. Geier, M. Stanislaw Lem's Fantastic Ocean: Toward a Semantic Interpretation of *Solaris* / M. Geier // Science Fiction Studies. – 1992. – 57. – 19 (2). – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.depauw.edu/sfs/backissues/57/geier57art.htm> (дата обращения: 26.04.2016).
6. Gioia, T. *Solaris* by Stanislaw Lem / T. Gioia. – 2009. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.conceptualfiction.com/solaris.html> (дата обращения: 30.12.2015).
7. Helford, E. R. "We Are Only Seeking Man": Gender, Psychoanalysis, and Stanislaw Lem's *Solaris* / E. R. Helford // Science Fiction Studies. – 1992. – 57. – 19 (2). – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.depauw.edu/sfs/backissues/57/helford57art.htm> (дата обращения: 20.01.2016).
8. Liptak, A. Stanislaw Lem and His Push For Deeper Thinking / A. Liptak. – 2014. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kirkusreviews.com/features/stanislaw-lem-and-his-push-deeper-thinking/> (дата обращения: 03.02.2016).

Материал поступил в редакцию 26.04.16.

THE ISSUE OF MUTUAL UNDERSTANDING BETWEEN INTELLIGENCES

S.G. Shafikov, Doctor of Philological Sciences, Professor
Bashkir State University (Ufa), Russia

Abstract. *The article presents an original practice of literary and philosophical analysis of works by Stanislaw Lem, a distinguished writer, futurologist and scientist. The object of analysis is the previously understudied within literary criticism topic of communication between intelligences of different origin. Based on the writer's novels ("Eden", "Solaris", "His Master's Voice"), the author of the article reflects on the possibilities of contact between space intelligences born under different stars and the factors preventing such contacts from succeeding.*

Keywords: *mutual understanding, contact, space, culture, intelligence, cognition, philosophy, civilization.*

УДК 82-95

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ ЖУПИКОВОЙ Е.Ф. «Е.П. ДУРНОВО (ЭФРОН). ИСТОРИЯ И МИФЫ: МОНОГРАФИЯ» *

И.А. Юдина, преподаватель культурологии
Частная школа-студия (Омск), Россия

Аннотация. Рецензия написана на книгу Е.Ф. Жупиковой «Е.П. Дурново (Эфрон). История и мифы: Монография», выпущенную издательством «Прометей» очень маленьким тиражом (500 экземпляров), что уже позволяет причислить ее к редким библиографическим изданиям. Рецензируемая монография уникальна тем, что, пожалуй, впервые биография Елизаветы Петровны Дурново (Эфрон) – личности одаренной и яркой – рассматривается не только в свете оставленных о ней воспоминаний, хранящихся в архивных фондах (в первую очередь, воспоминаний ее дочерей – Елизаветы и Анны Эфрон), но и с опорой на архивные документы (метрики, протоколы допросов, донесения, обвинительные акты и т. п.). Последнее позволяет автору монографии внести точность и ясность в целый ряд укоренившихся в литературе о Е.П. Дурново (Эфрон) ошибок.

Ключевые слова: монография, история, архив, документы, революционное движение.

Издательство «Прометей» выпустило уникальную монографию Е.Ф. Жупиковой, посвященную Елизавете Петровне Дурново (Эфрон). Как отмечает сама автор работы, «интерес к личности Е.П. Дурново (Эфрон) у исследователей <...>, без сомнения, вызывается её причастностью к судьбе М.И. Цветаевой» [1, с. 4] – одного из самых значимых поэтов XX в. Сын Елизаветы Петровны Сергей Эфрон был мужем Марины. Судьбы дочерей её – Веры и Елизаветы (Лили) – пересеклись с судьбой Цветаевой в 1911 г. в Коктебеле в доме Максимилиана Волошина и были тесно связаны между собой как до отъезда Марины Ивановны из России (1922 г.), так и после её возвращения из эмиграции. Сегодня каждому погружённому в жизнь и поэзию Цветаевой хорошо известен московский адрес Елизаветы Яковлевны Эфрон – Мерзляковский переулок, 16, где в разное время находили приют Марина Ивановна с сыном Георгием (Муром), вернувшаяся из ссылки в Туруханске дочь Марины и Сергея Ариадна Эфрон, где долгие годы хранился архив Марины Цветаевой – её литературное и эпистолярное наследие. Старший сын Елизаветы Петровны Дурново (Эфрон) Пётр был адресатом цветаевского стихотворного цикла, в котором одно из семи стихотворений («Его дочке») посвящено памяти его рано умершей дочери. Наконец, именно М. И. Цветаева накануне своего возвращения в СССР в 1939 году ставит памятник Елизавете Петровне Дурново (Эфрон), её мужу Якову Константиновичу Эфрону и их младшему сыну Константину на их фамильной могиле на Монпарнасском кладбище в Париже.

Однако, как замечает далее автор монографии, «жизнь этой удивительной женщины (Е.П. Дурново (Эфрон) – И.Ю.) достойна изучения не только из-за родства с Цветаевой» [1, с. 4].

Судьба Елизаветы Петровны Дурново была легендарна и трагична. Натура, по воспоминаниям современников, «тонкая, чистая, глубокая» [1, с. 123], одна из первых курсисток знаменитых Московских высших курсов В.И. Герье, активная участница революционного движения России к. XIX – н. XX вв., член «Оппозиционной фракции партии социалистов-революционеров», отколовшейся от партии эсеров, Елизавета Дурново происходила из древнего дворянского рода. Мифы и легенды, а вместе с ними фактические ошибки и неточности буквально окутывают её биографию. В связи с этим автор монографии чётко формулирует цель своей исследовательской работы – «установить, насколько это позволяют источники, истину» [1, с. 7] и определяет их круг: «Основным источником для написания монографии являются материалы архивов: РГВИА, ГАРФ, РГИ-АМ, ЦАНТДМ (Центральный архив научно-технической документации Москвы), РГАЛИ, архивы ФСБ, РГБ (Российской Государственной библиотеки), Троице-Сергиевой лавры (музея-заповедника), музея «Новодевичий монастырь», частные архивы внуков Е.П. Дурново (Эфрон) К.М. Эфрона и Е.А. Трупчинской, архивы музейщиков М.И. Цветаевой и её семьи в Москве, Болшеве, Александрове, Тарусе; материалы, хранившиеся в доме сестры М.И. Цветаевой Анастасии Ивановны» [1, с. 8]. Кроме того, автор имела возможность на протяжении долгих лет лично общаться с потомками Е.П. Дурново (Эфрон): К.М. Эфроном, Е.А. Трупчинской, а также с сестрой М.И. Цветаевой Анастасией Ивановной.

Монография состоит из Введения, одиннадцати глав и Приложения, в котором приводятся документы как юридического (выписки из метрических книг, протоколы допросов, донесения комендантов крепостей, постановления и т. п.), так и личного характера (письма Е.П. Дурново (Эфрон) родителям, дочерям, Н.Л. Лебуржуа, а также записи разговоров К. М. Эфрона с Сергеем Яковлевичем Эфроном после возвращения второго в СССР).

Чётко определив во Введении цели и задачи своего исследования, Е.Ф. Жупикова начинает развешивать сложившиеся в силу различных причин и обстоятельств мифы и вымыслы вокруг биографии Е.П. Дурново (Эфрон) с истоков её родословной. Первая глава («Родословная Дурново. Родители Лизы. Её детство. Московский дом Дурново») полностью посвящена этому вопросу. Восстанавливая на основе архивных документов

родословную рода Дурново, автор доказывает несостоятельность мифа о происхождении Елизаветы Петровны: «Лиза Дурново не была ни дочерью, ни племянницей, ни двоюродной сестрой московского генерал-губернатора Петра Павловича Дурново. Не была она и племянницей министра внутренних дел Петра Николаевича Дурново» [1, с. 6]. Анализируя и сравнивая укоренившиеся в литературе о Е.П. Дурново (Эфрон) ошибочные сведения с архивными документами, Е.Ф. Жупикова пытается найти объективные и субъективные причины возникшей путаницы. Так, например, устанавливая точный год рождения Лизы Дурново по имеющейся в РГАЛИ (ф. 2962, оп. 1, д. 336, л. 1) «Выписке из метрической книги Московской Спиридоновской за Никитскими воротами церкви за 1853 г.», в которой записано: «Сентября 3 дня в доме местного священника Лаврова родился младенец Елизавета. Родители ея: отставной Гвардии Ротмистр Петр Аполлонов Дурново и законная жена его Елизавета Никоноровна, оба православного вероисповедания» [1, с. 303], она пишет: «В замечательной книге «Марина Цветаева. Поэт и время» есть небольшая <...> статья Е.Б. Коркиной «Семья Дурново-Эфрон» [2, с. 191–192], в которой много ошибок: неверно назван год рождения Лизы <...>. Только после того, как в РГАЛИ удалось найти источник, из которого автор статьи брал сведения (ссылки на источник в статье не было), стало возможным объяснить такое обилие ошибок. Источник этот – воспоминания Елизаветы Яковлевны Эфрон (1885 – 1976), записанные Ариадной Сергеевной Эфрон со слов Е.Я. в 1968 г (РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, д. 184). <...> Учитывая, что воспоминания сестры Эфрон писали уже в преклонном возрасте, ясно, что к ним надо относиться весьма и весьма осторожно» [1, с. 13–14]. Среди неточностей и ошибок статьи Е.Б. Коркиной Е.Ф. Жупикова отмечает такие, как членство Елизаветы Дурново (Эфрон) и ее мужа Якова Эфрона в партии «Народная воля», учёба Я. Эфрона в Московском университете, участие провокаторши А. Е. Серебряковой в первом аресте Лизы Дурново в 1880 г., путаница в именах людей, причастных к судьбе семьи Дурново-Эфрон (так провокатор Рейнштейн назван Розенкранцом, Георгий Преображенский Григорием) и т. д.

Одна из глав монографии (Глава 3. «Дело Рейнштейна, Я.К. Эфрон и Е.П. Дурново») посвящена еще одному мифу, связанному с семьёй Дурново-Эфрон и касающемуся мужа (в период описываемых событий ещё будущего) Елизаветы Петровны Якова Константиновича Эфрона. В уже упомянутой ранее статье Е.Б. Коркиной автором была высказана мысль о непосредственном участии Якова Эфрона в громком политическом убийстве провокатора Николая Рейнштейна, происшедшем в феврале 1879 г в Москве в бывшей гостинице Мамонтова: «Я.К. Эфрон был активным участником конспиративной партийной работы, он был одним из исполнителей казни по приговору партии провокатора Розенкранца. Это убийство отяготило его совесть и заставило впоследствии отойти от революционной деятельности» [2, с. 191]. Между тем, по мнению Е.Ф. Жупиковой, свидетельства современников тех событий и архивные документы категорически опровергают такое утверждение, являющееся в большей мере семейной легендой рода Эфронов, чем историческим фактом. «Я.К. Эфрон, – пишет Жупикова, – не был причастен к «делу Рейнштейна» и от революционной деятельности отошёл не из-за мук совести по поводу убийства – он его не совершал! Г.С. Канн, автор вышедшей в 1997 г. работы «Народная воля», сообщает о том, что Рейнштейн был убит землевольцем М.Р. Поповым и не входящим ни в какую-либо революционную организацию Н.В. Шмеманом» [1, с. 83]. Далее в главе подробно и со ссылками на архивные документы (в частности, документы ГАРФа и ЦГИАМа) Жупикова восстанавливает хронологию подготовки убийства и его осуществления.

Яков Эфрон, как и Лиза Дурново, привлекался в ходе расследования данного дела (а оно одновременно рассматривалось двумя инстанциями) и даже заключался под стражу. Однако по итогам расследования был причислен к категории лиц, виновность которых не установлена и чья причастность к делу «ограничивается знакомством <...> с заподозренными лицами или с убитым мещанином Николаем Рейнштейном» [1, с. 99]. В июле 1879 г. прокурор Московской судебной палаты был уведомлен, что Яков Эфрон освобождён от всякой ответственности по делу за отсутствием улик. Так автор рассматриваемой монографии внесла ясность в еще один важный эпизод истории семьи Дурново-Эфрон.

Наряду с исследованием жизни Е.П. Дурново и её семьи в монографии достаточно подробно рассматриваются биографии еще нескольких людей, чьи судьбы пересеклись с судьбой Елизаветы Петровны.

Георгий Преображенский – один из учредителей кружка «Земля и воля», основатель организации «Чёрный передел», в деле создания которой современники ставили его имя рядом с именем Г.В. Плеханова. «Все поколения семьи Эфронов, – пишет автор монографии, – помнили, что Г. Преображенский “был женихом Лизы Дурново”» [1, с. 111]. Сведения о Георгии Преображенском в научной литературе крайне скудны. Жупикова, опираясь на архивные документы, выстраивает его биографию и обозначает точки пересечения её с биографией Елизаветы Дурново.

Ещё одной фигурой, которой в рассматриваемой нами монографии уделена отдельная глава, стала Анна Степановна Решикова (Анна Егоровна Серебрякова). По мнению Е.Ф. Жупиковой, её роль в судьбе Е.П. Дурново (Эфрон) безосновательно преувеличена. В главе «А.С. Решикова (А.Е. Серебрякова) и Е.П. Дурново (Эфрон)» автор подробно рассматривает судьбу Решиковой-Серебряковой, историю её знакомства и дальнейших отношений с Лизой Дурново. Изучив все доступные материалы Серебряковой (архив ФСБ), Жупикова пишет: «В 1880 г А.С. Решикова не была ещё Серебряковой, не была она и провокаторшей, её саму разыскивала полиция» [1, с. 193]. Таким образом, автор ставит под сомнения и утвердившееся в литературе мнение о том, что причиной первого ареста Лизы Дурново в 1880 г. в Петербурге было то, что она «при выполнении конспиративного задания партии была выдана провокаторшей А.Е. Серебряковой» [1, с. 189].

В монографии также подробно рассматриваются обстоятельства второго ареста Е.П. Дурново (Эфрон), следствия по делу «Оппозиционной фракции партии социалистов-революционеров», членом которой являлась Елизавета Петровна, её освобождения из Бутырской тюрьмы и бегства за границу. Некоторое время она вместе с младшим сыном Константином жила в Женеве, затем они переехали в Париж. Жизнь в эмиграции угнетала Елизавету Петровну, ударом стала смерть мужа – Якова Константиновича Эфрона – в 1909 г. Лейтмотив добровольного ухода из жизни всё чаще повторяется в её письмах этого периода. В феврале 1910 г. покончил с собой 14-летний Константин – самый младший сын Эфронов. На обстоятельства ухода самой Елизаветы Петровны, последовавшего за этим роковым событием, нет единой точки зрения, что подчёркивается автором монографии, цитирующей хронику парижских газет, а также воспоминания о событии из различных источников. Точно известно лишь, что Е.П. Дурново (Эфрон) повесилась вслед за сыном. Хоронили их в один день на Монпарнассском кладбище.

В 1939 г. Марина Ивановна Цветаева накануне своего возвращения из эмиграции в СССР ставит на семейной могиле Эфронов памятник. Пройдёт всего несколько лет, и на вопрос Анастасии Ивановны Цветаевой, как погибла Марина, Лиля (Елизавета Яковлевна) Эфрон даст на Дальний Восток ответную телеграмму: «Как наша мама». [3, с. 800].

* Жупкиова, Е. Ф. *Е.П. Дурново (Эфрон). История и мифы: Монография / Е. Ф. Жупкиова. – М.: Прометей, 2012. – 350 с.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жупкиова, Е. Ф. *Е.П. Дурново (Эфрон). История и мифы: Монография / Е. Ф. Жупкиова. – М.: Прометей, 2012. – 350 с.*
2. Коркина, Е. Б. *Семья Дурново–Эфрон / Е. Б. Коркина // Марина Цветаева. Поэт и время. Выставка к 100-летию со дня рождения (1892 – 1992). – М.: ГАЛАРТ, 1992. – С. 191–192.*
3. Цветаева, А. *Воспоминания / А. Цветаева. – М.: Изограф, 1995. 863 с.*

Материал поступил в редакцию 21.03.16.

BOOK REVIEW OF E.P. DURNOVO (EFRON). HISTORY AND MYTHS: MONOGRAPH BY E.F. ZHUPIKOVA

I.A. Yudina, Teacher of Culturology
Private Studio-School (Omsk), Russia

Abstract. *This review is written of E.F. Zhupikova's "E.P. Durnovo (Efron). History and Myths: Monograph" issued by the "Prometey" publishing house in an edition limited to 500 copies, which makes it a rare bibliographical publication. The monograph under review is unique in that it is arguably the first time when the biography of Elizaveta Petrovna Durnovo (Efron) who was a gifted and vivid personality is considered not only in the light of the memoirs of her deposited in the archive fonds (primarily, the memoirs left by her daughters, Elizaveta and Anna Efron), but also on the basis of archival documents (birth certificates, protocols of interrogation, reports, bill of indictment etc.). The latter allows the monograph's author to clarify and rectify a whole range of mistakes ingrained in the literature concerning E.P. Durnovo (Efron).*

Keywords: *monograph, history, archive, documents, revolutionary movement.*

УДК 82-95

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ «ИЛОВАЙСКИЕ И ЦВЕТАЕВЫ» *

И.А. Юдина, преподаватель культурологии
Частная школа-студия (Омск), Россия

Аннотация. Книга «Иловайские и Цветаевы» (составитель Е.Ф. Жупикова) вышла в серии «От первого лица: История России в воспоминаниях, дневниках, письмах» издательства «Новый Хронограф» в 2015 году. Тираж книги 300 экземпляров. В первую очередь, она будет интересна тем, кто занимается изучением жизни и творчества Марины Цветаевой – одного из самых значительных поэтов XX века, ее семейным родом, который был так щедр на яркие и талантливые личности. Издание адресовано и тем, кто изучает деятельность отца Марины – выдающегося филолога, археолога и искусствоведа, основателя и первого директора Музея изящных искусств имени императора Александра III при Московском императорском университете (ныне Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина). Включенный в книгу очерк «Встречи с Анастасией Ивановной Цветаевой» вызовет интерес у тех, кто занимается изучением жизни и творчества младшей дочери Ивана Владимировича, родной сестры Марины.

Ключевые слова: история, письма, архив, музей.

Составитель книги и автор комментариев к тексту Е.Ф. Жупикова – доцент кафедры новейшей истории Московского педагогического государственного университета – со студенческих лет интересуется цветаевской тематикой, занимается изучением истории рода не только Цветаевых, но и Эфронов. Много лет она общалась с племянниками Сергея Яковлевича Эфрона (мужа Марины Цветаевой) – К.М. Эфроном (сыном Веры Яковлевны) и Е.А. Трупчинской (дочерью Анны Яковлевны), в юности встречалась с Ариадной Сергеевной Эфрон – дочерью Марины и Сергея. В 2012 году вышла в свет ее подробная монография о матери Сергея Эфрона – Е.П. Дурново (Эфрон) [2].

При составлении книги «Иловайские и Цветаевы» Е.Ф. Жупикова основное внимание уделила связям и отношениям представителей рода Цветаевых и рода Иловайских. Как известно, отец Марины Цветаевой в первом браке был женат на дочери знаменитого историка Дмитрия Ивановича Иловайского Варваре Дмитриевне, умершей в возрасте 32-х лет и оставившей мужу двоих маленьких детей – дочь Валерию (Лёру) и сына Андрея. Иван Владимирович всю жизнь продолжал поддерживать отношения с отцом умершей жены и его семьей. Общались между собой и дети Иловайских и Цветаевых, в том числе и родившиеся во втором браке Ивана Владимировича Марина и Анастасия.

Основная часть рассматриваемой нами книги посвящена переписке И.В. Цветаева с женой Д.И. Иловайского – Александрой Александровной Каврайской (Иловайской). Также в книге приводятся письма маленьких Марины и Аси Цветаевых, несколько писем жены брата Ивана Владимировича (Дмитрия) Елизаветы Еврафовны Цветаевой, несколько писем Валерии Цветаевой тому же адресату (А.А. Иловайской). Обратные адреса отправителей – города, где оказывались Цветаевы, пытаясь спасти от смертельной болезни (туберкулеза) жену Ивана Владимировича и мать Марины и Аси – Марию Александровну Мейн-Цветаеву. Сначала это Ялта, затем маленький итальянский городок Нерви, швейцарская Лозанна, немецкий Фрейбург, вновь Ялта.

Все письма, включенные составителем в данное издание, – материалы фонда Д.И. Иловайского Российского государственного исторического архива (РГИА) Санкт-Петербурга. В небольшом предисловии «От составителя» Е.Ф. Жупикова рассказывает об атрибутировании Анастасией Ивановной Цветаевой документов, фотографий, писем, обнаруженных в 1980 году в РГИА С.С. Атапиным – работником архива. Он же и отсканировал и привез в Москву часть материалов. Как пишет автор предисловия, найденные «архивные документы помогают устранить много неточностей, недостоверностей, ошибок исследователей, изучавших жизнь и творчество Цветаевых и Иловайских» [3, с. 9].

Приложение книги, состоящее из нескольких самостоятельных очерков («Глава “О Марине”», «Встречи с Анастасией Ивановной Цветаевой», «Цветаевские места Москвы и Подмосковья», «Биографические сведения об Иловайских»), не менее интересно, чем ее основная часть. Автором всех включенных в Приложение очерков является Е.Ф. Жупикова.

В очерке «Встречи с А.И. Цветаевой» автор рассказывает о знакомстве и своих личных встречах с младшей дочерью И.В. Цветаева – талантливой писательницей, мемуаристкой, личностью неординарной, противоречивой и легендарной. Большое место в нем занимает Елабуга – пересказ рассказанного о своей поездке туда Анастасией Ивановной Цветаевой и рассказ Е.Ф. Жупиковой о собственной поездке в Елабугу в июне 1980 года. В этот же очерк включен текст расшифровки магнитофонной записи воспоминаний А.И. Бродельщиковой (хозяйки елабужского дома, в котором покончила с собой Марина Цветаева). Расшифровка выполнена студентами филологического факультета Елабужского педагогического института. Альбом с расшифровкой данной записи хранится на кафедре литературы этого ВУЗа.

«При всех почти наших встречах, – пишет Е.Ф. Жупикова, – мы говорили об Иловайских» [3, с. 180]. Анастасия Ивановну очень интересовал очерк Марины «Дом у Старого Пимена». Отношение к тому, как Марина изобразила в нем семью Иловайских, менялось у нее от резко негативного к более лояльному. Перемена была вызвана прочтением Анастасией Ивановной писем М. Цветаевой к Вере Буниной, которые показали, как скрупулезно собирала сведения для своей работы Марина.

Одно из главных достоинств сборника «Иловайские и Цветаевы» – впервые широкому кругу читателей предоставляется возможность познакомиться с главой «О Марине» мемуаров, которые оставила Валерия Ивановна Цветаева – старшая из дочерей Ивана Владимировича Цветаева. В 2005 году мемуары были изданы в сборнике «Безо всякого вознаграждения...» [1], который состоит из двух частей: первую часть составляют материалы из жизни Ивана Владимировича Цветаева, хранящиеся в фондах музея семьи Цветаевых в Новоталицах (Ивановская обл.); вторая часть – несколько глав «Записок» Валерии Цветаевой, охватывающих период с 1880-х по 1900-е годы. Главы «О Марине» среди опубликованных нет.

В книге «Иловайские и Цветаевы» данная глава приводится из рукописного сборника воспоминаний Виктора Шабунина «Моя Таруса» (1976 год), хранящегося в библиотеке города Тарусы. «Летом 1964 года, – пишет В.С. Шабунин, – Валерия Ивановна дала мне на дом для прочтения машинописный текст своих автобиографических «Записок». Мы их читали, обсуждали, но выписок я не делал. Потом она подарила мне главу «О Марине»» [3, с. 137].

Отношения Валерии и Марины Цветаевых были сложными почти во все периоды их жизни. Глава мемуаров Валерии Ивановны, посвященная Марине, полна обращений и вопросов к уже ушедшей сводной сестре, отчего тональность написанного пронзительна и полна горечи: «Кто возьмется понять нас всех? <...> В тяжелую годину не вспоминали, не окликали мы друг друга. В одиночку боролись, жили, подолгу ничего друг о друге не зная. Знала ли ты, что в те годы были у меня и умерли дети? <...> Мы не были черствы, и каждый из нас – неплохие мы были люди. Почему так все получилось? Откуда такая рознь?» [3, с. 148].

Приведенная в сборнике глава из мемуаров В.И. Цветаевой сопровождается комментариями его составителя Е.Ф. Жупиковой об отношении к этим воспоминаниям о Марине Анастасии Ивановны Цветаевой, до 1980-го года их не знавшей. Со многим из написанного Анастасия не соглашалась, но, как свидетельствует Е.Ф. Жупикова, хотела видеть воспоминания опубликованными.

В заключительном очерке составитель сборника делает краткий обзор Цветаевских мест Москвы и Подмосковья и рассказывает о сохранившихся и разрушенных домах рода Цветаевых, приводит точные адреса и даты проживания по ним членов цветаевской семьи, упоминает об открывшихся за последние десятилетия музеях.

Особого внимания заслуживает Послесловие книги, в котором Е.Ф. Жупикова мудро и тактично пытается ответить на вопрос о причинах сложных отношений в «прославленной талантливой интеллигентной семье Цветаевых, в семье с непомерно трудной судьбой» [3, с. 229]. Как пример Е.Ф. Жупикова рассматривает взаимоотношения Валерии Цветаевой со своей племянницей, дочерью Марины Цветаевой Ариадной Эфрон. Пытаясь посмотреть на ситуацию известного внутрисемейного конфликта глазами всех его участников (Валерия Цветаева, Ариадна Эфрон, Ада Федерольф (Шкодина) – близкая подруга Ариадны во время ссылки в Туруханск и оставшаяся таковой до конца жизни Ариадны), автор в итоге своих рассуждений предлагает читателям не выносить обвинений и приговоров членам удивительной цветаевской семьи: «Ответ на вечный вопрос – кто виноват? – искали и они, и те, кто изучал и продолжает изучать их жизнь и творчество, и те, кому оно близко. Поиск виновников, вынесение им приговоров – дело не только бесполезное; напротив, оно может привести к потере сокровищ, созданных гениальными представителями этого семейства, их титаническим и бескорыстным трудом на века» [3, с. 229–230].

Из небольших недочетов книги отметим разночтения некоторых приведенных в ней фактических данных. Так, например, в предисловии «От составителя», упоминая о том, что причина частых ошибок авторов, пишущих об Иловайских и Цветаевых, кроется в автобиографической прозе Марины Цветаевой (в частности, в ее очерке «Дом у Старого Пимена»), Е.Ф. Жупикова приводит ряд неверных убеждений Марины Ивановны. Среди них, например, такое: «Она была уверена (наверное, до последних своих дней), что родина ее отца – с. Талицы Шуйского уезда Владимирской губернии. На самом деле Иван Владимирович родился в старинном селе Стебачёво на реке Нерль в бывшем Суздальском уезде» [3, с. 10]. А далее (очерк «Встречи с Анастасией Ивановной Цветаевой», опубликованный в Приложении) Е.Ф. Жупикова, рассказывая уже о младшей дочери Ивана Владимировича, пишет: «Она соглашалась поехать с А.А. Мнухиным (автором ошибочно указаны инициалы имени и отчества известного цветаеведа Льва Абрамовича Мнухина – И.Ю.) в с. Талицы, где родился и жил И. В. Цветаев» [3, с. 200]. Таким образом, читатель получает крайне противоречивую информацию от одного и того же автора по поводу места рождения И. В. Цветаева. Кроме того, в официальных источниках местом рождения Цветаева называется с. Дроздово Шуйского уезда Владимирской губернии [4].

Несмотря на недочеты, книга «Иловайские и Цветаевы» уникальна. Большинство приведенных в ней материалов опубликованы впервые. Текст сопровождается примечаниями и биографическими сведениями об Иловайских, иллюстрациями, именованным указателем и фотографиями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. «Безо всякого вознаграждения...» – Иваново: ОАО «Издательство «Иваново», 2005. – 216 с. + 10 с. ил.
2. Жупикова, Е. Ф. Е.П. Дурново (Эфрон). История и мифы: Монография / Е. Ф. Жупикова. – М.: Прометей, 2012. – 350 с.
3. Иловайские и Цветаевы / Сост. Жупикова Е. Ф. – М.: Новый хронограф, 2015. – 246 с.
4. Каган, Ю. М. И.В. Цветаев. Жизнь. Деятельность. Личность / Ю. М. Каган. – М.: Наука, 1987. – 192 с.

Материал поступил в редакцию 20.04.16.

BOOK REVIEW OF “THE ILOVAYSKYS’ AND TSVETAEV’S FAMILIES”

I.A. Yudina, Teacher of Culturology
Private Studio-School (Omsk), Russia

Abstract. *The book “The Ilovayskys’ and Tsvetaevs’ families” (content by E. F. Zhupikova) has been issued by the “Novy Khronograf” publishing house in the series called “In first person: History of Russia in memories, diaries and letters” in 2015. The edition of the book is limited to 300 copies. In the first instance, it will be of in-terest for those who are engaged in the study of life and work of Marina Tsvetaeva - one of the distinguished poets of the XX century - and her family who was so generous in producing vivid and gifted personalities. The publication also appeals to those who are studying the work of Marina’s father - an outstanding philologist, archeologist and art historian, the founder and first director of the Museum of Fine Arts named after Alexander III at the Imperial Moscow University (now The Pushkin State Museum of Fine Arts). The essay “Encounters with Anastasiya Ivanovna Tsvetaeva” featured in the book will attract the interest of those who deal with the studies of life and work of the younger daughter of Ivan Vladimirovich, Marina’s sibling Anastasiya.*

Keywords: *history, letters, archive, museum.*

Russian Literature
Русская литература

УДК 8

ЧТО ЗНАЮТ НА ЗАПАДЕ О «ДВОЙНИКЕ»?

А.А. Гонсалес, социолог, переводчик, приглашенный лектор
Университет Буэнос-Айреса,
Университет имени Сан-Мартина, Аргентина

***Аннотация.** История восприятия всякого текста, написанного на иностранном языке, обусловлена историей его переводов. Дело это усложняется, когда в исходном языке существует несколько вариантов данного текста. По какому именно переводу критики другой культуры оценивают текст? Перевод повести Достоевского «Двойник» служит этому примером. Данная статья является кратким обзором того, как западные критики читали и интерпретировали второе произведение Достоевского, и выдвигает гипотезу, что отсутствие перевода первой редакции текста играло (и играет) важную роль в его восприятии.*

***Ключевые слова:** перевод, история восприятия, «Двойник», западная критика.*

Писать о критике любого произведения русской литературы на Западе – значит писать об истории их переводов. В самом деле, большинство западных критиков имеют не самые хорошие отношения с русским языком. Многие писали о разных произведениях и о разных писателях, но для этого прибегали к существующим переводам на своем языке. В результате мы имеем огромное количество ценных работ, посвященных истории русской литературы, биографии писателей, толкованию произведений и философским, политическим и религиозным взглядам разных литераторов. Однако дело обстоит иначе, когда речь идет о стилистике, о языке конкретного писателя и особенно о текстологическом моменте литературного исследования. О стилистике и языке определенных писателей мы немного знаем, как раз благодаря переводам работ русских и советских литературоведов, очень известных на Западе: М.М. Бахтина, Ю.Н. Тынянова, В.Б. Шкловского и т. д. Но ситуация с вопросами текстологии печальная. Об этом хотелось бы поговорить на примере «Двойника».

Скажем первое: «Двойник» – далеко не самое известное произведение Достоевского и, соответственно, не самое изучаемое. До 1985 года абсолютно все переводы «Двойника» были сделаны по редакции 1866 года. Можно однозначно говорить, что существование первой редакции 1846 года никого не беспокоило. В старых переводах эта первая редакция даже не упоминается, а в более новых переводах она упоминается с объяснением, что Достоевский ввел изменения во вторую редакцию, но это не спасло дело – большинство читателей воспринимает вторую редакцию «Двойника» как редакцию 1846 года. Только в 1985 появилось в Англии первое критическое издание «Двойника». В нем не только печатаются вместе обе редакции, но переводчица (Evelyn Hadden) проводит краткий анализ главных различий между ними. Добавим также, что в 1969 французское издание «Двойника», сделанное переводчиком Gustave Aucouturier, включало в комментариях письма, которые Достоевский удалил во второй редакции.

Второе: в большинстве переводов не указан русский источник, то есть, какое именно издание служило исходным текстом для перевода (не говоря о том, что во многих переводах не упоминаются имя и фамилия самого переводчика).

И третье: найти первую редакцию «Двойника» на русском языке не так уж просто. Она появилась в 1846, но вплоть до 1972 года она не печаталась. То есть даже при желании западные критики не могли до 1972 читать первую редакцию и сравнивать ее со второй.

Такова изначальная ситуация изучения «Двойника» на Западе, обусловленная существующими переводами. Как видно, возникает первое препятствие: западные читатели (даже не важно, что в переводах) и современники Достоевского читали разные тексты. Как западным читателям и критикам понять упрек Белинского о том, что повесть слишком затянутая, когда перед ними сокращенное издание 1866 года? Любой серьезный подход с критической и филологической точки зрения не может ни в коем случае проходить мимо данного обстоятельства.

Итак, мы постараемся сейчас наметить историю критики «Двойника» на Западе. Первые переводы произведений Достоевского начинают публиковаться в Европе после смерти автора. В 1906 впервые появляется в Германии «Полное собрание сочинений», и Достоевский становится одним из самых читаемых писателей в этой стране. Неслучайно, следовательно, что первая статья о «Двойнике» вышла из-под пера немца. В 1914 г.

Отто Ранк пишет свой классический трактат о двойничестве с точки зрения психоанализа. Эта книга создала главный подход к изучению произведения: независимо от того, насколько соображения Ранка являются научно строгими и оправданными, психологический уклон пропитал подавляющее большинство анализов. Не будем останавливаться на общих положениях Ранка (по его соображениям, образ двойника имеет отношение к страху смерти); о «Двойнике» Достоевского он утверждает: «Повесть описывает начало умственной болезни человека, который не осознает ее, поскольку не может узнавать ее симптомы и, параноическим образом, видит во всех своих мучительных переживаниях преследование своих врагов. Его постепенный переход к состоянию иллюзий и смешения с действительностью (настоящая тема повести) описывается непревзойденным мастерством. Здесь мы видим великое творческое достижение по всецело объективным описаниям; эти описания не только включают каждую из характеристик клинической картины паранойи, но и показывают, как конфигурации иллюзий действуют на обстановку самой жертвы». Так Голядкин получает первый диагноз: паранойя. Дальше, Ранк выдвигает гипотезу о том, что личность писателя играет определяющую роль в выборе темы двойничества; также он не сомневается в «тяжелой умственной болезни Достоевского». Только что родившийся психоанализ таким образом заходил на почву литературного анализа.

С тех пор количество работ, посвященных «Двойнику» с психологической (психоаналитической, психиатрической) точки зрения, умножилось в Германии, Франции, Англии, США. Разные исследователи сделали самые разнообразные диагнозы: мания преследования (Tumms, 1949), шизофрения (Passage, 1954; Arban, 1968), автоскопия (Kohlberg, 1963), проекция (Rogers, 1970; Cadot, 1990), бред преследования (Green, 1980; Brugière 1983), параноидная шизофрения и раздвоение личности (Troubetzkoj, 1995).

Все эти подходы, которые так отличаются друг от друга, имеют одну общую черту: они относят фантастическое к категории психологического. В них, например, природа Голядкина-младшего объясняется либо галлюцинацией, либо проекцией (то есть, Голядкин путает реального чиновника со своим двойником); переписка Голядкина также воображаемая, все письма нереальные, все является плодом воображения главного героя. Однако текст произведения оказывает сопротивление данному подходу; многие эпизоды не очень-то понятны, если придерживаться строго точки зрения галлюцинации. С другой стороны, они говорят о «мании преследования», в то время как Голядкин преследует своего же двойника, а не наоборот. Наше возражение не в том, что данные интерпретации «слабые» или «ошибочные» (они, конечно, имеют право на жизнь), а в том, что они односторонние: они сводят смысл произведения к личности и умственному расстройству Голядкина. Безусловно, они много нам давали в анализе психологии главного героя, но мало в понимании *художественного, литературного явления*, которым является «Двойник».

Есть другая группа работ, которые, не пренебрегая психопатологической стороной, сосредоточиваются на социально-исторических условиях, в которых живет Голядкин (Girard, 1963; Terras, 1969; Fanger, 1970; Frank, 1984; Berman, 1988; Bourmeyster, 1995; Conio, 2001). Рене Жиранд развивает свою теорию о миметическом желании и взаимном насилии на базе произведений Достоевского. На его взгляд, размножение двойников связано с деперсонализацией и массивификацией, вызванными современным обществом. Ценности и правила дифференциации традиционного общества заменены государственным централизованным бюрократическим аппаратом и торговыми отношениями, которые не нуждаются в исключительности, в особенности каждого индивида. В данном контексте, стремление к утверждению собственной личности приводит субъектов к тому, чтобы придерживаться ложных романтических различий, лежащих на мнимой индивидуальной самобытности. Таким образом, «Двойник» разоблачает искусственность, фальшь и бессодержательность современной идентичности.

Виктор Террас (Victor Terras, 1969) просматривает ранние произведения Достоевского и предлагает ценный анализ «Двойника». По его словам, Голядкин не является простой жертвой системы; Голядкин, в отличие от Макара Деушкина из «Бедных людей», имеет определенный уровень образованности, у него есть «амбиция» и чувство собственного достоинства. В самом деле, его помещают в дурдом не из-за его сумасшествия, а из-за его бунта. Что касается его многочисленных композиционно-сюжетных наблюдений, Террас указывает на реальный характер переписки Голядкина; в письмах Вахрамеева он находит искусственный и претенциозный стиль, который отличается от стиля Голядкина, что доказывает, что Вахрамеев – настоящий автор своих писем. Как другие ученые, Террас видит в письме от Клары Олсуфьевны ловушку, придуманную сослуживцами Голядкина с целью привлечь его к дому Берендеева. Насчет реального или воображаемого существования господина Голядкина-младшего Террас придерживается эклектической точки зрения: для него в произведении сосуществуют галлюцинация и проекция.

Йозеф Франк (Joseph Frank, 1976) пишет, что замысел «Двойника» – это описание сознания, полностью насыщенного формулами и девизами его общества. Опыт, тем не менее, закончился провалом, поскольку читатели не поняли социально-культурный характер психологии главного героя. Франк говорит в этой связи, что двойник как воображаемая проекция, вызванная бредом Голядкина, – вполне приемлемое явление, но как преломленный образ данного бреда, со своим собственным существованием и с тем же именем главного героя, это нечто тревожное и загадочное.

Третья группа представлена теми, кто откровенно считает возможным приписать «Двойника» фантастическому жанру (Guerard, 1967; Herdman, 1990; Ponnau, 1997; Jourde у Tortonese, 1996; Kovacs hazuy 2012). Джон Гердман посвящает Достоевскому одну главу своего исследования о теме двойничества в литературе XIX века.

Он указывает, что отточенный психологический реализм «Двойника» и сведение фантастического к галлюцинациям Голядкина уравниваются повествовательной структурой, которая указывает на реальное существование Голядкина-младшего.

Sécile Kovacs hazu, вслед за Бахтиным, пишет, что главная новизна «Двойника» по отношению к гоголевскому наследию заключается в том, что Голядкин был бы Акакием Акакиевичем с полным осознанием самого себя. У Достоевского, следовательно, тема двойничества передвигается с раздвоенной действительности (как в рассказе «Нос») к описанию акта осознания данной действительности.

Есть также другие работы, которые изучают, как сновидения и логика сновидений влияют и составляют восприятие Голядкина и структуру рассказа. (Pachmuss, 1963; Gasperetti 1989). Temira Pachmuss создала понятие “dream-logic”, чтобы описывать технику Достоевского; по ее словам, конфликт Голядкина заключается в коллизии между собственной, идеальной действительностью, составленной из сновидений, и действительностью окружающих его людей; невозможность навязать свою действительность приводит Голядкина к сумасшествию.

Давид Гасперетти, в свою очередь, предлагает очень неортодоксальное истолкование текста. Он говорит, что все события повести происходят всего лишь за один день; все временные и пространственные передвижения имеют место только в воображении Голядкина, слишком склонном к грезам; таким образом, все, что происходит с тех пор, как Голядкину отказывают в доме Берендеева, – не что иное, как плод его разнузданной фантазии. День четвертый для него – это день первый для других, и, поскольку события рассказываются с точки зрения главного героя, читатель разделяет его растерянность. Итак, заключает Гасперетти, «Двойник» предлагает деконструкцию художественной и фиктивной речи, в которой сам Голядкин представляет метафору сложности истолкования текста.

Наконец, надо упомянуть несколько исследований, которые сосредоточиваются на отношении между языком и сознанием (Toubetzkoу, 1995; Kovacs hazu 2012). Исходя из сосюровского различения речи и языка или из схемы Жака Лакана (воображаемое – символическое – реальное), эти исследования выдвигают формальные соображения об умственной и социальной динамике Голядкина, который оказывается привязан к языку и не может – или лишился способности – высказывать свое слово, выражать свою речь, отличаться от других и взаимодействовать с другими (отсюда его отрывистая речь, целиком составленная из общих мест); конец Голядкина неизбежен: он уходит из символического поля.

Трубецкой просматривает символический компонент некоторых эпизодов. Так же, как и Пассаж (1954), в последней сцене повести он видит гротескную пародию Страшного суда.

Мы не можем закончить наше рассмотрение, не обратив внимания на следующее обстоятельство. Цветан Тодоров в своей классической работе «Введение в фантастическую литературу» (1970) предлагает определение фантастического жанра, которое было принято и общепризнано: «Итак, мы попали в самую сердцевину фантастического жанра. В хорошо знакомом нам мире, в нашем мире, где нет ни дьяволов, ни силфида, ни вампиров, происходит событие, не объяснимое законами самого этого мира. Очевидец события должен выбрать одно из двух возможных решений: или это обман чувств, иллюзия, продукт воображения, и тогда законы мира остаются неизменными, или же событие действительно имело место, оно – составная часть реальности, но тогда эта реальность подчиняется неведомым нам законам. Или дьявол всего лишь иллюзия, воображаемое существо, или он реален, как реальны другие живые существа, с той только разницей, что его редко видят. Фантастическое существует, пока сохраняется эта неуверенность; как только мы выбираем тот или иной ответ, мы покидаем сферу фантастического и вступаем в пределы соседнего жанра – жанра необычного или жанра чудесного. Фантастическое – это колебание, испытываемое человеком, которому знакомы лишь законы природы, когда он наблюдает явление, кажущееся сверхъестественным... Если имеет место необычный феномен, его можно объяснить двояко – естественными или сверхъестественными причинами. Колебания в выборе объяснения и создают эффект фантастического»¹. Как видим, эти слова вполне применимы и к «Двойнику». Однако сам Тодоров не только не упоминает эту повесть в своей работе, но и исключает – не знаем, почему – целиком Достоевского из фантастического жанра, приписывая его произведения области *необычного*, в которой «повествуется о событиях, которые вполне можно объяснить на основе законов разума, но тем не менее это невероятные, чрезвычайные, ошеломляющие, странные, тревожные события, и потому они вызывают у героя и читателя реакцию, сходную с той, что мы наблюдали в фантастических произведениях»².

Странно. И тем страннее, если мы обратим внимание на концепцию самого Достоевского о фантастическом, которая не очень-то расходится с той, которую предлагает Тодоров. В письме 1880 года певице Ю.Ф. Абаза Достоевский хвалит «Пиковую даму» следующими словами: «Фантастическое должно до того соприкасаться с реальным, что Вы должны почти поверить ему. Пушкин, давший нам почти все формы искусства, написал «Пиковую даму» – верх искусства фантастического. И вы верите, что Германн действительно имел видение, и именно сообразное с его мировоззрением, а между тем, в конце повести, то есть прочтя ее, Вы не знаете, как решить: вышло ли это видение из природы Германна, или действительно он один из тех, которые соприкоснулись с другим миром, злых и враждебных человечеству духов. (NB. Спиритизм и учения его.) Вот это искусство!»³. А еще в 1861 г. Достоевский отрицал по подобным соображениям фантастический характер рассказов Э.А. По: «Его произведения нельзя прямо причислить к фантастическим; если он и фантастичен, то, так сказать, внешним образом. Он, например, допускает, что оживает египетская мумия гальванизмом, лежав-

шая пять тысяч лет в пирамидах. Допускает, что умерший человек, опять-таки посредством гальванизма, рассказывает о состоянии души своей и проч., и проч. Но это еще не прямо фантастический род. Эдгар Поэ только допускает внешнюю возможность неестественного события (доказывая, впрочем, его возможность, и иногда даже чрезвычайно хитро) и, допустив это событие, во всем остальном совершенно верен действительности. Не такова фантастичность, например, у Гофмана. Этот олицетворяет силы природы в образах: вводит в свои рассказы волшебниц, духов и даже иногда ищет свой идеал вне земного, в каком-то необыкновенном мире, принимая этот мир за высший, как будто сам верит в неперенное существование этого таинственного волшебного мира... Скорее Эдгара Поэ можно назвать писателем не фантастическим, а капризным»⁴.

Главные работы о «Двойнике» Достоевского на английском, французском и испанском языках

1. Amoia, Alba, "The Double (1846)", in Alba Amoia, *Feodor Dostoevsky*, New York, Continuum, 1993.
2. Anderson, Roger B., "Dostoevsky's Hero in *The Double: A Re-Examination of the Divided Self*", in *Symposium*, Vol. 26, № 2, Syracuse University, 1972, pp. 101–113.
3. Arban, Dominique, "Le Statut de la Folie dans les oeuvres de jeunesse de Dostoïevski", in *Dostoevsky Studies*, Vol. 2, University of Toronto, 1981, pp. 27–41.
4. Ayers, David, "Two Bald Men: Eliot and Dostoevsky", in *Forum for Modern Language Studies*, Vol. XXIV, № 4, Oxford, Oxford University Press, 1988, pp. 287–300.
5. Berman, Marshall, *All That Is Solid Melts into Air. The Experience of Modernity*, New York, Simon and Schuster, 1982, pp. 210–212.
6. Bourmeyster, Alexandre, "Le Double de Dostoïevski", dans Gabriel A. Pérouse (comp.), *Doubles et dédoublement en littérature*, Saint-Étienne, Publications de l'Université de Saint-Étienne, 1995, pp. 121–132.
7. Cadot, Michel, "Le Double de Dostoïevski et ses modèles hoffmanniens", dans Wladimir Troubetzkoy (comp.), *La figure du double*, Paris, Didier Érudition, 1995, pp. 115–124.
8. -----, "À propos du Double. Goliadkine ou le fantastique intériorisé", dans Michel Cadot, *Dostoïevski d'un siècle à l'autre ou la Russie entre Orient et Occident*, Paris, Maisonneuve et Larose, 2001, pp. 23–40.
9. Conio, Gérard, "La dialectique du double chez Dostoïevski", dans Gérard Conio (comp.), *Figures du double dans les littératures européennes*, Lausanne, Éditions L'Âge d'Homme, 2001, pp. 67–79.
10. Fanger, Donald, *Dostoevsky and Romantic Realism*, Evanston, Northwestern University Press, 1965, pp. 159–162.
11. Faurholt, Gry, "Self as Other: The Doppelgänger", in *Double Dialogues*, № 10, Summer, Melbourne, 2009. http://www.doubledialogues.com/issue_ten/faurholt.html.
12. Franchi, Fulvio, "Introducción", en Fiódor Dostoïevski, *El doble* (Traducción de Fulvio Franchi), Buenos Aires, Losada, 2009, 9–24.
13. Frank, Joseph, "The double", in Joseph Frank, *Dostoevsky. The Seeds of Revolt, 1821 – 1849*, New Jersey, Princeton University Press, 1976, pp. 295–312.
14. Gasperetti, David, "The Double: Dostoevskij's Self-Effacing Narrative", in *Slavic and East European Journal*, Vol. 33, № 2, Summer 1989, pp. 217–234.
15. Girard, René, *Dostoïevski: du double à l'unité* [1963], dans René Girard, *Critique dans un souterrain*, Paris, Grasset, 1976.
16. Green, André, "Le double double: ceci et cela", dans Fédor Dostoïevski, *Le Double* (Traduction de Gustave Aucouturier), Paris, Gallimard, 1969, pp. 7–24.
17. González, Alejandro Ariel, "Introducción", en Fiódor Dostoïevski, *El doble* (Traducción de Alejandro Ariel González), Buenos Aires, Eterna Cadencia, 2013, pp. 7–125.
18. Guerard, Albert J., "Concepts of the Double", in Albert J. Guerard (ed.), *Stories of the Double*, Filadelfia, New York, J. B. Lippincott Company, 1967, pp. 1–14.
19. Harden, Evelyn, "Introduction", in Fyodor Dostoevsky, *The double. Two versions* (Translated by Evelyn Harden), Ann Arbor, Ardis Publishers, 1985, pp. IX–XXXVI.
20. Herdman, John, "The Russian Double", in John Herdman, *The Double in Nineteenth-Century Fiction*, London, Macmillan Press, 1990.
21. Jones, Malcolm, "The Double: Dostoyevsky's idea for *The Double*", en Malcolm Jones, *Dostoyevsky after Bakhtin*, Cambridge University Press, 1990, pp. 35–58.
22. Kohlberg, Lawrence, "Psychological Analysis and Literary Form: A Study of the Doubles in Dostoevsky", in *Daedalus*, Vol. 92, № 2, Spring, Cambridge, The MIT Press, 1963, pp. 345–362.
23. Kovacshazy, Cécile, "L'inflexion de Dostoïevski", dans Cécile Kovacshazy, *Simplement double. Le personnage double, une obsession du roman au XXe siècle*, Paris, Classiques Garnier, 2012.
24. La Rubia De Prado, Leopoldo, "Recursos narrativos y repercusiones filosóficas: el doppelgänger en la literatura de ideas (Gógol, Dostoïevski y Kafka)", en *Éndoxa*, № 26, Madrid, UNED, 2010, pp. 107–135.
25. López García, Guillermo, "La división del yo en los personajes dostoïevskianos: el caso de *El Doble*", en *Actas de las II Jornadas de rusistas españoles*, Valencia, Universidad de Valencia, 1998, pp. 148–156.
26. Pachmuss, Temira, *F. M. Dostoevsky. Dualism and Synthesis of the Human Soul*, Carbondale, Southern Illinois University Press, 1963, pp. 18–42.

27. Passage, Charles E., "Dostoevski the adapter: a study in Dostoevski's use of the tales of Hoffmann", in *Studies in Comparative Literature*, Chapel Hill, University of North Carolina Press, 1954, pp. 14–37.
28. Peace, Richard, "Gogol and Dostoevsky 'The Double' (Dvoinik)", in Rudolf Neuhäuser (ed.), *Polyfunktion und Metaparodie: Ausätze zum 175 Geburtstag von Fedor Michajlovič Dostojevskij*, Dresden, Dresden University Press, 1988, 103–114.
29. Pekuróvskaya, Asya, "The Nature of Referentiality in *The Double*", in Alexej Ugrinsky, Frank S. Lambasa, Valija K. Ozolins (eds.), *Dostoevski and the Human Condition after a Century*, Nueva York, Greenwood Press, 1986, pp. 41–51.
30. Rank, Otto, *Double: A Psychoanalytic Study*, The University of North Carolina Press, 1971.
31. Ronner, Amy D., "Does Golyadkin Really Have a Double? Dostoevsky Debunks the Mental Capacity and Insane Delusion Doctrines", in *Capital University Law Review*, Volume 40, Issue 1, Columbus, 2012, pp. 195–263.
32. Rosenshield, Gary, "Deconstructing The Bronze Horseman: Dostoevsky, The Double, and the Pushkinian Legacy on Madness", in Gary Rosenshield, *Pushkin and the genres of madness: the masterpieces of 1833*, Madison, University of Wisconsin Press, 2003.
33. Rosenthal, Richard J., "Dostoevsky's Use of Projection: Psychic Mechanism as Literary Form in *The Double*", in *Dostoevsky Studies*, Vol. 3, University of Toronto, 1982, pp. 79–86.
34. Simmons, Ernest J., *Dostoevsky. The Making of a Novelist*, Nueva York, Vintage Books, 1962, pp. 27–32.
35. Terras, Victor, *The Young Dostoevsky. 1846 – 1849*, The Hague, Mouton, 1969.
36. Tollinchi, Esteban, "El Doble de F. Dostoievski", en Esteban Tollinchi, *Romanticismo y Modernidad. Ideas fundamentales de la cultura del Siglo XIX (I)*, Editorial de la Universidad de Puerto Rico, 1989.
37. Troubetzkoy, Vladimir, "Ad te clamavi. La Nuit obscure de M. Goliadkine", dans Jean Bessière (comp.), *Le double. Chamisso, Dostoïevski, Maupassant, Nabokov*, Paris, Honoré Champion, 1995, pp. 55–90.

Примечания

¹ Тодоров Цветан. Введение в фантастическую литературу. – М.: Дом интеллектуальной книги, русское феноменологическое общество, 1999, стр. 25.

² Там же, стр. 42.

³ Полное собрание сочинений, Том 30 (I), стр. 192.

⁴ Полное собрание сочинений, Том 19, стр. 88.

Материал поступил в редакцию 12.04.16.

WHAT IS KNOWN ABOUT *THE DOUBLE* IN THE WEST?

A.A. González, Sociologist, Translator, Guest Lecturer
University of Buenos Aires,
San Martin University, Argentina

Abstract. *The history of perception of any text written in a foreign language is determined by the history of its translations. It becomes more complicated when there are several versions of this text in the source language. Exactly which translation do the critics from another culture rely upon when they judge the text? The translation of Dostoevsky's novella "The Double" typifies it. The present article provides a brief review of how Western critics read and interpreted the second work of Dostoevsky and makes a hypothesis that the absence of translation of the first version of text was (and is) playing an essential role in its perception.*

Keywords: *translation, history of perception, "The Double", Western critics.*

АВТОРСКИЙ СТИЛЕВОЙ КОМИЗМ В ПРОЗЕ Н.А. ТЭФФИ

С.В. Зинковская, студент бакалавр

Кафедра отечественной и мировой литературы, Гуманитарный институт,
Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь), Россия

Аннотация. Характерной чертой прозы Н.А. Тэффи является особый прием авторского стилевого комизма. Некоторые произведения писательница оформляет с помощью максимальных обобщенности и отстраненности, примеряя на себя роль исследователя определенных социальных, социально-биологических явлений действительности. Использование норм других функциональных стилей, отличных от художественного, придает этим рассказам черты пародийности, что усиливает роль юмористического эффекта данных текстов.

Ключевые слова: стилевого комизм, ирония, юмор, функциональный стиль, проза.

В прозе Н.А. Тэффи можно обособить группу текстов, объединенных особым стилевым комизмом, присущим творчеству писательницы. Эти рассказы являются одним из факторов, выделяющих имя Тэффи из общего литературного процесса XX века. Данные произведения в комической форме раскрывают представления автора о русском менталитете, о народном сознании. Обобщенность является главной чертой рассказов, относимых нами к стилевому комизму, в них не участвуют индивидуализированные герои, нет определенных, развивающихся ситуаций, есть лишь типичные обстоятельства, в которых действуют типичные персонажи.

Важно, что такие рассказы в большинстве своем имеют юмористическую основу, в них редко функционируют другие формы комического, в связи с чем частотность обращения автора к данному виду прозы уменьшается с течением времени, и в книгах позднего периода рассказы подобного типа практически не встречаются.

Иногда такие произведения представляют собой пародии на антропологические исследования, что позволяет автору степень обобщенности поднять до общенационального, а порой и общечеловеческого уровня. Имитация научного стиля привносит в рассказы дополнительные юмористические интонации. В качестве примера можно привести произведение «Дача» («Юмористические рассказы. Кн. 1»), в котором писательница исследует особенности дачников как некоей специфической группы людей, обладающей определенным набором качеств и свойств. «Первый дачник пришел с запада. Остановился около деревни Укко-Кукка, осмотрелся, промолвил “бир тринкен” и сел. И вокруг того места, куда он сел, сейчас же образовались крокетная площадка, ломберный стол и парусиновая занавеска с красной каемочкой» [1, с. 116].

Обобщенность повествования, отстраненность автора, приближенность к научному стилю, приведение фактологических доказательств, приобщение исторических (мифы, легенды, факты истории) данных – характерные черты авторского стилевого комизма в ряде рассказов Надежды Александровны Тэффи.

В некоторых случаях юмор таких рассказов поддерживается иронией, с которой автор обозревает ту или иную область действительности. Ирония может быть злой и едкой, но, так как она не направлена против конкретного действия, производимого отдельным человеком, а просто передает эмоции и чувства повествующего субъекта, юмор, вызывающий добрую улыбку, только усиливается. Так в рассказе «Они поют...» («Юмористические рассказы. Кн. 1») автор рассказывает о прачках, которые во время работы поют, что помогает им справляться с тяжелой каждодневной работой. Однако эффект, производимый их пением, на людей, пребывающих постоянно вблизи, оказывается неблагоприятным: «От голосов этих нельзя ни укрыться, ни спастись. Они найдут и разыщут вас всюду, они прервут ваш сон, оторвут ваше внимание от работы, ... незримым тонким крючком подцепив вашу протестующую и негодующую душу, потянут ее в царство пошлости, из которой рождены» [1, с. 144].

Кроме иронии, юмор в таких рассказах может переплетаться с сарказмом, открыто критикующим те факты действительности, которые кажутся автору достойными осмеяния. Часто сарказм направляется против определенного класса общества, выделенного писателями-сатириками, – «человекообразные». Люди, относимые к данному слою, обладают рядом отрицательных качеств, противоречащих их человеческой природе. В прозе Тэффи есть рассказ «Человекообразные» («Юмористические рассказы. Кн. 2»), имеющий форму антропологического исследования. «Человекообразные» в данном произведении отделились от людей, созданных по подобию Божьему, в связи с чем имеют иную цель существования: «Одна мгновенная творческая мысль гения перекидывает человечество на несколько веков вперед по той гигантской дороге, по которой должно пройтись человекообразное при помощи ... труда бесконечного» [1, с. 155].

В качестве примера антропологического исследования можно также привести более поздний рассказ «Демоническая женщина» («Дым без огня», 1914). Для большей убедительности автор в данном произведении привлекает и лексику, свойственную пародируемому жанру: «Демоническая женщина отличается от женщины

обыкновенной...» [2, с. 173], с целью обозначения основных исследуемых подвидов. «Демоническая женщина» рассматривается как объект животного мира, обладающий определенными характеристиками, внутреннего и внешнего плана, и повадками: «*За столом демоническая женщина ничего не ест. Она вообще никогда ничего не ест*» [2, с. 173]. С помощью совмещения черт художественного и научного стили Тэффи рассматривает анализируемое явление с позиций отстраненного субъекта, что позволяет ей обобщить выводы о сущности и развитии объекта критики.

Интересны даваемые Тэффи обзоры не только принципов и основ человеческого поведения, то есть социально-биологических явлений, не закрепленные в какой-либо материальной форме, но объектов культуры. Такие феномены автор также рассматривает с точки зрения менталитета, особенностей их создания и функционирования. Например, в рассказе «Французский роман» («Юмористические рассказы. Кн. 2») писательница характеризует свойства французского романа как обособленного явления культуры. По правилам научного жанра перечисляются основные черты анализируемого объекта («*Он спокоен, длинен и хорош уже тем, что, при всей своей видимой простоте, ничего общего с действительностью не имеет*» [1, с. 281]); он сравнивается с явлениями, содержащими некоторые общие свойства («*Наш русский роман очень беспокоен*» [1, с. 281]); привлекаются сведения из истории развития («*Французский роман, как и все на свете, тоже эволюционирует...*» [1, с. 281]); описываются главные составляющие («*Герой французского романа так неопытен и невинен, что самая чистая лилия кажется по сравнению с ним бурой свиньей*» [1, с. 283]).

Тексты, в основе которых лежит стилевой комизм, строятся по принципам таких функциональных стилей, как научный, публицистический, официально-деловой, но оформляются в форме художественной. Выше уже приводились примеры использования норм научного стили. Обратимся к «публицистическому». Рассказ «Пасхальные советы молодым хозяйкам» («И стало так...», 1912) строится, скорее, как газетная статья, автор которой общается со своими читателями и дает им советы. Пародийная интонация, придаваемая публикуемым наставлениям, создает иронический эффект, с помощью которого автор производит критику описываемого явления.

Публицистичность создается с помощью прямого обращения автора к читателю, построения текста в форме беседы с отступлениями, разъяснениями и возможным альтернативами, иллюзии присутствия автора на месте событий: «*Если какой-нибудь гость до того доразговляется, что уж ему ничего не втолкуешь, то нужно деликатно потрясти его за плечо и вдумчиво сказать: П'шел вон!*» [1, с. 372].

Как пример разъяснительного произведения также можно привести рассказ «О дневниках» («Дым без огня», 1914). Исследование, объясняющее гендерные свойства и различия на единичном явлении действительности, оформляется по типу публицистической заметки. Небольшие сообщения заключают в себе сведения о привычках и мировоззрении мужчин и женщин, устанавливаемых по записям в дневниках: «*Мужчина ведет дневник всегда для потомства ... Женщина пишет дневник всегда для Владимира Петровича или Сергея Николаича...*» [2, с. 208–209].

Стилевой комизм в творчестве Н.А. Тэффи обеспечивается влиянием прочих функциональных стилей на художественные произведения. Обобщенность и отстраненность в данном случае приобретают главенствующее положение при структурировании сюжетной канвы рассказов, а также при выборе юмористической формы для оформления целевых установок отдельного произведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тэффи, Н. А. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 1: Юмористические рассказы; И стало так...: Сборники рассказов; Прочее / Сост. И. Владимиров / Н. А. Тэффи. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2011. – 480 с.
2. Тэффи, Н. А. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 2: Карусель; Дым без огня; Неживой зверь: Сборники рассказов; Прочее / Сост. И. Владимиров / Н. А. Тэффи. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2011. – 432 с.

Материал поступил в редакцию 28.04.16.

THE AUTHOR'S STYLISTIC DEVICE OF COMICALITY IN THE PROSE OF N.A. TEFFI

S.V. Zinkovskaya, Bachelor Degree Student
Department of National and World Literature, Humanitarian Institute,
North-Caucasus Federal University (Stavropol), Russia

Abstract. *The distinctive feature of the prose by N.A. Teffi is a special device of author's stylistic comicality. The writer shapes some of her works through the ultimate generality and standoffishness, playing an explorer of certain social or biological and social phenomena of the reality. Using the norms of functional styles other than the literary style gives these novels parodistic traits which highlight the role of humorous effect of such texts.*

Keywords: *stylistic comicality, irony, humour, functional style, prose.*

УДК 821.161.1

НЕ РОДСТВЕННИКИ, А ТАК...
(АНАЛИЗ ОБРАЗОВ ЛЕОНТИЯ КОЗЛОВА И ЛЕОНТИЯ ХАБАРОВА
В РОМАНЕ «ОБРЫВ» И В ОЧЕРКЕ «ПРЕВРАТНОСТЬ СУДЬБЫ» И.А. ГОНЧАРОВА)

К.В. Смирнов, аспирант, преподаватель русского языка и литературы
 Вологодский государственный университет,
 Вологодский колледж связи и информационных технологий, Россия

***Аннотация.** В статье проанализированы образы Леонтия Козлова и Леонтия Хабарова. В ходе структурного анализа доказана контекстуально-обусловленная близость героев, определена специфика авторского замысла и показаны особенности его воплощения. Анализ образов Козлова и Хабарова как близких по психологии героев позволил глубже понять литературную парадигму творческого наследия И. А. Гончарова.*

***Ключевые слова:** возрождение, Леонтий Ростовский, стойкость, оппозиция «добро – зло», путь к свету, архетип.*

В литературном наследии И.А. Гончарова назывные имена встречаются достаточно часто. В «Обломове», по многочисленным наблюдениям, в образе Агафьи Пшеницыной запечатлена Авдотья Матвеевна, мать писателя. Не случайно и имя главного героя романа. По одной из версий «Илья – это, фактически, и есть славянская транскрипция одного из главных именовании Всевышнего: Яхве, Иегова, Элогим. Имя Обломова включает двукратное напоминание о пророке – он Илья Ильич» [4, с. 202]. По другой – вариация на тему сказочных проекций в литературе, в частности, репрезентированный образ Ильи Муромца [6, с. 183].

Сквозь все творчество проходит линия характеристики центральных гончаровских типов: от Адуева (от «ад») до Райского (от «рай») [8]. Во всем этом многообразии имен совершенно затерялся герой, который едва ли мог не затеряться из-за своей неприглядности и не слишком емкой содержательной нагрузки в сравнении с Марком Волоховым, Верой, Татьяной Марковной и Марфенькой – центральными персонажами романа «Обрыв». Речь идет о поклоннике литературы Леонтии Козлове, старинном приятеле Райского. Провинциальный учитель прославился только своей страстью к книгам и любовью к своей супруге Ульяне Андреевне. По окончании романа герой Козлов, казалось бы, исчез безвозвратно, не перевоплотившись в других образах. Но в одной из последних своих работ Гончаров неожиданно вернулся к нему, только изобразив его портрет несколько иначе. О том, что же объединяет Леонтия Козлова из «Обрыва» и Леонтия Хабарова из «Превратности судьбы» и пойдет речь в данной работе, в рамках которой наиболее ценными оказались труды К.Г. Юнга, В.И. Мельника, Е.М. Мелетинского и проч.

Образ Леонтия Козлова противоречив: с одной стороны, это герой, который предан литературе; с другой – именно с Леонтием связана сюжетная линия Ульяны Андреевны. На первый взгляд может показаться, что Гончаров создавал подобие оппозиции «добро – зло»: благородное чувство Леонтия было опорочено развязной жизнью Ульяны Андреевны. Однако, зная о феминистских наклонностях писателя [9], говорить о подобной однобокости по меньшей мере некорректно. Гончаров показал поверхностный конфликт, вылившийся сначала в знаки внимания Ульяны Андреевны Райскому, а впоследствии и в ее бегство от мужа. Но также писателем были показаны и причины происходящего: героиня не видит в муже надежную опору, не может представить в нем защитника семьи и ее интересов. Несостоятельность Леонтия наглядно проиллюстрирована в разговоре с Райским, в котором герой жалуется на Марка Волохова, нещадно рвущего книги. Возникает логический вопрос: почему же он сам, хозяин дома, не может защитить свое имущество от постороннего человека? Ульяна Андреевна спорит с Леонтием и на его замечание, что он Марка близко к книгам не подпустит, резонно отвечает: «Он не спросит тебя, подойдет и сам» [1, с. 175]. И поэтому объятия мужа скорее обжигают, чем согревают: «Он обнял ее за плечи: она опустила глаза, Райский тоже; смех у ней пропал из лица» [1, с. 175]. Ульяне Андреевне тягостно и то, что Леонтий предпочитает ее обществу книги: «Что это, право, скоро все на Леонтия будут похожи: тот уткнет нос в книги и знать ничего не хочет» [1, с. 172]. Мир героя – иллюзорный мир, в котором нет места жизни в прямом смысле этого слова. Леонтий обитает среди Клеопатр, Лавиний, Корнелий, Вальтеров и Дидро, в то время как близким необходимо его внимание. Поэтому Ульяна Андреевна и отыскала ему замену сперва в лице некоего Шарля, а потом и Райского: в них она увидела мужчин, способных принять ее как женщину.

После отъезда Ульяны Андреевны Леонтий просил Райского найти ее и тотчас сообщить ему. Райский отыскал ее «следы» на Гороховой улице. Но встретившаяся ему женщина сказала, что Ульяна Андреевна больна и никого не принимает. Райский, разгадав ложь, ничего не написал Леонтию, хотя тот его и просил. Здесь Гончаров еще раз акцентирует внимание читателя на несостоятельности героя: вместо того, чтобы самостоятельно искать любимую и пытаться ее вернуть, Леонтий вновь просит помощи. Неспособность героя к действию является его главной отличительной чертой и всецело его характеризует.

Другую репутацию заслужил Леонтий Хабаров, герой очерка «Превратность судьбы». Исключив из произведения любовную тему, Гончаров показал только путь из тьмы к свету. Применительно к понятию «пути» Е. М. Мелетинский писал: «Путешествия, как правило, строго соотнесены с мифологической топографией, не только с противопоставлением неба, земли, подземного и подводного «царств», но также с противопоставлением дома и леса (последний представляет собой «чужой» мир, насыщенный демонами и демонизмом)» [7, с. 72]. Основополагающим выступает катарсис: преодолев преграды в виде неудачных попыток устройства на службу, неудач в разных должностях, Леонтий, в конце концов, приходит в Казанский собор. Перейдя из мира «здесь» в мир «там», духовно очистившись, Леонтий случайно встречается с императором, решающим ему помочь. В очерке Леонтий – ярко выраженный герой-странник, ничем не отличающийся контекстуально от Одиссея. Он ищет не пристанище для своей измученной и утомленной души, а сам путь к свету. Понятие путешествия как зова судьбы представлено в «Словаре символов» Н. Жюльен: «Мифологическое путешествие символизирует зов судьбы, перемещение героя из привычной среды в неизвестную зону, полную опасностей и сокровищ: в дальнюю страну, подземное или небесное царство, лес, затерянный остров, на гору» [3, с. 324].

Символично, что Обломов, по наблюдению В.А. Недзвецкого, в первой части поднимается вверх, в гору, а во второй опускается вниз, с горы. «Из человека, так сказать, горизонтального, в течение первой части романа лежащего, Илья Ильич превращается в человека вертикального, открытого райским видениям и возможности духовно-нравственного роста» [10, с. 56]. В романе «Обыкновенная история» Александр Адуев перебирается в Петербург, расположенный на почтительном расстоянии от Грачей. Наконец, женщины в очерке «Уха» отправились отдыхать ни куда-нибудь, а на остров.

Поиск героем верного пути становится одной из основополагающих структурных особенностей творчества Гончарова. Александр Адуев, как оказалось, исправимый романтик, приехавший в Петербург устраивать свою жизнь, подвергнут внутренней перестройке, осуществляемой дядей. В «Обломове» Илья Ильич был вынужден пройти испытание любовью и вынести всю боль расставания; и только после этого герой обретает счастье в доме вдовы коллежского секретаря. В «Обрыве» эту же линию продолжает Борис Райский, влюбившийся в красавицу Веру. Даже в одной из последних своих работ – в очерке «Уха» – Гончаров не уходит от намеченного маршрута: теперь путь к духовному очищению должны пройти женщины, отправившиеся отдохнуть. Но в «Ухе» Гончаров более выразителен – писатель показывает сам процесс возрождения героинь, акцентируя внимание на церквях, мимо которых необходимо проехать. В каждом из обозначенных произведений центральным выступает факт возрождения, в связи с чем правомерно говорить об архетипической структуре.

На точки бифуркации К.Г. Юнга и Гончарова указывал В.Н. Криволапов [5]. Юнг, рассуждая о трансформации, выделял возрождение как одну из форм перерождения: «Слово «возрождение» имеет специфическую окраску: оно означает идею обновления или даже исправления магическими средствами. Возрождение может быть обновлением безо всяких перемен в существовании, так что обновление личности меняет не ее природу, но только ее функции, или части личности, ради исцеления, укрепления и исправления» [12, с. 276].

Однако Гончаров не всегда готов предоставить своим героям возрождение в полной мере. Допуская подобную категоричность, писатель рисковал выйти за рамки реализма, что было совершенно неприемлемо. Леонтий Козлов так и не достиг той самой стадии, когда можно было бы говорить об окончательной оформленности в новом статусе. В.И. Мельник указывает на его близость с Агафьей Пшеницыной, аргументируя идентичными врожденными качествами героев: «естественностью» и «природностью» [8, с. 319]. Однако необходимо добавить и еще одну характеристику – пассивность. Агафья так и осталась вдовой коллежского секретаря, ничего не решающей и практически «покорной» своему брату. Леонтий же – покорен обстоятельствам и, вероятнее всего, продолжает мечтать о помощи со стороны.

Иначе дело обстоит с Леонтием Хабаровым. Леонтий стремится изменить свою жизнь в лучшую сторону: он активен, нацелен на получение наиболее выгодного для него результата. Но если Козлов не хочет изменить себя, то Хабаров не видит необходимости измениться. Оба героя нацелены на переход в более гармоничное состояние, на возрождение, но при этом первый никак не найдет в себе сил для трансформации, а второй никак не прочувствует ее необходимость. Эта особенность объединяет героев и, исходя из того обстоятельства, что они – тезки, позволяет установить ряд аналогий.

Среди наиболее знаменательных личностей, максимально сближенных с героями, целесообразно сказать о Леонтии Ростовском, святом, прославившемся своей борьбой за христианскую веру после смерти князя Ростовского Бориса Владимировича. Несмотря на смертельную опасность (язычники пытались убить Леонтия), святой выходил к ним и всякий раз оставался верен Христу. Именно стойкость является основной характеристикой святого Леонтия [11, с. 336–338].

Данная черта свойственна в полной мере и Козлову, и Хабарову. Несмотря ни на что, Леонтий Козлов хранит верность своей супруге, не допуская даже мысли о ее возможной измене. Верен Козлов и книгам, которые можно назвать частью его самого. В образе Леонтия Хабарова воплощается стойкость несколько иначе: герой преодолевает всевозможные превратности судьбы, оставаясь при этом человеком чести.

Изначально не претендующий на роль положительного героя, Козлов не прошел процесс воскрешения в полной мере. Гончаров мог вернуть Ульяну Андреевну в дом, сделать из нее исключительную супругу, но это перечило бы здравому смыслу: героиня со сложившимся мировоззрением вряд ли изменила бы свои принципы ради семьи, которая не входит в ее систему ценностей как основная. Для этого необходимо серьезное потрясение,

описание которого выходило за рамки замысла. Поэтому Гончаров оставил Ульяну Андреевну свободной, сфокусировав внимание на неспособности Леонтия изменить самого себя.

Леонтий Хабаров же воплощает возрождение в полной мере – он всецело добивается искомого, но для этого ему необходимо изменить свою внутреннюю суть. Олицетворением ее является мундир, который изменяется вместе с героем: сначала вынашивается, потом приобретает совершенно неэстетический вид. В итоге Леонтий получает другой, удобный и новый. Гончаров также мог оставить героя в «незавершенном» виде, как и Козлова. Но в очерке центральная ось базировалась как раз на описании духовного преображения. Отказав Хабарову в возрождении, Гончаров не смог бы завершить очерк в связи с бессмысленностью всех описанных событий.

Подводя итог ранее сказанному, необходимо отметить: через образы Леонтия Козлова и Леонтия Хабарова Гончаров показал путь духовного становления. Проходя испытания, герои должны трансформироваться, возродиться для того, чтобы изменить свое ощущение окружающего мира. Козлов не смог полностью воплотить замысел писателя в силу своей пассивности, в то время как Хабаров достиг искомого. Объединяет героев не только их путь к просветлению, но и вера своим идеалам. Вслед за Леонтием Никейским герои наделены стойкостью, что характеризует их с лучшей стороны и выводит их в ряд типичных образов, на создание которых ориентировано все творческое наследие Гончарова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гончаров, И. А. Обрыв / И. А. Гончаров // Гончаров И. А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 5. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. – С. 163.
2. Гончаров, И. А. Превратность судьбы / И. А. Гончаров // Гончаров И. А. Собр. соч. в 8 т. Т. 7. – М.: «ПРАВДА», 1952. – 504 с.
3. Жюльен, Н. Словарь символов / Н. Жюльен. – Челябинск: «Урал Л.Т.Д», 1999. – 500 с.
4. Криволапов, В. Н. О библейских прообразах героев гончаровского романа («Обломов») / В. Н. Криволапов // Ученые записки Орловского государственного университета. Научный журнал. – 2012. – № 4 (48). – С. 199–203.
5. Криволапов, В. Н. Обломов И.А. Гончарова в свете аналитической философии К.Г. Юнга / В. Н. Криволапов // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2012. – № 3 (23). – Часть вторая.
6. Лошиц, Ю. М. Гончаров / Ю. М. Лошиц. – М.: Молодая гвардия, 1986. – 367 с.
7. Мелетинский, Е. М. О литературных архетипах / Е. М. Мелетинский. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1994. – 136 с.
8. Мельник, В. И. Гончаров и Православие. Духовный мир писателя / В. И. Мельник. – М.: «ДАРЪ», 2008. 544 с.
9. Михайлова, М. В. И. А. Гончаров и идеи феминизма: (Роман «Обломов») / М. В. Михайлова // Гончаров И. А.: Материалы Международной конференции, посвященной 190-летию со дня рождения И. А. Гончарова / Сост. М. Б. Жданова, А. В. Лобкарёва, И. В. Смирнова; Редкол.: М. Б. Жданова, Ю. К. Володина, А. Ю. Балакин, А. В. Лобкарёва, Е. Б. Клевогина, И. В. Смирнова. – Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2003. С. 49 – 58.
10. Недзвецкий, В. А. Роман И.А. Гончарова «Обломов»: Путеводитель по тексту: Учебное пособие / В. А. Недзвецкий. – М.: Издательство Моск. ун-та., 2010. – 224 с.
11. Русские святые: 1000 лет русской святости / Жития собрала монахиня Таисия (Татьяна Георгиевна Карцева). – СПб.: Азбука, 2000. – 816 с.
12. Юнг, К. Г. Алхимия снов / К. Г. Юнг. – М.: Медков С.Б., 2011. – 312 с.

Материал поступил в редакцию 28.04.16.

NO RELATION, BUT THUS... (ANALYSIS OF LEONTY KOZLOV'S AND LEONTY KHBAROV'S IMAGES IN THE NOVEL "THE PRECIPICE" AND IN THE ESSAY "TRICK OF FORTUNE" BY I.A. GONCHAROV)

K.V. Smirnov, Graduate Student, Teacher of Russian and Literature
Vologda State University,
Vologda College of Communication and Information Technologies, Russia

Abstract. *In the article the images of Leonty Kozlov and Leonty Khabarov have been analyzed. In the course of structural analysis contextually determined affinity of characters has been proved, the specificity of the author's intention revealed and features of its realization showed. The analysis of Kozlov's and Khabarov's images as psychologically similar characters allowed for deeper understanding of the literary paradigm of I.A. Goncharov's artistic legacy.*

Keywords: *revival, Leonty Rostovsky, endurance, "good – evil" opposition, way to the light, archetype.*

Literature of Peoples of the Foreign Countries
Литература народов стран зарубежья

УДК 821.111(9)

ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА МАОРИ В ЛИТЕРАТУРЕ НОВОЙ ЗЕЛАНДИИ XX ВЕКА**Ю.Ю. Кравинская**, старший преподаватель

Кафедра иностранных языков № 2, Институт иностранной филологии

Таврическая академия (структурное подразделение),

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского (Симферополь), Россия

***Аннотация.** В статье рассматривается репрезентация образа коренного населения в постколониальном тексте на примере новозеландской литературы. Проводится анализ качественных изменений образа маори в литературе за период с начала 20-го века. Представлен ряд авторов, чьи произведения являются наиболее иллюстративным материалом по данной теме. Автором доказана связь либерализации общества Новой Зеландии с формированием автохтонного направления в национальной культуре – Маорийского ренессанса.*

***Ключевые слова:** мультикультурное общество, автохтоны, концепт «Другой», Культурный национализм, Маорийский ренессанс, национальная идентичность.*

Литература Новой Зеландии была сформирована в самостоятельный англоязычный проект во второй половине 20-го века. Созданная переселенцами и представителями коренного населения, она испытывает влияние бывшей метрополии, что проявляется в перенесении западноевропейских традиций развития литературы и искусств на колониальную почву. Это является аргументом в пользу популярной идеи, что нецелесообразно выделять англоязычные литературы таких стран, как Австралия, Новая Зеландия, а имеет смысл оставить их элементом литературы Содружества Наций. Но наличие историко-культурных особенностей, языковой специфики и мультикультурного подхода в культуре Новой Зеландии определяет самостоятельность данного явления.

В представленной статье мы рассмотрим образ маори в ракурсе репрезентации концепта «Другой» в новозеландской прозе. Мы ставим перед собой цель выявить этапы смещения роли маори от немого объекта изучения для путешественника-западноевропейца до создателя нового литературного явления. Процесс трансформации образа коренного населения связан со значительной либерализацией постколониального общества Новой Зеландии в 20-м веке, что будет подтверждено посредством анализа ряда знаковых произведений для национальной литературы. Данный материал является актуальным для проводимого исследования современной литературы Новой Зеландии, а именно периода маорийского ренессанса.

Положение автохтонов, маори, их вклад в написание национального метатекста определяет уникальность новозеландской литературы. Новая Зеландия занимает особое место среди регионов, испытавших на себе колониальное господство Британии. Коренное население островов не только пережило период угнетения, но и сохранило связь с культурными корнями. Борьба маори за право на национальное самоопределение и политика местных властей, направленная на сохранение маорийской культуры, привели к созданию мультикультурного кластера. Образовалось многонациональное общество, в котором не только маори обрели новую гибридную постколониальную идентичность, но и потомки переселенцев переняли культурные артефакты местного населения, признавая их важность для сцепки социума в единую культурную общность.

Концепт «Другой», как базисный элемент социальной философии, находится в центре современных культурологических и литературоведческих изысканий. Стремление уйти от господствующих бинарных оппозиций, в основе которых лежит дуалистическая идея свой – чужой, требует глубокого осмысления роли Другого. Данный процесс не является достоянием современной научной мысли. Этноцентрические и ксеноцентрические модели, господствовавшие в 18 – 19-х веках, стремились исключить Другого из дискурсивного поля путем четкого определения понятия нормы для общественного сознания [8]. В 20-м веке представленная область исследований получила мощный толчок к плюрализации мнений, что привело к появлению множества подходов к изучению Другого, таких как диалогический, эволюционистский, постструктуралистский, постмодернистский, феминистический, постколониальный.

И.С. Дороговцева предлагает следующую типологию концепции Другого: «значимый Другой / Другой в структуре моего Я; Другой как Ты (противоположность – любой Другой); Другой как не Я, отклонение от нормы (маргинал, женщина, инвалид, представители групп меньшинств); Другой как носитель иной культуры

(«чужой»)» [1; с. 9]. Рассматривая эволюцию образа маори в новозеландской литературе, мы обращаемся к типу Другого как носителя иной культуры. Среди исследователей-постколониалистов данный вопрос был раскрыт в работах Э. Саида, Г.Ч. Спивак, Х. Бхабха, А. Лумба, С. Холла. Тема исключения, маргинализации представителя чужой культуры была развита философами, которые стали предтечей постколониальных исследований: анти-колониалисты Ф. Фанон, У. Дюбуа. Также М. Фуко внес вклад в изучение Другого как маргинального и самого понятия «бинарная оппозиция», где Другой находится в ущемленном положении. В колониальной и гендерной оппозициях подчиненный и женщина лишаются голоса, возможности создавать культурные артефакты, передавая это право колонизатору и мужчине, соответственно. Схожесть базисных процессов для оппозиций указывают на универсальность категории Другого: «... – множество интерпретаций проблемы [другого] указывает на ее многоплановость, подчеркивает ее универсальный характер» [1; с. 7].

Процесс перехода этноса в роль Другого – антипода просвещенного европейца – часть колониального дискурса, в рамках которого колонизаторы вписали население в существующее представление о дикаре, примитивном создании, которого необходимо перевоспитать и привести к прогрессивным идеям Просвещения путем колонизации [5; с. 155]. Этот момент описан Хелен Тиффин как колониальный контакт (*colonial encounter*) – точка отсчета и для новозеландской литературы. В 2012 году издательство Auckland University Press представило Антологию новозеландской литературы под редакцией двух авторитетных критиков Джейн Стаффорд и Марка Уильямса в 11 томах. Построив антологию хронологически, редакторы исходили из принципа «нео-историзма»: «в литературе открываются наиболее интересные аспекты», когда исследование ведется с опорой на «исторический и культурный контекст» [6; с. 155]. Начиная с первых высадок европейцев, авторы выделили этапы развития литературного процесса: “*contact era*” (1769 – 1820), колониальный период (1820 – 1860), Маорилэнд (1890 – 1914), культурный национализм (1918 – 1940). Критически этапы, названные «Маорилэнд» и «культурный национализм», освещены более детально, что связано с формированием национальной идентификации новозеландцев и отходом национальной культуры от слепого подражания метрополии. Период после второй мировой войны стал знаковым для развития новозеландской литературы и культуры в целом, так как произошел переход от «белой» национальной идеи к формированию гибридной идентичности. Каждое последующее десятилетие появлялись новые лица, чье творчество было значимо для эволюции литературного процесса: 1950-е – подъем женской поэзии, 1960-е – отказ от консервативного подхода в пользу экспериментального, 1970 – 1980 – Маорийский ренессанс. Выделенные литературные периоды отображают коренной народ в рамках господствующей социокультурной модели. Трансформация образа маори последовательно на всех этапах становится определяющей для смены культурной парадигмы. Но именно в 20-м веке произошли качественные изменения в репрезентации коренного народа в национальной литературе, что подготовило почву к созданию современного культурного артефакта маори.

Период между мировыми войнами (1918 – 1940) был отмечен резким подъемом национальной самосознания. Наиболее значительными фигурами для литературы становятся поэт Аллен Карноу и автор коротких рассказов Фрэнк Сарджесон. Приверженцы культурного национализма, они ратовали за становление новозеландской культуры как самостоятельного элемента, а не далекой проекции британских идеалов. Первый литературный журнал «Лэндфолл», который был впервые опубликован в 1947 г., стал ареной для литературных дискуссий. Культурные националисты не принимали романтическое изображение маори и их традиционного уклада жизни, что представлялось таким же атавизмом, как и ностальгический образ Британии – далекого дома. Но и не было задачи у реформаторов вписать маори в современное общество и дать им возможность полноценно участвовать в становлении новой нации. М. Уильямс и Е. Павлов отмечают, что «Репрезентации жизни маори встречаются в работах середины XX века, однако лишь в произведениях либеральных пакеха, а не самих маори; в этих произведениях неизбежно подчеркивается архаизм маорийского образа жизни» [4]. Это период доминирования белых писателей и маскулинного начала. Попытка национальной самоутверждения только белой части населения не могла привести к позитивным результатам, так как исключала из процесса коренное население.

Общая либерализация общества послевоенного периода отразилась и на литературных поисках. В 1950-е происходит подъем феминистского движения, и на смену мужскому лидерству в литературе пришла плеяда женщин-поэтов (Мэри Стэнли, Рут Даллас). Потребность общества найти себя как самостоятельную нацию не исчезла со сменой культурной парадигмы. В 1952 году Билл Пирсон напечатал в литературном журнале «Лэндфолл» эссе “*Fretful Sleepers: A Sketch of New Zealand Behaviour and Its Implication for the Artist*”, основная тема которого – национальная идентичность новозеландца как оформившееся социальное явление. Автор попытался дать всестороннюю оценку характера новозеландца, не переселенца, а представителя новой нации. Эссе получило широкое признание, и считается основополагающим в корпусе текстов, формулирующих идентификацию новозеландской нации. Но в описании национального характера не присутствуют характеристики, относящиеся к маори. Иными словами, маори только делят территорию с новозеландцами, но не являются частью нации, что подтверждает стратегию изоляции Другого. Пирсон объективно обрисовывает сложившуюся ситуацию: «Нет места в среднестатистическом новозеландском сообществе для человека, который отличается» [9].

В последующие десятилетия авторы новозеландской прозы обратились к экспериментальной литературе. Так, Альберт Вендт в романе «Сыновьям предстоит вернуться домой» (1973) представил эстетический

эксперимент, суть которого – это поиск идеального мира на пересечении культур. Сюжет трагической любви Ромео и Джульетты прочитан автором с новой остротой: главные герои должны преодолеть классовые и расовые различия, а не только родовую вражду. Она – белая новозеландка, дочь успешного бизнесмена; он – сын иммигрантов самоа, замкнутый и колкий в высказываниях другой, которого называют в белом новозеландском обществе “cocosnut islander” (кокосовый островитянин, кокосоед). Тема культурного и расового неприятия Другого близка Альберту Вендту, самоа по происхождению. Но роман шире, чем любовный роман на рубеже культур. Перед нами история семьи иммигрантов, полная потеря и тоски по далекой родине, эмоциональной травмы и чувства внедомности – явления, описанного Хоми К. Бхабха в работе «Локализация культуры» (1994). Тема переселения, миграции, мистификации образа родины была отражена в критическом анализе: «Роман содержит ряд основных клише, свойственных эмигрантской литературе в пост-колониальном контексте...» [4; с. 165]. В романе присутствуют элементы лингвистической игры, деконструкции, субъективистских ощущений, свойственных лирическому сюрреализму. Это указывает, что в конце 1960-х литература Новой Зеландии присоединилась к постмодернистскому проекту.

Политика смешанных браков и демографический сдвиг к урбанизации маори привели к качественным изменениям в положении коренного населения. Смешанные браки породили новое поколение, которое инкорпорировалось в современное новозеландское общество. Смена качественного состава всех слоев населения может быть охарактеризована следующим образом: «В последние годы мы видим подъем национального самосознания среди маори с английскими именами. Это адвокаты, врачи, представители профсоюзов... и большинство из них, оказывается, ценят маорийские корни выше, чем европейские» [3; с. 125]. В литературе с выходом романа Вити Ихимаэра, маори по происхождению, “Tangi” (1974) начался новый этап – Маорийский ренессанс, знаковый как для коренного этноса, так и для формирования концепции бикультурализма. Этнокультурный Другой перестал быть немой, и из литературного образа перешел в авторы – субъекты действия. В рамках Маорийского ренессанса многочисленная группа авторов-маори получила признание внутри страны и за рубежом. Среди них Вити Ихимаэра (1944 –), Кери Хьюм (1947 –), Патриция Грейс (1939 –), Алан Дафф (1950 –), Элизабет Нокс (1959 –), Билл Манхаер (1946 –). Это время выхода автохтонов в авангард во всех сферах культурной и общественной жизни. Литература выступила отправной точкой переоценки культуры маори как в новозеландском обществе в целом, так и внутри национального меньшинства. Каждый из представленных авторов отразил определенный аспект жизни маори в своем творчестве: Вити Ихимаэра – положение этнокультурного Другого (ребенка, женщины) в белом обществе, место маори в мировой культуре; Патрисия Грейс – поиск судьбы всего народа через личный поиск; Кери Хьюм – процесс осознания и принятия бикультурного кластера как единого будущего для нации; Алан Дафф – маргинализацию, насилие и культурную нищету современных маори. Объединяющим для них остается процесс создания пост-колониального текста: «Примечательна сила и уверенность, с которой маори теперь чувствуют себя способными говорить самостоятельно, выбрав для творчества английский, но думая, при этом, на языке маори» [3; с. 125].

В ранних работах автохтонные авторы стремились объяснить чувство «коренности» маори. Ностальгия по «старому миру», который ушел безвозвратно, по племенному устройству социума занимала центральное место в тематической канве. Безвозвратность потери героини прошлого придавала элемент утопизма и безысходности первым произведениям, но в 80-е годы авторы отходят от остро политической и социальной тематики, во многом под влиянием феминистского начала внутри Маорийского ренессанса. Происходит поиск источников развития маори в современном обществе посредством психологической переоценки, раскрытия индивидуального восприятия мира современным маори, который гордится прошлым, но не готов отказаться от ценностного опыта и знаний, приобретенных в пост-колониальном обществе Новой Зеландии. Наиболее ярким примером данного подхода является роман Кери Хьюм “The Bone People” (1985). Хьюм не погружает своих героев в рефлексию по поводу утраченных идеалов, и не помещает их в зону комфорта застывшего маорийского уклада. Напротив, главные герои романа постоянно находятся на рубеже культур, и только слияние на мультикультурной основе помогает им не только найти себя, но и спасти собственную жизнь. Керевин Холмс, протагонист автора, смогла пережить творческий и психологический кризис, перебороть смертельное заболевание только тогда, когда сравняла с землей дом-маяк – символ самоизоляции, и создала культурный артефакт – маорийского идола, обозначающего триединство главных героев и общность маорийской и европейской культур. Новозеландский критик Марк Уильямс определил позитивную роль романа в становлении нового социального паттерна: «Изображая Новую Зеландию страной с особой этнической судьбой, этот роман стал определяющим документом двукультурного национализма 1980-х» [7].

Ещё полвека тому назад язык маори был практически утрачен в повседневном общении. Находясь в состоянии изоляции как этнокультурный Другой, представитель коренного населения терял культурную идентичность, забывая язык предков. Сегодня один из каналов национального телевидения вещает только на маорийском, издаются газеты, выходят в свет книги. Хотя, согласно некоторым отечественным критикам, еще существует осознанное противопоставление белого населения маори и другим этническим группам, что является характерной чертой концептуальной картины мира современного белого новозеландца [2, с. 340]. Но бикультурная основа общества выступает, несомненно, основополагающим ценностным ориентиром современной культуры Новой Зеландии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дорогавцева, И. С. Проблема Другого в тексте художественной литературы / И. С. Дорогавцева. – Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т. – Чита, 2009. – 81 с.
2. Николаева, О. В. Историко-культурные особенности сложения концептуальной картины мира пакеха в Новой Зеландии / О. В. Николаева // Вестник Нижегородского университета им. В. И. Лобачевского. – 2011. – № 3 (1). – С. 337–343.
3. Holcroft, M. H. The Village Transformed: Aspects of Change in New Zealand, 1900 – 1990 / Montague Harry Holcroft. – Wellington: Victoria University Press, 1990. – 171 p.
4. Kral, F. Integrating, Belonging, Unbelonging in Albert Wendt's *Sons for the Return Home* / Françoise Kral // The Pain of Unbelonging: Alienation and Identity in Australasian Literature / ed. by S. Collingwood-Whittick. – 2007. – P. 165–181.
5. Post-colonial Studies: The Key Concepts / B. Ashcroft, G. Griffith, H. Tiffin – 2nd ed. – L. and N. Y.: Routledge Taylor and Francis Group, 2007. – 292 p.
6. Stafford, J. The Signs, the Traces of my Feeling: Editing “The Auckland University Press Anthology of New Zealand Literature” / J. Stafford // Journal of New Zealand Literature. – 2013. – No. 2. – P. 145–162.
7. Павлов, Е. Вновь приводя в замешательство: малые литературы Аотеароа / Новой Зеландии / Е. Павлов, М. Уильямс // НЛО Независимый филологический журнал. – 2007. – № 85. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2007/85/pa23.html> (дата обращения: 08.07.2015).
8. Шапинская, Е. Н. Проблема Другого в современной культуре и культурологии / Е. Н. Шапинская // Интерлос. – 2006. – № 3. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.intelros.ru/readroom/orientiry-metafizicheskie-issledovaniya-cheloveka/orientiry_3/print:page,1,8446-problema-drugogo-v-sovremennoj-kulture-i-kulturologii.html.
9. Pearson, B. Fretful Sleepers: A Sketch of New Zealand Behaviour and its Implications for the Artist / Bill Pearson // Landfall. – 1952. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://publicaddress.net/great-new-zealand-argument/fretful-sleepers/>.

Материал поступил в редакцию 13.04.16.

EVOLUTION OF MAORI IMAGE IN THE 20TH-CENTURY LITERATURE OF NEW ZEALAND

Yu.Yu. Kravinskaya, Senior Teacher
Department of Foreign Languages No. 2, Institute of Foreign Philology
Tavrida Academy (structural division),
V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol), Russia

Abstract. *In this article the representation of the image of indigenous people in a postcolonial text is considered by the example of New Zealand literature. The qualitative changes of maori image in the literature over a period from the beginning of the 20th century are analyzed. A number of authors whose works appear to be the most illustrative examples in regard to the subject matter is presented. The author proves the correlation of the liberalization of New Zealand society with the formation of autochthonous movement in the national culture – The Maori Renaissance.*

Keywords: *multicultural society, autochthones, the concept of the Other, cultural nationalism, The Maori Renaissance, national identity.*

УДК 82

ВОКАЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ «ЦЮЙ И»: ИСПОЛНИТЕЛЬСКИЕ ШКОЛЫ И ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА В КИТАЕ

Ли Эрюн, кандидат искусствоведения, доцент
Академия искусств,
Цзянси университет финансов и экономики (Наньчан), КНР

Аннотация. В статье на базе изучения исторических источников о цюй и анализируются традиции вокального исполнения с учетом культуры, вокальных вариаций, видов исполнительских техник, стилей и школ исполнения и др. Ключевым объектом анализа стали отдельные вокальные школы и практики известных исполнителей цюй и. С учетом изменений общественной мысли, тенденций развития культуры и анатомических обоснований звукоизвлечения автором предложены обновленная теория и классификация школ и стилей исполнения, что составляет новаторский подход в теории изучения вокально-исполнительского искусства цюй и.

Ключевые слова: цюй и, вокальные традиции, исполнительские школы, классификация стилей.

Китайское традиционное народное вокальное искусство *цюй и* объединяет все виды разговорно-певческого жанра с участием профессиональных и полупрофессиональных артистов. Основная форма исполнения *цюй и* базируется на синтезе разговорных диалогов и пения (*шуо* и *чан*), которые можно условно разделить на четыре вида: «с диалогами в середине вокального исполнения» (наличие *шуо* в *чан*, где в ярко выраженных песенных номерах имеются вкрапления речитатива); «равное количество диалогов и вокальных частей» (пение-речитатив, в котором элементы речитатива в пении значительны, а мелодия развивается в зависимости от изменений языковой интонации); «чередование разговорных и песенных разделов» (чередование *шуо* и *чан*, смена которых пронизывает все выступление); «единая песенно-разговорная форма» (полупение-полуречитатив с некоторыми фрагментами речитатива на фоне пения, где обычно вначале идет речитатив, а затем – пение). Если рассматривать эти формы с позиций вокальной техники, то можно провести параллели с нянь (декламацией) и чан (пением) в китайском театре или с речитативами и арией западной оперы, где, несмотря на различия в языке и произношении, при исполнении произведения достигается сходный художественный эффект. Музыковед Т. Будаева дает следующее определение данному явлению: «*Цюй и* – сказания и легенды, исполняемые певцом-сказателем, аккомпанирующим себе на маленьком барабане баньгу и трещотке-кастаньетах лайбань в сопровождении небольшого ансамбля» [1, с. 53]. В целом, в народном представлении *цюй и* высокие требования предъявляются к исполнителю, который должен владеть техниками вокала, мастерством драматического актера, игрой на инструментах и т.д.

Понятие «древняя музыка цюй и» было дано в работе Сюнь Цзы (313 – 238 гг. до н. э.) «Чэн Сян Пянь», написанной в эпоху воюющих царств и представляющей собой эссе, сочетающее стихотворную форму и прозу, которое очень близко по своей форме к литературе песенно-разговорного жанра. Теоретик Юаньской династии Ху Чжиюй (1227 – 1295 гг.) в восьмом томе своей работы «Цзы Шань Да Цюань Цзи» («Сборник о критике») описал критерии для артистов, исполняющих народные произведения. В их числе основными являются внутренние психологические качества исполнителя, вокальное мастерство, эмоциональная составляющая, владение искусством риторики и правильным выразительным произношением [4, с. 65]. Как видно, уже в древнем Китае к исполнителям вокального искусства *цюй и* предъявлялись высокие требования. Однако при этом недостаточное внимание уделялось самой системе обучения, в том числе интонированию, резонансу, дыханию и другим вокальным техникам.

Согласно данным археологических раскопок в период династии Восточная Хань уже существовал песенно-разговорный жанр, который являлся одним из видов «байси» и включал помимо прочего разные виды пластических искусств. В период Сун Юань в результате развития городов и потребности горожан в развлечениях появились артисты песенно-разговорного жанра, стали развиваться такие формы, как «гу цзы дяо», «чжу гун дяо», «чан чжуан», а также определились места для показа представлений, т. н. «гоулани», чайные домики, площади, дома с черепичной крышей и т.д. Философ времен династии Сун Мэн Юанлао (1030 – 1094 гг. н. э.) в труде «Дун Цзин Мэн Хуа Лу» («Представление о городе Кай Фэне») отмечает: «это движение было очень развито среди городского населения (исполнение песен и танцев на улице и в помещении)» [2, с. 116]. В период династий Мин и Цин появляется множество форм песенно-разговорного искусства: «дао цин», «чжуй цзы», «лянь хуа лао» (пение под аккомпанемент трещоток), «фэн ян хуа гу» (фольклорная форма, включающая в себя пение и танцы), «тань цы» (баллады), «гу цы» (представление под аккомпанемент барабана), которые дошли и до наших дней. Исполнительская традиция *цюй и* является также основой и постоянно способствует развитию китайской традиционной оперы «сицой». Многие народные мотивы, развиваясь, становились основой для локальных опер и драм, способствуя разнообразию последних.

По мере развития жанра, исполнители в рамках конкретных вокальных исполнительских школ форми-

руют ряд специфических вокальных техник. Так, например, в исполнении сычуаньских песен используется непрерывный «прыгающий» звук-стаккато, на основе которого сформировалась техника «мотива на выдохе». При исполнении хубэйских малых мотивов добавляется «опорный» звук, «волнообразный», «скользящий», «дрожащий» звуки. Многие певцы нередко используют приемы звукоизвлечения, характерные для различных амплуа традиционного театра в целях подчеркивания контрастов образов. Например, при передаче эмоций и чувств героя (радость, гнев, печаль, веселье, испуг, паника, любовь, ненависть и др.) важен контроль над дыханием, работой гортани: при выражении радости применяется глубокое дыхание, расслабление связок (техника «си инь» – *веселый голос*), гнева – учащенное дыхание, натяжение связок (техника «хэнь шэн» – *злой голос*), скорби – короткое дыхание, прием «истощенного» звучания (техника «бэй шэн» – *грустный голос*) и т. д.

В первой половине XX века развитие китайского музыкального искусства сопровождалось все возрастающей конкуренцией между исполнителями народной музыки, что привело к появлению нескольких направлений в вокальной школе *цюй и*, основателями которых были Лю Баоцун, Цяо Цинсю, Жун Тяньчэнь, Ли Дэцай, Ся Хэшэн и др. После образования КНР большинство народных исполнителей объединились в профессиональные коллективы, внося свой вклад в развитие современной китайской музыки [5, с. 501–506].

В современной вокальной школе Китая выделяется около 500 разновидностей китайского искусства «цюй и», каждая из которых уникальна и основана на оригинальной технике пения и аккомпанемента. В числе наиболее распространенных обозначим пекинские дагу, сучжоуские пинтань, сычуаньские циньинь, хэнаньские чжуйцзы, специфику которых рассмотрим в исторической перспективе на примере деятельности выдающихся исполнителей.

Происхождение понятия «**пекинские дагу**» (**большие барабаны**) восходит к северным «выступлениям под барабаны (гу цы)», в которых использовались пекинские говоры. В конце XIX века традиция пения в сопровождении деревянных барабанов стала популярной среди обычных горожан, жителей Тяньцзиня и Пекина, благодаря деятельности профессиональных музыкантов.

Наиболее влиятельной среди направлений исполнения пекинских дагу стала школа Лю Баоцяня (1869 – 1942). Особенности ее стиля – сочетание пекинского диалекта и мастерства исполнения на деревянных барабанах, звучность голоса при пении, узость звуковых диапазонов, проникновенность звучания в верхних регистрах. Также включение музыкантами этой школы в свое исполнение приемов, характерных для театральных постановок, позволило объединить пение и игру, форму и дух, добиться истинного эстетического удовольствия для публики [3, с. 349].

Бай Юньпэн (1874 – 1962) – основатель школы Бай исполнения пекинских дагу. С 1900 года на протяжении ряда лет он выступал в Пекине, Тяньцзине, Нанкине, Шанхае и др., создав в соответствии с собственными голосовыми данными оригинальный стиль исполнения. Особенности школы Бай связаны с взаимодействием пения и речитатива, ритмическим многообразием, изысканными мелодическими оборотами, акцентированием пекинского диалекта и сохранением звуковых позиций своего родного наречия [3, с. 348].

Школа пения уроженца Пекина Бай Фэнмин (1909 – 1980) отличалась особой витиеватостью мелодической линии, преобладанием низких регистров, вниманием к артикуляции, включением новых техник работы со звуком (падение-бэн, удар-да, склеивание-чжань, вершок-цунь, прерывание-дуань), что позволило вывести исполнение пекинских дагу на новый уровень. Спецификой вокальной школы Ло Юйшэн (род. 1914 г.), мастера исполнения амплуа лаошэн, стало объединение традиций школ Лю и Бай, с акцентом на преобладание высокого регистра в исполнении и использование выразительного приема «дрожащего» и «скользящего» звучания.

Традиция пения «**сучжоуские пинтань**» появилась на основе сучжоуского диалекта в период ранней Цин. Это форма вокального искусства, сочетающая особенности двух жанровых разновидностей: традиции пинь и тань (пиньхуа и таньцы), в которых исполнитель аккомпанирует себе на пипе или трехструнном инструменте сан-сян.

Движения певца при исполнении таньцы заимствованы из традиционной оперы, в них воплощаются особенности того или иного персонажа, жестами и мимикой передается внутреннее состояние героя, его физиологические особенности. С середины правления династии Цин в основу таньцы включаются в равной степени пение и речитатив и формируются характерные исполнительские стили Чэнь (Юцянь), Юй (Сю Шань) и Ма (Жу Фэй).

Формирование стиля Чэнь связано с мастерством певца Чэнь Юцянь, который ввел в исполнение пиньтань сучжоускую музыку и традиции исполнения куньских мотивов. Отличительными чертами вокального исполнения Чэнь являются также ясность и выразительность артикуляции, ритмическая свобода, богатая орнаментика мелодической линии, что позволяет передать патристическое содержание песен и героический характер. Исполнитель таньцы Юй Сюшань опирается на широкий звуковой диапазон, нередко охватывающий более двух октав, минимальное количество вербального текста, обилие мелодических распевов [6, с. 111]. Стиль Ма Жуфэй от имени певца этой же эпохи связан с принципами естественного звукоизвлечения и включением фальцета в высоком регистре. Выдающийся мастер пинтань Ян Чжэньсен (1920 – 1999 гг.), голос которого отличался особой красотой тембра и чистотой интонации, в своем исполнении опирается на естественную манеру звукоизвлечения в высоком (в отдельных случаях применялся фальцет) и низком регистрах, ритмическую свободу, импровизационное развитие.

Сычуаньские циньинь («чистый звук», до первой трети XX века назывались «цитра поющей луны») получили распространение в данном регионе более 200 лет назад и исполнялись преимущественно женщинами, пение которых сопровождалось игрой на инструментах зачастую слепыми музыкантами. Основу данной певческой традиции составляют «малые мотивы».

В первой половине XX века развивается деятельность выдающихся исполнителей циньинь – Ли Юйцю (1959 г.), Чэнь Дуаньчжэня, Дэн Бися, Сяо Шунью, благодаря которым эта певческая традиция получила широкое распространение на территории Китая. Мастерство вокала играет в циньинь важнейшую роль. Характерной чертой исполнения циньинь является хуацянь («цветущие интонации» или «смеющиеся интонации»), когда певец в среднем и низком регистрах поет «прыгающим» голосом, а также использование специфического звука от щелчка языком, что позволяет незаметно взять дыхание и выдержать длинные мелодические фразы.

Хэнаньские чжуйцзы берут свое начало в провинции Хэнань и представляют собой соединение техник даоцин, ин гэлю и сансянь шу в сопровождении аккомпанирующего инструмента чжуйху (цитра чжуй). Тексты исполняются на хэнаньском диалекте, что и обуславливает название хэнаньские чжуйцзы. Традиционно в исполнении этих песен задействован еще один исполнитель, который левой рукой отбивает такт на деревянных дощечках.

Первой известной женщиной-исполнительницей хэнаньских чжуйцзы стала Чжан Саньни (1894 – 1970 гг.) из монастыря Сяньго (г. Кайфын). С 1930-х начался расцвет хэнаньских чжуйцзы. В Тяньцзине оформились три направления исполнительских школ. Школа Цзяо, основательница Цзяо Цинсю (1910 – 1944 гг.), за четкость ритма, выразительную артикуляцию и обилие орнаментики была названа «мастерскими (изысканными) голосами». Школу Чэн (Чэн Юйлань, 1907 – 1968 гг.) за простоту и ясность мелодического мотива, протяжность пения – «большими голосами», а школу Дун (Дун Цзячжи, 1915 – 2007 гг.) за четкое структурирование формы и глубину исполнения – «фундаментальными вокальными стилями». В числе мастеров исполнения чжуйцзы – имена Чжао Янсянь, Чжан Чжикунь, Ли Фэнмин, а также Ли Минчжи, Ли Цзунцин и Ли Цзяцжи, которых называли «три Ли из Чжэньчжоу». Своеобразный исполнительский стиль певицы Ма Юйпин (1936 г.) вобрал в себя элементы исполнения гуандунской и пекинской опер, мотивов дадяо, оперы пин [7, с. 12].

Таким образом, вокальное исполнение «цюй и» включает в тесном взаимодействии четыре основных компонента – актерскую игру на сцене, инструментальное сопровождение, повествование-речитатив и пение. В современной практике обучения традициям и техникам данного направления обозначился ряд вопросов, требующих решения и совершенствования системы в целом. Это касается общей теоретической базы, отсутствия квалифицированных кадров, опыта работы с профессиональными основами вокального искусства, в том числе над певческим дыханием, артикуляцией, приемами звукоизвлечения и др.

После образования КНР было положено начало становлению систематического образования в сфере современного вокально-исполнительского искусства. В 1953 году на втором Конгрессе, посвященном китайской литературе и искусству, была создана Ассоциация китайского народного искусства, которая определила понятие «современное народное искусство *цюй и*», обозначив новый этап в исследовании и развитии данной вокальной традиции. Одной из первых школ в Китае, обучающих народным вокальным традициям, стала «Хэбэйская школа народного искусства *цюй и*» (г. Баодин, 1960 г.). В 1986 году Министерством культуры в Тяньцзине была основана «Китайская северная школа народного искусства *цюй и*», которая стала первой государственной специализированной средней школой народного эстрадного искусства; в 2008 г. открылась «Хэнаньская школа народного искусства *цюй и*» в городе Шанцю; в 2010 году в городе Аньшане провинции Ляонин учреждена «Молодежная школа народных искусств *цюй и*». Несмотря на то, что все они не относятся к разряду высших учебных заведений, оставаясь на уровне средних музыкальных образовательных учреждений, они имеют большое значение для дальнейшего развития китайского народного искусства.

Развитие традиций исполнения народных песен в КНР способствовало интенсификации обмена опытом с зарубежными странами. В 1980-е – 1990-е гг. известные исполнители сяньшэн (юмористического сценического диалога) Хоу Баолин, Ма Ди, Цзян Кунь, мастер пекинского «барабанного пения» Ло Юйшэн, исполнители сычуаньского пения циньинь Чэн Юнлинь и речитатива Лю Ланьфан и Лянь Лижу активно гастролируют по всему миру, представляя традиционное вокальное искусство Китая на высоком уровне.

Китайское искусство *цюй и* на современном этапе, в первую очередь, основывается на народных традициях, а также заимствует все лучшее из других вокальных форм. К примеру, исполнитель мотивов «столичных барабанов» Ло Юшэн применял различные техники пекинской оперы и других традиционных опер и драм. Мастер сяньшэн Хоу Баолин применял техники оперного и драматического исполнения как основу для звукоизвлечения. В хэнаньских мотивах «Лао бань эр» («Супруги»), хэнаньских дуэтах, например, «Честный человек», и многих других в той или иной степени использованы приемы бельканто, переходы естественного и измененного голосов и др. При этом, следует особо подчеркнуть, что здесь также сохранены и традиционные особенности исполнения.

В числе основополагающих задач современной музыкальной науки по отношению к традиции *цюй и* обозначим следующие позиции. Во-первых, необходимо систематизировать и классифицировать существующие образцы данной народно-певческой традиции, создать фонохрестоматии с образцами исполнения различных техник и жанровых разновидностей. Во-вторых, – стимулировать развитие исполнительских школ и их постоянную концертную практику. В-третьих, – развивать фольклорную линию в композиторском творчестве.

Народное вокальное искусство *цюй и*, как и другие виды вокального искусства, находится в постоянном развитии. Современная педагогика стремится сохранить оригинальные национальные особенности языка и исполнения, внедрить бельканто и другие приемы профессионального вокала для создания нового образа искусства *цюй и*. В целом подобная квинтэссенция зарубежного и традиционного китайского вокала соответствует государственной стратегии развития китайского искусства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Будаева, Т. Б. Вокальная сторона Пекинской оперы / Т. Б. Будаева // Музыкаведение. – 2009. – № 1. – С. 47–53.
2. Сюй, Цзинцун. Курс театрального вокала / Цзинцун Сюй. – Чанша: Художеств. лит., 2001. – 424 с.
3. У, Чжао. Краткая музыкальная история Китая / Чжао У, Лю Дуншэнь. – Пекин: Нар. музыка, 2006. – 428 с.
4. Цай, Юаньли. История музыкально-драматического искусства Китая / Юаньли Цай, Вэнкэ Ву. – Чунцин: Культу. худ. изд-во, 1998. – 187 с.
5. Цзинь, Вэньда. История музыки Древнего Китая / Вэньда Цзинь. – Пекин: Нар. музыка, 1994. – 597 с.
6. Чэнь, Бинь. Краткая история китайской музыки / Бинь Чэнь. – Чунцин: Синан. пед. ун-т, 2003. – 396 с.
7. Юй, Линьцин. Китайское народное музыкально-драматическое искусство / Линьцин Юй. – Пекин: Нар. музыка, 1993. – 355 с.

Материал поступил в редакцию 07.04.16.

**QU YI VOCAL TRADITION: PERFORMANCE SCHOOLS
AND GENRE PECULIARITIES IN CHINA**

Li Eryong, Candidate of Art Criticism, Associate Professor
College of Art,
Jiangxi University of Finance and Economics (Nanchang), China

***Abstract.** On the basis of examination of historical sources on professional stage singing, the article presents the analysis of qu yi traditions with due account of culture, vocal variations and techniques, styles and schools of performance etc. The key objects of analysis are certain vocal schools and vocal practices of famous stage singers. With due regard to changes in social thinking, tendencies in cultural development as well as anatomic explanation of sound production, the author proposes renovated theory and classification of schools and techniques of vocal performance, giving grounds to an innovative approach in the theory of qu yi.*

***Keywords:** qu yi, vocal traditions, schools of performance, classification of styles.*

УДК 655.28.022.24(571.56)

ТЕХНОЛОГИЯ ВЕРСТКИ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОГО ЖУРНАЛА ZOOTERRIA

Ю.И. Бочкарева, магистрант отделения журналистики, филологический факультет
Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова (Якутск) Россия

***Аннотация.** В статье приводится анализ стиля и верстки нового специализированного журнала ZOOTERRIA. Обсуждаются стили и дизайн успешных изданий, на основании которых делался выбор дизайна макета нового журнала. Описывается процесс разработки логотипа, поиск постоянного шрифта, формата и дизайна обложки, программ верстки, в целом, стиля специализированного журнала о животных и природе ZOOTERRIA. Проанализированы особенности и достоинства глянцевых журналов, пользующихся у аудитории популярностью, и успешных журналов, посвященных животным.*

***Ключевые слова:** верстка, дизайн, специализированный журнал, обложка, стиль, макет, ZOOTERRIA, CorelDRAW, Adobe InDesign.*

В современных условиях роль визуализации медийного содержания неуклонно повышается. По мнению специалистов, заинтересовать, привлечь читателя к конкретному изданию способен не только качественный текст, но и визуальные акценты [8, с. 174]. Если газета несет информационный характер и после прочтения всех материалов, скорее всего, становится бесполезной, то журнал предназначен для более долгосрочного применения. Журнал способен храниться дольше, чем газета, поэтому делается выбор в пользу высокой плотности бумаги, качественной цветопередачи и т.д. Журнал может нести в себе информацию, которая вполне может быть заурядной, но одной из главных функций журнала является ее уникальная подача. Если цель газеты – доступно и оперативно рассказать аудитории о событии, то в журнале информация подается чуть позже, но более полно и красочно.

Материалы оформляются ярко и привлекательно, чтобы запомниться, закрепиться в сознании реципиента, ассоциироваться с конкретным изданием [8, с. 174]. Даже самый интересный материал может быть представлен таким способом, что читатель просто не сможет его прочитать. Имеется в виду дизайн данного материала. Посредством выбора фотографии, врезок, дополнений, крупного и мелкого шрифта, ярких и неброских цветов материал приобретает некое «обаяние».

Легендарный типограф Ян Чихольд, чьи работы до сих пор актуальны, писал: «Совершенное полиграфическое оформление есть скорее наука, нежели искусство... В основе совершенного оформления лежит абсолютная гармония всех элементов. Поэтому мы должны учиться и учиться тому, что является гармоничным. Суть гармонии – соотношения пропорций» [7, с. 11–12].

Актуальность заключается в необходимости грамотного и стильного дизайна для любого издания. Сегодня проектная деятельность в сфере дизайна все более демонстрирует свой разноплановый и многоаспектный характер. Феномен интеграции многих элементов культуры: искусства, техники и производства – дизайн – все интенсивнее и точнее, чем прежде, отражает динамику их развития, вторгается в иные сферы социального воспроизводства, распространяя на них свою методологию, осваивает и адаптирует при этом новые для себя предметные области знаний и технологий [2, с. 55].

Издание с качественным наполненным контентом, но одновременно с непривлекательной и неудобной версткой вряд ли сможет привлечь и занять покупателя. К слову, все успешные издания удивляют не только объемом и качеством материалов, но и уникальным, понятным и стильным дизайном.

Тематическая направленность журнала «ZOOTERRIA» – дикие и домашние животные, природа Республики Саха (Якутия). Были проанализированы все издания, относящиеся к этому направлению. На основе анализа сформулированы задачи, требующие решения в течение нескольких лет:

1. Добиться «узнаваемости», следовательно, важно установить единый стиль журнала.
2. Для построения собственного дизайна необходимо вести мониторинг рынка специализированных изданий на данную тематику, также глянцевых изданий, пользующихся наибольшим успехом у российских читателей.

3. Добиться расположения и интереса аудитории как качественное и стильное издание.

«ZOOTERRIA» – это первый специализированный журнал о природе и животных Республики Саха

(Якутия). Ниша печатного издания о мире животных на информационном рынке республики не занята, не было ни одного издания, которое бы освещало события, происходящие в сфере разведения домашних животных, в том числе экзотических, в условиях резко континентального климата. В России издаются не менее десятка журналов и газет, посвященных миру животных, без учета изданий, посвященных природе и путешествиям.

Журнал должен удовлетворить информационные потребности владельцев животных, заводчиков и просто людей, интересующихся этой темой. Первый выпуск специализированного журнала «ZOOTERRIA» вышел в январе 2015 года. На данный момент увидели свет пять выпусков. Цель журнала – пропаганда бережного и внимательного отношения хозяев к своим питомцам и повышение грамотности населения Республики (Саха) Якутия в области охраны природы и социальной ответственности владельцев домашних животных. Средний объем – 80 полос. Тираж составляет 500 экземпляров.

«ZOOTERRIA» – новый журнал, появившийся без какой-либо помощи спонсоров или дизайнеров, проект был целиком разработан студентами. Контент – породы, условия содержания, конкурсы, выставки домашних животных, дикая природа, флора и фауна Якутии и т. д. Контент журнала уникален тем, что он касается не только собак и кошек, но и лошадей, рыб, грызунов и других мелких животных. Такая разноплановость не используется в отечественных журналах. Скорее наоборот, все российские издания, касающиеся животных, стремятся к узкой направленности, например, журналы «Друг для любителей кошек», «Друг для любителей собак», «Мой друг кошка», «Мой друг собака», «ГрызЛандия» и пр.

Дизайн – творческая проектная деятельность, целью которой является создание гармоничной предметной среды, наиболее полно удовлетворяющей материальные и духовные ценности и потребности человека [3, с. 26]. От дизайна зависит первое впечатление. После этого вступает в силу контент, но контент не только текстовый. Бывает, что единственная фотография нередко эффективнее тысячи слов [8, с. 174]. При этом следует указать на то, что периодическое издание – это воплощение творческой деятельности некоторого числа редакционных работников. Оно служит своим целям и задачам и создается для определенной аудитории. Каждая газета или журнал в большинстве своем уникальны – индивидуален и их дизайн. При этом разные издания порой довольно сложно сравнивать между собой. Эта необходимость возникает из-за того, что дизайн в современном мире становится основным типологическим признаком [8, с. 207–208]. Так как журнал планировался как информационная площадка для организаторов предстоящих выставок пород собак и кошек, обязательным жанром является интервью с владельцами питомников, экспертами, владельцами животных. В связи с таким обширным контентом встал вопрос о том, какой дизайн подобрать.

Цель состояла не только в том, чтобы привлечь всех заинтересованных лиц, но и запомниться аудитории как издание с читабельным шрифтом, удачными фотоиллюстрациями, яркостью и неповторимостью. В поиске стиля издания мы исходили из принципа: чем крупнее газета или журнал, тем жестче становится композиционно-графическая модель, и с большей интенсивностью идет процесс унификации в работе над изданием. Было предсказуемо, что успех и уникальность верстки и дизайна не проявятся при первом же выпуске журнала. Таким образом, с каждым разом мы планировали делать верстку и дизайн «ZOOTERRIA» лучше, экспериментировать, отказываться от неудачных решений и не бояться ошибаться. Каждый выпуск давал больше и больше опыта, а усилия, потраченные на поиск «Я» журнала, приносили все большие изменения в издание.

Наличие шаблонов и визуальной подачи анализируемых журналов предполагало не злонамеренное использование чужих идей [5, с. 253], а изучение правильности использования дизайнерских приемов изданий. Просмотр и изучение верстки других изданий помогало найти то, что подходит, и то, что не подходит образу журнала.

Дизайнеры СМИ не просто применяют оригинальные шрифты, привлекательные графические элементы, яркие цвета, красочные изображения, они учитывают при этом потребности аудитории, тематику материала и концепцию издания [8, с. 175]. Так как журнал «ZOOTERRIA» – это журнал о животных, это предполагает наличие большого количества фотографий, иллюстраций и врезок.

Название и логотип – главные отправные точки журнала. От правильного названия проекта зависит не только его узнаваемость и легкозапоминаемость, но и будущий успех. Нередко именно он служит отличительным знаком издания. Название журнала «ZOOTERRIA» – это связка нескольких латинских слов. Zoo от латинского означает «животные», terra – «земля». В окончании «IA» имеется в виду аббревиатура «information agency» – информационное агентство. Были два варианта относительно логотипа журнала. Первый вариант: дизайнер мог на заказ придумать логотип журнала. Второй предполагал, что название служит также и логотипом. Esquire, Cosmopolitan – это пример удачного выбора второго варианта. Так как название журнала само по себе уникально, то было решено оставить издание без логотипа. Был выбран шрифт Modern No. 20. Благодаря данному шрифту название приобрело понятный в то же время не похожий на другие логотипы изданий вид.

Обложка является первым «манком» для читателя. Обложки современных журналов демонстрируют перемену вектора от вербального к визуальному, от слова – к рисунку, яркому иконическому образу. Обложка должна быть яркой, информативной, являться ключом к общей концепции журнала, к тематике конкретного выпуска так же, как заглавие является ключом к пониманию смысла художественного произведения [6, с. 29]. В отличие от журнала о животных «Друг», где на обложку ставятся несколько изображений, было решено, что фотография будет одна. Формат журнала слишком мал для нескольких фотографий сразу.

Обложка нередко обусловлена причиной, из-за которой открывают журнал: единодушным было мнение,

что на обложке должны быть животные, живущие в республике. Не абстрактные существа из стоковых фото-банков, а реальные представители мира животных с кличками, именами владельцев. Желательным является условие успешности представителя породы: чемпионские титулы выставок разного ранга, интересная история, связанная с этим животным. Во втором и третьем выпусках были двойные обложки – обложки сзади и спереди. Таким образом, люди, не заинтересованные животными на первой обложке, могли бы заметить вторую, заднюю обложку. Примечательно, что наша целевая аудитория не могла даже предположить, что эти животные живут в Якутске.

Выбор шрифта – важный фактор для обеспечения удобочитаемости текста аудиторией. Шрифт должен быть не слишком крупным, иначе объем материалов станет излишне большим и займет слишком много страниц, – формат журнала составляет лишь 165 миллиметров на 200 миллиметров. Слишком мелкий шрифт также неэффективен: люди пожилого возраста или люди с плохим зрением будут не в состоянии разобрать текст. Оптимальный размер шрифта был окончательно выбран к третьему выпуску – 9 кегль. Такой шрифт не крупный, как у изданий большого формата (например, А4), но замечательно подходит формату «ZOOTERRIA». С первого по четвертый выпуски использовались попеременно шрифты Arno Pro, Bookman Old Style, Constantia, Garamond, Sylfaen; на данный момент постоянным шрифтом для материалов выбран Cambria.

Программы для верстки: CorelDraw X6 и Adobe Indesign CC 2014. Первый выпуск был полностью сверстан на CorelDraw. Выбор графического редактора был сделан совершенно случайно, и в итоге стало понятно, что данная программа совершенно не удобна и не годна для разработки макета журнала. Главной причиной отказа от Corel было то, что на разработку потребовалось вдвое больше времени, чем при работе с Adobe Indesign. Несоблюдение границ, полное отсутствие гармонии и похожих линий между полосами – было решено подобрать другую программу. Вторая программа для верстки Adobe Indesign удобнее в использовании. Программа выгодна тем, что она автоматически ищет и компоует фотографии и объем текста, отталкиваясь от предшествовавших полос. Идет неполное, но эффективное копирование, что ведет к гармоничной схожести материалов журнала в общем. Также в этой программе присутствует необходимая опция – это создание шаблонов. Шаблон создается на примере сверстанной полосы, где дизайнер в дальнейшем сможет использовать тот стиль, не возвращаясь к прошлому выпуску и намеренно копировать макет. CorelDraw больше подходит графическому редактированию – подготовка макета рекламы, визитки и пр. Но главным преимуществом CorelDraw является готовность программы к любым проявлениям фантазии дизайнера. Она очень удобна в создании верстальщиком непохожей, необычной полосы. CorelDraw – это программа для верстальщика-создателя. В то время как Adobe Indesign направлен на верстку журналов, на правильную и гармоничную компоновку, последовательное построение содержимого полос. В итоге, Adobe Indesign используется со второго выпуска по настоящее время.

Стиль журнала относится к дизайну гляцевых изданий, но материалы и смысл призваны не столько развлекать, сколько давать полезную информацию, в которой нуждается аудитория. В последнее время активно развивается наука сервисология, изучающая подходы к потребителю в процессе предоставления тех или иных услуг с учетом его индивидуального стиля жизни, потребностей, запросов, ценностных ориентаций. То есть сущностью сервиса как деятельности является именно удовлетворение разнообразных потребностей человека [3, с. 26]. Таким образом, важно выявить главные потребности читателя – предусмотреть его проблемы, дать совет, делать обзоры полезной информации.

Если главная цель гляцевых журналов – это развлекать массового читателя, погружать его в мир иллюзий и красивой жизни, задавать стандарты поведения, то цель «ZOOTERRIA» – научить своего читателя правильно ухаживать за своим питомцем, расширить кругозор. Целевая аудитория – заводчики, хендлеры, настоящие или потенциальные хозяева домашних животных и просто интересующиеся. Принцип верстки гляцевых журналов был взят, потому что подобные издания направлены на массового читателя. Это позволяет быть ближе к своей аудитории – гляцевые журналы уже давно завоевали популярность. И человек, бросив взгляд на подобное издание, поймет, что издание относится к гляцевым. Общение с такими профессионалами, как ветеринары, успешные заводчики, владельцы питомников, волонтеры, тренеры конно-спортивных клубов, должно расширить кругозор якутского читателя.

Но, в отличие от методов изложения информации гляцевых журналов, где используется максимальная простота с полным отсутствием терминологии и развернутых синтаксических конструкций [1, с. 170], «ZOOTERRIA» полон терминами и профессионализмами, так как направление тематики обязывает журнал описывать и объяснять всё, что касается пород собак или других животных, титулы или болезни. Журнал является скорее просветительским, чем развлекательным, при том, что верстка показывает скорее обратное направление.

Специализированный журнал «ZOOTERRIA» с каждым следующим выпуском претерпевает большие изменения, которые касаются и дизайна, и контента, и материала. Обучаясь дизайну, анализируя ведущие журналы, важно не применять шаблон этих изданий. Конечная цель – создать свой оригинальный стиль. В конечном итоге, журнал «ZOOTERRIA» должен занять свое место на информационном рынке и создать собственные ценностные ориентиры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Буряковская, В. А. Глянцевый журнал как феномен массовой культуры: речевое и прагматическое представление / В. А. Буряковская // Политическая лингвистика. – 2012. – № 1. – С. 169–172.
2. Власова, Н. С. Инновационный подход к подготовке студентов при обучении Web-дизайну / Н. С. Власова // Вестник ЧГПУ. – 2010. – № 5. – С. 54–64.
3. Ермилова, Д. Ю. Актуальные задачи современного дизайна / Д. Ю. Ермилова // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. – 2014. – № 2. – С. 25–31.
4. Носаев, Д. А. Влияние элементов графической модели периодического издания на его успешность / Д. А. Носаев // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2013. – № 3 (126). – С. 207–212.
5. Пьянкова, В. В. Графический дизайн: проблема современной художественности / В. В. Пьянкова, А. Н. Городищева // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. – 2014. – № 10. – С. 253–254.
6. Семьян, Т. Ф. Визуальный облик журнала «Сноб» / Т. Ф. Семьян // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. – 2013. – № 1. – С. 28–32.
7. Чихольд, Я. Облик книги. Избранные статьи о книжном оформлении / Я. Чихольд. – М.: 1980. – 242 с.
8. Шевченко, В. Э. Теоретические основы визуальной коммуникации / В. Э. Шевченко // Научные ведомости БелГУ. Серия: Гуманитарные науки. – 2013. – № 20. – С. 174–180.

Материал поступил в редакцию 21.04.16.

MAKEUP TECHNOLOGY OF ZOOTERRIA SPECIALIZED MAGAZINE

Yu.I. Bochkareva, Candidate for a Master's Degree of Journalism Department, Faculty of Philology
M.K. Ammosov North-Eastern Federal University (Yakutsk), Russia

***Abstract.** In this article, the style and makeup of the new ZOOTERRIA specialized magazine are analyzed. The style and design of successful periodicals, based on which the layout design of the new magazine was chosen, are discussed. The process of developing the logo, searching for the permanent font type, format and design of the cover makeup software and the overall style of ZOOTERRIA specialized magazine about animals and nature is described. The specific features and advantages of glossy magazines that are popular with the audience and successful magazines concerned with animals are analyzed.*

***Keywords** makeup, design, specialized magazine, cover, style, layout, ZOOTERRIA, CorelDRAW, Adobe InDesign.*

УДК 070 (5)

МЕДИАИНДУСТРИЯ СТРАН АЗИИ

Ю.И. Осипова, магистрант отделения журналистики филологического факультета Северо-Восточный федеральный университет М.К. Аммосова (СВФУ) (Якутск), Россия

Аннотация. В статье определен уровень развития средств массовой коммуникации в Республике Саха (Якутия) и в Республике Казахстан в период глобализации. В связи с глобализацией особенно актуальным представляется не только сохранение, но и определение перспектив развития национальной системы средств массовой коммуникации. Информационные процессы имеют глобальный характер, но они имеют национальную специфику того государства, в котором происходят. Данное исследование даст общее представление о медиа-развитии в Республике Казахстан и в Республике Саха (Якутия), о современных тенденциях средств массовой коммуникации.

Ключевые слова: средства массовой информации, средства массовой коммуникации, масс-медиа, информационные агентства, издания, медийный источник.

В настоящее время наблюдается качественное изменение деятельности медиа в разных регионах мира. В Республике Саха (Якутия) и в Республике Казахстан масс-медиа развиваются в последние двадцать лет стремительно, доказательством чему является высокий уровень информационной культуры исследуемых регионов.

С целью изучения объектов в развитии был выбран сравнительный диахронный метод анализа, охватывающий период с 1990 года по 2011 год в истории медиа исследуемых регионов.

В 1990 году в Республике Казахстан существовало только два канала республиканского ТВ, четыре радиопрограммы, издавалось около 400 журналов и газет.

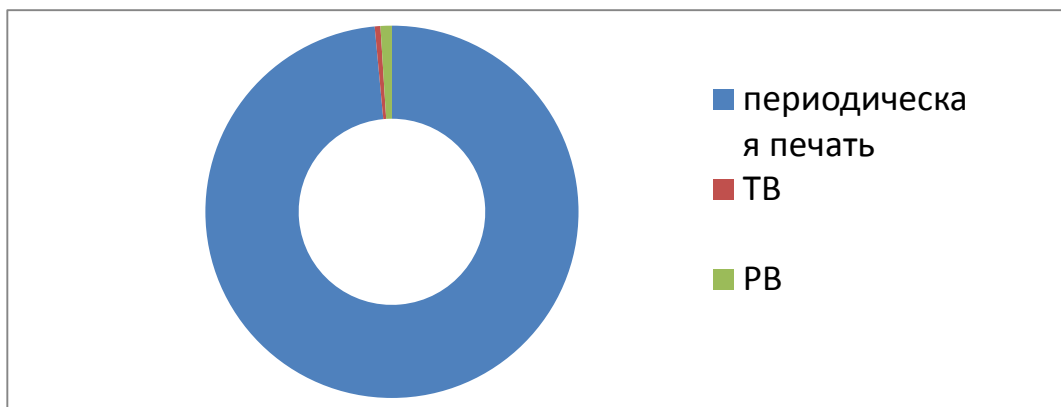

Диаграмма 1. СМК в Республике Казахстан в 1990 г.

Уже в 2011 году в Казахстане было зарегистрировано свыше 7000 СМИ, из этого числа на постоянной основе действуют 3018 СМИ. Доля печатных СМИ (газеты и журналы) составляет 91% от общего числа масс-медиа, 8,5% — электронные СМИ: 63 телеканала и 42 радиокomпании, 146 операторов кабельного ТВ и 6 спутникового вещания, и 0,5% — информационные агентства [1].

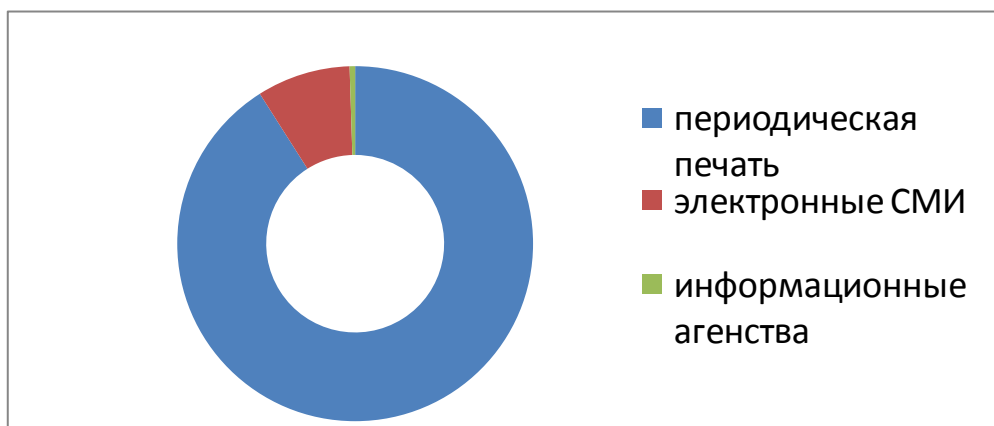

Диаграмма 2. СМК в Республике Казахстан в 2011 г.

Доля негосударственных СМИ на информационном рынке страны составляет 85%. Наибольший процент среди печатных масс-медиа составляют:

- общественно-политические издания – 36%,
- информационные – 32%,
- научно-аналитические – 27%.

Из общего числа газет почти половина выходит на казахском и русском языках, есть газеты, выходящие только на казахском или только на русском языках, часть газет выходит на уйгурском, корейском, английском, немецком и других языках. В Казахстане аккредитованы такие зарубежные информационные агентства, как ИТАР-ТАСС, РИА «Новости», «Рейтер», «Франц-Пресс», «Синьхуа» и другие [1].

На внутреннем казахстанском информационном рынке распространяется около 2400 иностранных СМИ, включая 2309 газет и журналов, 83 телерадиопрограммы. В Казахстане аккредитованы более 80 представителей зарубежных СМИ. Около 90% от общего числа наименований иностранных СМИ распространяется на территории республики на русском языке, 5% – на английском, 5% – на других языках народов мира [3].

На поддержку этнических средств массовой информации и освещение межэтнических отношений с 2005 года финансирование увеличено более чем в 4 раза. Газеты и журналы в Казахстане выпускаются на 15 языках, радиопередачи выходят на восьми, телепередачи на 11 языках, государством выделяются средства на поддержку деятельности 19 этнических СМИ, а всего их – 33.

Общенациональный охват электронными СМИ осуществляют 11 телеканалов и пять радиостанций. На республиканском уровне вещают: телеканалы «Хабар» — 98,19% территории страны, «Казахстан» – 98,06%, «Ел-Арна» – 83,58%, «Первый канал Евразия» – 78,82%, Казахское радио – 93,2%. Функционирует спутниковый канал «Caspionet», вещающий на территории Центральной Азии, Среднего Востока, Европы и Северной Африки. В 2011 году «Caspionet» начал вещание в США, а его программы стали доступны и странам Центральной и Северной Америки. Сельские территории охвачены в большинстве вещанием государственных каналов: «Хабар», «Казахстан», «Ел-Арна».

Негосударственные республиканские телерадиокомпании, осуществляющие вещание на значительной территории республики за счет собственных средств: «КТК», «НТК», «31 канал», «СТВ», «Русское радио – Азия», «Европа плюс – Казахстан», «NS радио [3].

Крупнейшими сетями распространения иностранных СМИ на территории республики являются: АО «Казпочта», ТОО «Совместное предприятие «АиФ-Казахстан», АО «Евразия-пресс», АО «Алма-ТВ», ТОО «Секател», «Казцентр-ТВ», «Кателко+». Совокупный объем распространяемых этими структурами масс-медиа составляет 70% от общего объема.

Казахстан первым среди Центрально-Азиатских государств в СНГ начал вещание по прогрессивной технологии с использованием цифрового телевидения, мультимедийной спутниковой системы передачи телевизионного сигнала, созданием непосредственного телевидения [3].

Создание рынка информационных услуг, появление сетей различных операторов, коммуникационных фирм в Казахстане, новых теле-и радио каналов – факторы, которые влияют на перспективы современного медиа-развития в стране. Информационно-технологическая революция активизировала внедрение и развитие глобальных СМК, в республике быстро распространяется спутниковое, кабельное ТВ, мобильная телефония, растет количество Web-изданий, информационных мультимедиа-ресурсов, получает развитие волоконно-оптическая связь, платное видео. Социально-экономические изменения казахстанского общества определили направление развития новых информационных технологий, медиа развития в республике.

В последнее время активно создаются специализированные кабельные телевизионные службы, постепенно внедряется цифровое, интерактивное вещание, активно развивается интернет.

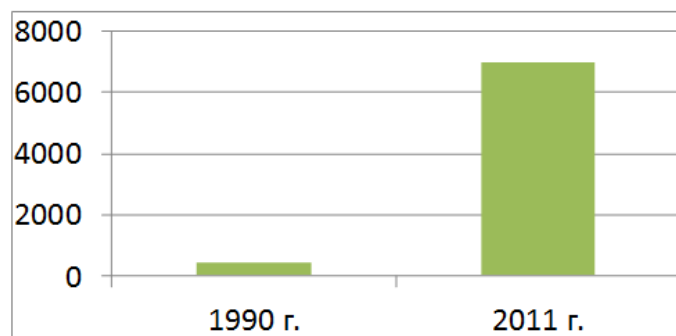

Диаграмма 3. Динамика развития СМК в Республике Казахстан

В Республике Саха (Якутия) в 1990 году не было республиканского канала, только в 1992 году создается Национальная вещательная компания «Саха», которая стала вещать по всей республике. Радиопрограмм в то время было восемь. А также издавалось около 100 газет и журналов.

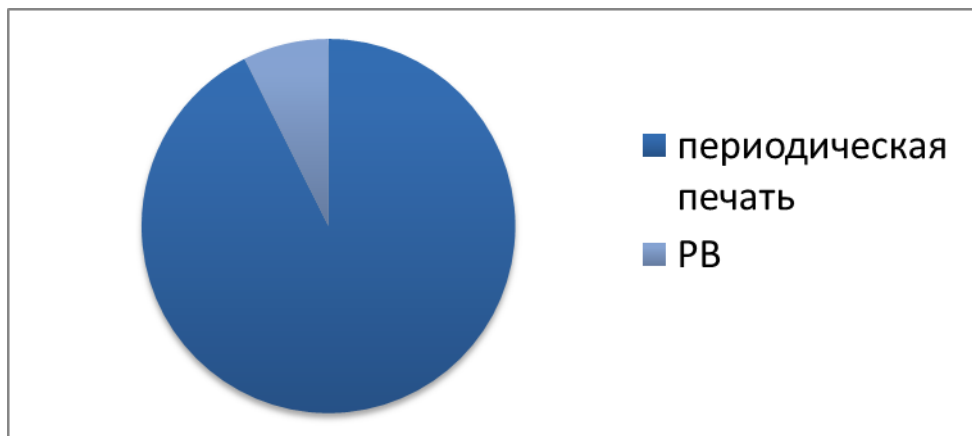

Диаграмма 4. СМК в Республике Саха (Якутия) в 1990 г.

На 1 января 2011 года в Республике Саха (Якутия) зарегистрировано 374 средства массовой информации (это на 27 СМИ больше, чем в 2010 году). Печатные средства массовой информации занимают лидирующие позиции в информационном пространстве. В 2011 году в Якутии было зарегистрировано газет – 168, журналов – 97, сборников – 3, альманахов – 2, бюллетеней – 3, телевизионных программ – 46, радиопрограмм – 51, информационных агентств – 4 [2].

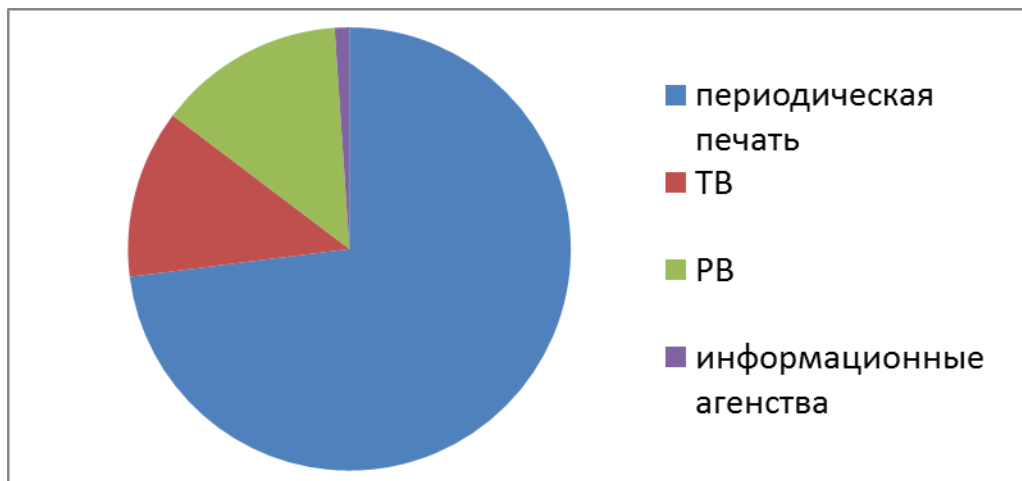

Диаграмма 5. СМК в Республике Саха (Якутия) в 2011 г.

Государственные издания представлены республиканскими правительственными газетами «Саха сирэ», «Якутия», парламентской газетой «Ил Тумэн» (на русском и якутском языках), социальными изданиями: «Кэскил», «Юность Севера», «Забота-Арчы», «Илкэн», журналами: «Чолбон», «Полярная звезда», «Чуоранчык», «Колокольчик», «ДалбарХотун» и 34 улусными (городскими) газетами. Общий среднеразовый тираж государственных общественно-политических и социально значимых газет и журналов достиг 96 тысяч экземпляров.

Негосударственный сектор периодики представляют рейтинговые еженедельники «Якутск вечерний», «Кыым», «Наше время», «Орто дойду», «Она+», «Молодежь Якутии», «Спорт Якутии», журналы «Журфикс», «Охота в Якутии», «Хатан», «Курулгэн», рекламно-информационные и специализированные СМИ с заявленным общим среднеразовым тиражом в 110 – 120 тысяч экземпляров.

Муниципальный сектор периодической печати наиболее серьезно представлен газетами городского округа «Город Якутск», «Эхо столицы» и «Киин куорат», некоторыми малоформатными изданиями районных муниципалитетов. Связано это с тем, что на муниципальном уровне нишу периодики заняли государственные районные газеты [2].

Таким образом, в республике представлен широкий спектр периодических изданий, охватывающий все социальные и возрастные группы, представляющий самые различные интересы и отвечающий на самые различные культурные, научные, информационные запросы населения.

Несмотря на то, что печатные издания с каждым годом испытывают все большую конкуренцию со стороны Интернет-СМИ, интерес населения к печатной периодике остается по-прежнему очень высоким. Динамика роста прослеживается и по тиражам периодических изданий. Почта России проводит подписку на 33 республиканских, городских газеты, на 25 республиканских журналов и на 34 улусных (районных) газеты.

Республиканские газеты на 1 января 2011 года набрали тираж в 88 тысяч 424 экземпляра, что составило

118 процентов к 2010 году. Лидирующие позиции здесь занимают «Кыым» – 25181 экземпляров, «Саха сирэ» с приложением «Эдэр саас» – 10814 экземпляров, «Спорт Якутии» – 9428 экземпляров. Более чем в три раза увеличился совокупный подписной тираж республиканских журналов, он составил на 1 января 2011 года 67 тысяч 240 экземпляров. Значительным остается и совокупный тираж улусных (городских) газет – 59 тысяч экземпляров [2].

Несмотря на негативное влияние кризиса, газетная и журнальная отрасли страны и республики в целом сохраняют способность противостоять нарастающей конкуренции со стороны других медиа и развиваться.

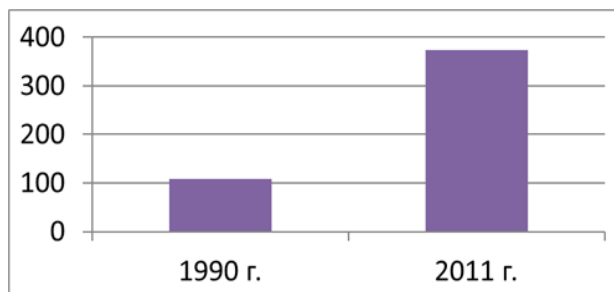

Диаграмма 6. Динамика развития СМК в Республике Саха (Якутия)

В ходе исследования была определена доля СМК на душу населения, чтобы прийти к конечному результату сравнения. Получившееся общее количество СМК разделили на общее количество жителей региона. Итак, население Казахстана в 2011 году составляло 16 миллионов 442 тысяч человек. Это число делим на 7000 действующих медиа, и получается 2,3 медийных источника на одного жителя Казахстана. В Республике Саха (Якутия) в 2011 году по итогам переписи населения количество проживающих составило 958 тысяч 258 человек. Итак, в Республике Саха (Якутия) на долю одного человека получается 2,5 медийных источника, что составляет чуть больше показателя Казахстана.

Таким образом, система средств массовой коммуникации РС (Я) представлена в полном объеме, информационный рынок республики не испытывает нехватки средств информирования населения, все информационные ниши заняты. По такому показателю, как доля источников информации на душу населения, Якутия демонстрирует отличный показатель, превосходящий показатели Республики Казахстан. Однако, несмотря на стремительное развитие СМК в РС (Я) за последние десять лет, качество информирования населения республики является предметом дальнейшего исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Онербаева, К. Нация создателей / К. Онербаева // Экспресс-Казахстан. – 2011, 2 июля. – С. 5.
2. О государственной программе Республики Саха (Якутия) «Развитие региональных печатных и электронных средств массовой информации на 2012 – 2019 годы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/473509467>
3. Современное медиа развитие в Казахстане [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://research-journal.org/hist/sovremennoe-media-razvitie-v-kazaxst>.

Материал поступил в редакцию 20.04.16.

MEDIA INDUSTRY OF ASIAN COUNTRIES

Yu.I. Osipova, Candidate for a Master's Degree of Journalism Department, Faculty of Philology
M.K. Ammosov North-Eastern Federal University (Yakutsk), Russia

Abstract. In this article the level of communication media development in the Republic of Sakha (Yakutia) and the Republic of Kazakhstan in the age of globalization is determined. Due to globalization it appears to be of special relevance not only to keep it at the present level, but also to define development prospects of the national system of communication media. The information processes are of global nature, but they carry national specific features of the state where they occur. This research gives a general idea of media development in the Republic of Kazakhstan and the Republic of Sakha (Yakutia), as well as modern trends in mass communication.

Keywords: mass media, mass communication, news agencies, publications, media source.

УДК 070: 347.121.1 (470)

НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 152 ГК РФ В РОССИЙСКИХ СМИ

Г.Е. Попова, магистрант отделения журналистики филологического факультета
Северо-Восточный федеральный университет им.М.К. Аммосова (СВФУ) (Якутск), Россия

Аннотация. Данная научная статья посвящена определению судебной активности по статье 152 ГК РФ в регионах РФ (нарушения статьи в СМИ). Для анализа взяты материалы, опубликованные в российских СМИ, которые задевают честь, достоинство и деловую репутацию граждан и юридических лиц. Судебные иски по отношению к СМИ были взяты с сайта «База данных Российской судебной практики по информационному праву» по адресу media-pravo.info. В качестве примеров для данной статьи было выбрано по одному материалу с трех лидирующих по судебной активности регионов. После проведения анализа сделаны выводы по поводу нарушения журналистами статьи 152 ГК РФ.

Ключевые слова: статья 152 ГК РФ, честь, достоинство, деловая репутация, СМИ, судебная активность, саморегулирование.

Целью исследования является выявление нарушений в российских СМИ по ст. 152 ГК РФ в регионах РФ.

СМИ до недавнего времени считались четвертой ветвью власти, но времена изменились. Часто мы сталкиваемся с материалами, которые содержат недостоверные факты. Нередки случаи, когда авторы нарушают права человека, являющегося объектом внимания журналиста.

Гражданин любого государства имеет определенные права. Например, в Конституции РФ статья 21 пункт 1 гласит, что «достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления»; в статье 23 пункт 1 указано, что «каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени» [6]. В ГК РФ мы найдем статью 152 о «Защите чести, достоинства и деловой репутации» [9]. Также необходимо упомянуть УК РФ, где есть статья 128.1 «Клевета» [8]. Аналогичные правовые документы, такие как: Хартия Европейского союза об основных правах, глава 1 «Достоинство», статья 1 «Человеческое достоинство» [10]; Всеобщая декларация прав человека, статья 12 [2]; Международный пакт о гражданских и политических правах, статья 17 [7]; Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, статья 10 [5] – гарантируют защиту чести и доброго имени каждому человеку.

В научной работе в качестве основы для проведения анализа материалов была выбрана статья 152 Гражданского кодекса РФ [9]. В качестве источника материалов для проведения анализа научного исследования выбран сайт «База данных Российской судебной практики по информационному праву» по адресу <http://media-pravo.info>. Он представляет собой единственный в России и странах СНГ ресурс в области практического применения информационного права, позволяющий ознакомиться с судебной практикой по широкому спектру категорий дел от вмешательства в частную жизнь до защиты чести, достоинства и деловой репутации и т. д.

Ознакомившись с сайтом, в разделе «Судебная практика», в подразделе «Защита чести, достоинства и деловой репутации» мы нашли 1090 исков [1]. Лидирующими регионами по заявлениям о нарушении статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации (Защита чести, достоинства и деловой репутации) являются:

1. Воронежская область – 118;
2. Липецкая область – 103;
3. Москва – 92.

В качестве примеров проанализированы по одному иску из рассмотренных в судах данных областей и города Москвы.

В Воронежской области мать погибшего на службе солдата подает иск на редакции газет «Аргументы и факты» (материал «Умер от ранения в сердце») и «Комсомольская правда в Воронеже» (материал «Белгородец застрелился после сдачи караула»). По ее мнению, опубликованные материалы о факте гибели сына недостоверны и порочат его честь. Например, сведения, указанные в высказываниях: «за два дня до самоубийства», «свел счеты с жизнью».

11 мая 2007 года суд вынес решение, которым отказал истце в удовлетворении ее требований. А требования были такие: опровергнуть спорные сведения, принести ей извинения, а также взыскать солидарно с ответчиков 1000000 рублей.

Истце было отказано несмотря на то, что, по заключению судебно-медицинской экспертизы, с молодым человеком действительно произошел несчастный случай. И, если вчитаться в комментарий к статье 150 ГК РФ «Нематериальные блага» [4], то по требованию заинтересованных лиц допускается защита чести и достоинства гражданина и после его смерти. К заинтересованным лицам можно отнести пережившего супруга и близких родственников.

28 января 2004 года в Липецкой области в газете «Жизнь Липецка» была опубликована статья «Мальчик выбросился с 5 этажа», в которой рассказывалось о трагических событиях в семье В., а именно, о том, что

двенадцатилетний К. выбросился из окна, «устав от скандалов отца-алкоголика». Фамилии героев публикации не были изменены, назывался адрес проживания семьи, статья сопровождалась семейными фотографиями. Отец и мать двенадцатилетнего К. подали иск о защите чести, достоинства и компенсации морального вреда. Они требовали опровержения следующих сведений: «Устав от скандалов отца-алкоголика, 12-летний Костя Власов решил уйти из жизни»; «его детская психика не выдержала постоянных скандалов». Истцы также требовали признать нарушение права на неприкосновенность частной жизни.

29 ноября 2004 года Правобережный суд г. Липецка удовлетворил иски только частично. В данном случае требования истцов о нарушении их права на неприкосновенность частной жизни суд нашел обоснованными. Суд посчитал, что только опубликование фотографий, сообщение адреса и информация об алкоголизме отца мальчика нарушает право на неприкосновенность частной жизни истцов. Однако относительно содержания публикации, опровержения информации нет. На самом деле, какую роль играет компенсация в размере общей суммы 15000 рублей, когда отца обвиняют в доведении до самоубийства собственного сына? И каким образом эти высказывания могут быть «оценочными суждениями автора» (а именно это и было объяснением в мотивировке суда)?

В г. Москве в газете «Московский комсомолец» 1 августа 2005 года была опубликована статья под заголовком «Не хочу учиться, а хочу плодиться». В данной статье автор информирует читателей о жизни цыганской семьи в поселке Волгоградской области, в том числе рассказывает о 11-летней роженице данной семьи. А.В. Суховская обратилась в суд с иском к редакции газеты «Московский комсомолец», указывая, что статья содержит выражения в некорректной, оскорбительной и пренебрежительной форме по отношению к людям цыганской национальности, к обычаям и укладу жизни этого народа. В частности, истец оспаривала следующие сведения: «Слава Богу, мы не часто с ними сталкиваемся. Цыганские таборы, таджикские гастарбайтеры: Маргиналы. У них свои законы. Они обитают где-то в придонном слое – ближе к животным, чем к людям, – и беспорядочно совокупаются там, как зверьки, не знающие ничего, кроме запаха течи. И пусть совокупаются, пусть рожают хоть в первом классе, это их личное дело. Да, но если они захотят совокупаться с нашими одиннадцатилетними дочками? А потом будут на них жениться? Вот где ужас-то. Наверно, только в этом случае всем, наконец, станет ясно, что мерзость – это именно мерзость. А вовсе не «высокие отношения» неразумного ребенка и двадцатилетнего коня с яйцами...», «...Цыгане – и есть цыгане. Курят, пьют, рожают рано...», «... все это – мерзость. Мерзость, вызывающая желание пойти помыть руки и забыть всех этих недочеловеков, как страшный сон. Вместе с их бабушками, подкладывающими внукам всем подряд, их нищетой, убожеством и уродством...».

7 августа 2006 года суд вынес решение, которым отказал истице в удовлетворении ее исковых требований. В мотивировке суда говорится о том, что данный иск не может быть удовлетворен, потому что этот материал не касается истицы напрямую – хотя истица Суховская является представителем цыганского народа и занимается правозащитной и просветительской работой среди цыган.

В данном случае наглядно видно нарушение не только статьи 152 ГК РФ [9], но и статьи 128.1 УК РФ [8]. Также случай можно отнести к «... унижению достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии...» по статье 282 УК РФ [3].

Таким образом, проанализировав данные материалы, можно сделать следующие выводы:

1. Журналисты грубо нарушают статью 152 ГК РФ, прикрываясь «ФЗ о СМИ».
2. Многие редакции и авторы статей остаются безнаказанными.
3. Действия сотрудников подобных редакций снижают уровень доверия аудитории к журналистам.
4. Современной журналистике необходим реально действующий механизм саморегулирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. База данных Российской судебной практики по информационному праву [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://media-pravo.info/case/search/CategoryId/37>.
2. Всеобщая декларация прав человека. – Консультант Плюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/3d0cac60971a511280cbb229d9b6329c07731f7.
3. Глава 29. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства. – Законы и кодексы РФ, уголовный кодекс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.uk-rf.com/glava29.html>.
4. Гражданский кодекс РФ, статья 150 «Нематериальные блага», комментарий к статье – Режим доступа: <http://www.ville.ru/laws/gk/lawgk150.html>
5. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.echr.ru/documents/doc/2440800/2440800-002.htm>.
6. Конституция РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-4.htm>.
7. Международный Пакт от 16.12.1966 «О гражданских и политических правах» – Консультант Плюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5531.
8. Статья 128.1. Клевета. – Законы и кодексы РФ, уголовный кодекс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gk-rf.ru/uk/statia128_1.
9. Статья 152. Защита чести, достоинства и деловой репутации. – Законы и кодексы РФ, гражданский кодекс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gk-rf.ru/statia152>.
10. Хартия Европейского Союза об основных правах. – Право Европейского Союза [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://eulaw.ru/treaties/charter>.

Материал поступил в редакцию 21.04.16.

**VIOLATION OF THE ARTICLE 152 OF THE CIVIL CODE
OF THE RUSSIAN FEDERATION IN RUSSIAN MASS MEDIA**

G.E. Popova, Candidate for a Master's Degree of Journalism Department, Faculty of Philology
M.K. Ammosov North-Eastern Federal University (Yakutsk), Russia

***Abstract.** The present scientific article is dedicated to the evaluation of judicial activity regarding the article 152 of the Russian Civil Code in the regions of the RF (violations of the article in mass media). The analysis involves materials published in Russian media that denigrate honour, dignity and business reputation of persons and legal entities. The lawsuits brought against mass media are taken from the website "Information-law database of Russian practice cases": media-pravo.info. As examples for this article the materials from top regions in terms of judicial activity were selected, one from each region. After the analysis the conclusions were made regarding the violations of the article 152 of the Russian Civil Code by journalists.*

***Keywords:** Article 152 of the Civil Code of the Russian Federation, honour, dignity, business reputation, mass media, judicial activity, self-regulation.*

УДК 070:655.3.026.13 (571.56)

КОНТЕНТ ГЛЯНЦЕВЫХ ИЗДАНИЙ РС (Я)

А.И. Степанова¹, Л.Н. Павлова²¹ магистрант, ² научный руководитель

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова (СВФУ) (Якутск), Россия

Аннотация. В статье была определена категориальная принадлежность понятия «глянцевый журнал». Рассматривается содержание понятия «глянцевый журнал», особенности глянцевых журналов и их отличие от других периодических изданий. Дана характеристика наиболее популярных журналов Якутии. Однозначно, что якутский глянец большей степенью является аналогом зарубежных и российских журналов, но всё же ему удалось приобрести черты национального колорита и уже сегодня якутские издания сильно отличаются от самого первоисточника.

Ключевые слова: глянец, глянец журнал, аудитория глянцевых журналов, гламур, мода.

21 век наполнен большим разнообразием печатной продукции. Данная работа посвящена именно развлекательным изданиям, а точнее глянцевым журналам, ведь они наиболее пропагандирующие и навязывающие аудитории определенный образ жизни. Глянцевые журналы отличает красочность, простота изложения информации, большое количество рекламных материалов. Нельзя не обратить внимание на то, что глянец журнал явился своеобразным противовесом огромному потоку негативной информации. Современный человек подвергается прессингу негативных новостей с утра и до позднего вечера, а глянец журнал обладает большой отвлекающей силой, уведит человека от серьезных социальных проблем. Для женщины глянец журнал – это портал в волшебный мир, наделенный яркими красками, красивыми вещами и роскошной жизнью, которую она себе желает. Именно для женщин этот журнал и существует для того, чтобы женщина расслабилась. Он создан, чтобы удовлетворять информационные потребности и желания.

Глянец избегает серьезных тем, он отвлекает читателя от насущных проблем. Это наиболее важная, положительная функция, которая помогает получить эмоциональную разрядку.

Иллюстрация в глянцевом журнале играет особую роль. Глянцевый журнал естественным образом, чисто визуально, преподносит потребителю общепризнанную версию моды, мир и взаимоотношения в нем, т.е. подсказывает, что от вас ждут окружающие в той или иной ситуации и какие должны быть ваши действия. Тем не менее, иллюстрации, даже в глянцевых журналах, почти всегда требуют поддержки текста: слова усиливают повествовательную способность иллюстрации.

В Якутии глянцевых журналов насчитывается более 50. Классифицируя все издания, можно прийти к выводу, что в Якутии есть все виды глянцевых журналов. Разумеется, часто очень непросто определить тип многих современных изданий. Конечно же, сохранились традиционные и привычные типы журналов: научные, научно-публицистические, научно-популярные, художественно-литературные и другие. Однако у широкой аудитории наибольшей популярностью пользуются издания, которые можно классифицировать по гендерному типу: мужские и женские, молодежные, для детей и их родителей, для самых маленьких и т.д.

Первым глянцевым журналом в Республике Саха является «Далбар Хотун», женский журнал, направленный на аудиторию среднего возраста.

Лидерами среди множества глянцевых журналов в Якутии являются «Журфикс» [<http://jurfix.ykt.ru/>], «Байанай» [<http://bayanay.info/>], «Звезды Туймаады» [<http://zt888.ru/>], «Куо», «Далбар Хотун», «Уйэ» и т.д. (диаграмма 1.), каждый из которых имеет собственную постоянную аудиторию читателей, соответствующую их «специализации». Спектр тем, затрагиваемых каждым из перечисленных изданий, в целом совпадает.

Практически все редакции перечисленных журналов выпускают цифровую версию, что несомненно повышает уровень издания и привлекает более широкую аудиторию.

Диаграмма 1.

Классификация глянцевого журнала осуществляется путем анализа их содержательной направленности. Многие глянцевые журналы ограничены гендерными рамками, т.е. адресованы аудитории определенного пола. В связи с этим представляется любопытным рассмотреть особенности содержания женских и мужских глянцевых изданий [6].

Основные сюжеты женского журнала касаются ухода за собой, ухода за домом, устройства семьи, путешествий, карьеры и формирования определенного образа жизни, характеризующегося подчиненностью временным циклам (неделя делится на будни и уикенды, в году есть еще праздники и время отпуска) [2].

Таким образом, анализируя содержательную сторону глянцевых журналов, можно безошибочно представить образ, к которому должна стремиться, по мнению авторов статей, современная женщина.

Еще одна характерная особенность женского глянца – псевдодраматизация жизни. Этот эффект возникает вследствие появления на журнальных страницах многочисленных «женских историй» в рубриках под названием «Крик души», «Признание» и т.п. Сложность жизни доказывается посредством опыта чужой жизни (интервью со звездами, вымышленные жизненные истории, письма в редакцию). Жанры душевного доверительного интервью и «исповеди», формирующие спектр женских эмоций и поведенческих реакций, по мнению автора, провоцируют возникновение у читательниц журнала навязчивой привычки.

Традиционное информационно-развлекательное содержание характерно почти для всех женских журналов: «Elle», «Marie Claire», «Glamour», «Cosmopolitan» и других.

Впрочем, так дело обстоит не везде. Во Франции или Испании глянец зачастую гораздо серьезнее. Отдельные номера испанского Cosmopolitan, наполовину посвящены проблеме насилия в семье. Женские французские журналы, не только Cosmopolitan, но и Elle, и Marie Claire, систематически публикуют статьи о бедных или воюющих регионах планеты (в том числе о конфликте в Чечне), призывают к благотворительности или общественной мобилизации. Впрочем, и здесь номера изобилуют теми же психологическими статьями, тестами, гороскопами, заметками о моде и путешествиях [5].

Содержание мужских глянцевых журналов («Playboy», «Андрей», «Товарищ», «Баловень судьбы», «Она» и др.), как правило, противоположно содержанию изданий, ориентированных на женщин: советы по общению с противоположным полом, информация об автомобилях и т.д. Все остальные материалы предназначены для создания «правильных» предпочтений и вкусов у читателей журнала, которые чаще всего направлены на те же самые продукты, которые рекламирует издание [3].

Глянцевый журнал естественным образом, чисто визуально, подсказывает, чего от вас ждут окружающие в более или менее типичной ситуации и каковыми должны быть ваши действия. Тем не менее иллюстрации, даже в глянцевых журналах, почти всегда требуют поддержки текста: слова усиливают повествовательную способность иллюстраций.

При этом возникает впечатление, что создатели некоторых глянцевых журналов более всего боятся утомить внимание читателя избытком информации по какой-либо теме. Поэтому материалы одной и той же рубрики оказываются разбросанными по разным страницам издания.

Реклама является важным элементом глянцевого журнала. Глянцевые издания выступают очень эффективными рекламоносителями в связи с рядом факторов: своей практичностью (можно брать с собой повсюду), длительностью чтения и хранения, возможно, большим количеством читателей на один экземпляр журнала, четко определенной целевой аудиторией каждого издания [4].

Нами подобраны более популярные журналы, давайте их рассмотрим.

«Далбар Хотун» (переводится как «хранительница очага») – самый популярный женский журнал в настоящее время в Якутии. Первый номер вышел в марте 1994 года. Печатается тиражом 7500 экземпляров, из которых пять тысяч распространяется по подписке во всех районах республики. Периодичность составляет четыре раза в полугодие. Журнал издается на якутском языке. Контент соответствует типу издания: портретные очерки об известных, выдающихся женщинах, исторические очерки о событиях, в которых особую роль сыграли якутянки, материалы о сельском хозяйстве, частном подворье, советы по ведению хозяйства и тому подобные темы. Необходимо отметить, что редакция журнала ежегодно проводит конкурс «Далбар Хотун». Это не конкурс красоты, в нем соревнуются состоявшиеся женщины, успешные, яркие, талантливые, подающие пример молодежи.

Журнал «Звезды Туймаады» – это красочное издание, оригинальное по концепции. Тематически издание можно охарактеризовать, как журнал о якутской эстраде. Это своеобразный метод формирования сферы шоу-бизнеса в республике. Культивирование данной сферы как результата деятельности целой индустрии представляется весьма интересным. Журнал «Звезды Туймаады» – это «глянцевые» истории об известных людях и судьбах ярких личностей. Издание отличается высоким качеством дизайна, обилие уникальных и оригинальных фотографий. Особое место в журнале занимают эксклюзивные фотографии, которые определяют фирменный стиль журнала. Журнал за короткое время завоевал популярность среди широкой читательской аудитории. Контент ограничен узостью сферы формирующегося шоу-бизнеса.

Журнал «Байанай» – издание для охотников, рыболовов и любителей дикой природы. Данный журнал был отнесен к числу глянцевых изданий в связи с тем, что в издании делается акцент на красочность исполнения и на создание особого образа, стиля жизни. Охота в Якутии – это настоящее искусство, своего рода бренд. Тираж составляет 8000 экземпляров, периодичность – один раз в два месяца. Журнал, на страницах которого

размещены сведения не только для рыбаков и охотников, но и любителей активного отдыха. Отметим хорошую систематизацию материалов журнала, логичность рубрикации.

«Журфикс» – журнал для семейного чтения. Тираж – 4950 экземпляров, первый выпуск увидел свет весной 2005 года. За короткое время издание сумело завоевать уважение среди читателей и сегодня считается самым популярным глянцевым изданием среди якутян, в том числе проживающих за рубежом. Среди героев журнала – видные политики, бизнесмены, спортсмены, деятели науки, культуры и искусства. С редакцией «Журфикса» сотрудничают лучшие в республике специалисты – журналисты, фотографы, стилисты, художники, дизайнеры. Тематически журнал разнообразен, пожалуй, из всех перечисленных изданий «Журфикс» представляет самый широкий контент, охватывающий все сферы жизни современных якутян.

Журнал «Хатан» издается на якутском языке и направлен на молодежную аудиторию. Контент составляют исторические и культурологические материалы о традициях народов, проживающих на территории республики, интервью со знаменитыми сверстниками, комиксы по мотивам якутских легенд, качественные постеры. Также в 2010 году «Хатан» стал лауреатом премии Национальной тиражной службы «Тираж – рекорд года 2012» в номинации «Детское и юношеское издание на национальном языке» со среднегодовым тиражом 15 765 экземпляров [7].

Самые высокие тиражи за последний год (диаграмма 2).

- «Уйэ» — 15 029 экземпляров.
- «Уйэлээх тутуу» — 14 249 экземпляров.
- «Байанай» — 8000 экземпляров.

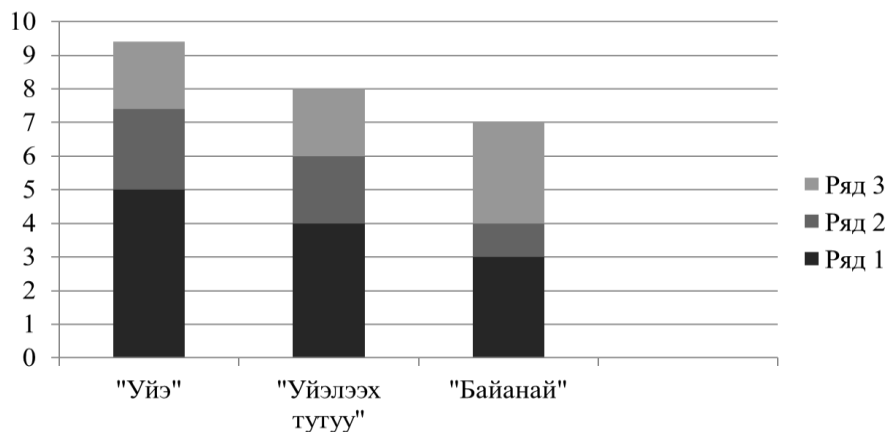

Диаграмма 2. Тиражи за последний год

В ходе исследования были определены: самый продаваемый журнал – «Журфикс»; самый дорогой журнал – «Байанай» (цена одного экземпляра в розницу составила 199 рублей).

Подводя итог, можно сделать следующий вывод. На вопрос, осуществляют ли глянцевые журналы влияние на жизненные установки, ответить можно так: влияние действительно есть, но не стоит его абсолютизировать, то есть делать безусловным. На каждого отдельного читателя один и тот же журнал может влиять по-разному. На кого-то положительно, а на кого-то отрицательно. Это зависит от конкретных особенностей личности. Верный способ противостоять негативному влиянию глянца – читатель должен понимать, что, держа в руках журнал, он имеет дело, прежде всего с чьей-то рекламной продукцией, в какую бы оболочку она не была при этом упакована, какими бы полезными материалами не сопровождалась. Очень важно, чтобы в жизни было то, что можно противопоставить глянцевой продукции, то есть какие-то личные увлечения, занятия, стремления, цели. Например, полноценное общение, интеллектуальная деятельность, различные хобби. И тогда глянец займёт то место в жизни, которого, по сути, и достоин. То есть станет просто глянцевым журналом, который можно пролистать, взять полезную информацию, если такая будет в наличии, и отложить.

Таким образом, в журналах Якутии контент определяется национальным колоритом, в отличие от зарубежных и российских аналогов. Например, в журнале «Байанай» освещаются особенности настоящей якутской охоты, а в женских журналах можно увидеть рецепты аутентичной якутской кухни, подлинники выкроек национальных костюмов. Также многие журналы выходят на якутском языке, т.е. пропагандируют родной язык. В целом, структура и содержание журналов соответствует всем современным требованиям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белякова, Е.П. Новая культура России – глянец / Е.П. Белякова.
2. Ванштейн, О. Улыбка чеширского кота: взгляд на российскую модницу / О. Ванштейн // Женщина и визуальные знаки. – М, 2000.
3. Веселов, С. Формирование рынка рекламы в России / С. Веселов // Маркетинг. – М., 2004. – №1.
4. Ильин, В.И. Поведение потребителей. Учебное пособие / В.И. Ильин. – Сыктывкар, 1998.
5. Массовая культура и массовое искусство: «за» и «против». – М., 2003.
6. Фрумкина, Р. Ода глянцевым журналам / Р. Фрумкина // Русский журнал. – 2000. – 14 марта.
7. <http://pressaudit.ru/vrucheny-premii-tirazh-rekord-goda-2012/>

Материал поступил в редакцию 04.05.16.

GLOSSY MAGAZINES' CONTENT OF THE SAKHA (YAKUTIA) REPUBLIC

A.I. Stepanova¹, L.N. Pavlova²

¹ Candidate for a Master's Degree, ² Academic Advisor
North-Eastern Federal University (NEFU) (Yakutsk), Russia

***Abstract.** In this article category pertain of the concept “glossy magazine” was determined. Content of the concept “glossy magazine”, features of glossy magazines and their difference from other periodicals is considered. The characteristic of the most popular magazines of Yakutia is given. It is definitely that the Yakut glossy periodicals are analog of foreign and Russian magazines, but nevertheless they have lines of national color and already today the Yakut editions strongly differ from the primary source.*

***Keywords:** glossy magazine, audience of glossy magazines, glamour, fashion.*

УДК 654.197

ДОСТОВЕРНОСТЬ ИНФОРМАЦИИ В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ ТЕЛЕВИЗИОННЫХ ПРОГРАММАХ

М.П. Яковлева, магистрант отделения журналистики, филологический факультет
Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова (Якутск), Россия

***Аннотация.** В данной статье рассматривается проблема передачи достоверной информации в научно-популярных телевизионных программах на примере материалов о Республике Саха (Якутия). Рассмотрена проблема обработки научных фактов и их адекватное представление в средствах массовой информации. Журналист становится популяризатором науки, призван доводить до широкой аудитории научные факты в доступной форме. Проанализированы различные типы передач о Якутии, где в фактологических данных журналистами были допущены недочеты или ошибки. Предложены варианты достоверных источников информации.*

***Ключевые слова:** достоверность информации, географические данные, научно-популярные программы, популяризация науки, ведущий программы, тележурналистика.*

Неудивительно, что существует очень много небылиц, стереотипов о нашей республике. При информировании аудитории журналисты российских и зарубежных СМИ допускают досадные недочеты, ошибки, что приводит к неточному, неправильному пониманию передаваемой информации.

Профессиональная позиция журналиста, создающего научно-популярные материалы – в понимании и умении правильно отбирать и адаптировать научные знания для широкой аудитории, то есть, журналист обязан уметь работать со специализированным академическим материалом, отличая его от «лженаучного», «народного», и подавать информацию в понятной и доступной форме.

По мнению Г.В. Кузнецова, «Жанр “телевизионное путешествие” рождает по отношению к себе различные споры и дискуссии. Так, одни предполагают, что это самостоятельный обособленный жанр, ссылаясь на то, что в западной журналистике существует синонимическое понятие “трэвел-журналистика” – передача зрителю информации в отношении географии, культуры, традиций места путешествия. Это явление носит обобщающий характер разных жанров журналистики – репортаж, интервью, обозрение, трансформирующие в различные формы» [3, с. 85].

В научно-популярных материалах акцент смещается в сторону информирования. Цель проекта – оповещать, разъяснить что-либо зрителю. В программе упоминаются географические, многозначительные данные, применяется архивная фото- и видеосъемка. Непосредственными участниками событий становятся местные жители, специалисты, известные лица, которые помогают донести до аудитории основную идею программы. И такие передачи на сегодняшний момент являются одними из самых просматриваемых.

Ведущий научно-популярных программ с определенной регулярностью совместно со зрителем путешествует по различным городам и странам. Именно с его слов складывается первое впечатление о ранее неизвестном крае. Во всем этом немаловажную роль играет достоверность передаваемой информации, креативность в подаче, артистические данные журналиста.

Основная деятельность ведущего, создающего научно-популярные программы, включает следующие аспекты:

Во-первых, журналисты создают публичный образ науки, дают характеристику отдельным исследованиям и участвуют в формировании актуальной повестки дня. Они открывают и конструируют тематические запросы от аудитории к академическому сообществу.

Во-вторых, журналисты входят в сферу производства и оценки качества научного знания, что обычно является прерогативой экспертов в той или иной области. Получается, что журналисты неумело описывают, показывают проблемы, связанные с неопределенностью их профессиональной роли в этой среде. К примеру, мы можем наблюдать, что ученые, которые выполняют роль журналиста в своих материалах все еще остаются в академической сфере, т. е. предоставляют не обработанную для широкой аудитории информацию.

В-третьих, основной деятельностью журналистов является изменение научного дискурса, его адаптация к восприятию непрофессиональной аудиторией. Главной проблемой становится правильное интерпретирование научного знания для точного восприятия широкой аудиторией. Тут важно вспомнить слова Владимира Познера: «Нет понятия того, что ты не можешь, не проверив факты 30 раз, о них говорить. Это неправильно. Это в какой-то степени обман публики» [5].

По мнению авторов книги «Интернет – журналистика» А.А. Калмыкова, Л.А. Кохановой, информацию можно разделить на шесть условных видов:

1. фактографическая (фиксация изменений объектов реального мира, их географического и временного положения, структуры их взаимодействия и пр.);

2. комментарий (характеристика фактов, позиционирование путем прямых или косвенных оценок);
3. аналитическая (сопоставление нескольких фактов с восстановлением причинно-следственных связей и возможным прогнозом последствий);
4. справочная (статичное описание объектов реального мира в их исходной форме, а также наборы характеристик, позволяющих идентифицировать данный объект, и базовые представления о взаимосвязи между объектами);
5. иллюстративная информация;
6. методическая информация (описание путей изготовления информационного продукта, законов его создания и существования, а также отдельных элементов процесса) [2].

Рассмотрим примеры неточной передачи информации о Республике Саха (Якутия).

Пример № 1. «Водная карта» – цикл передач о водных ресурсах нашей страны. Ведущая телеканала «Россия 24» Вера Серебровская, путешественник Андрей Войнов и химик Михаил Маслов отправились в экспедицию. Они проехали всю страну и исследовали водные источники, попутно составили карту воды.

В программе от 14 ноября 2012 г. голос за кадром утверждает, что: *«Наши герои проехали более 10.000 км. Проверили воду в Волгограде, Астрахани, Воронеже, Костроме, Тамбове, Липецке, Туле, Ярославле, Благовещенске. На очереди Республика Якутия»*. По официальным данным: 27 декабря 1991 года Верховным Советом Якутской–Саха ССР XII созыва принято постановление № 767-XII «О переименовании Якутской–Саха ССР в Республику Саха (Якутия)». Здесь важно упомянуть Федеральный Закон «О наименованиях географических данных» и Конституцию нашей республики.

Федеральный закон от 18 декабря 1997 г.: Статья 11. Ответственность за нарушение законодательства Российской Федерации о наименованиях географических объектов:

1. Наименования географических объектов как составная часть исторического и культурного наследия народов Российской Федерации охраняются государством. Произвольная замена одних наименований географических объектов другими, употребление искаженных наименований географических объектов не допускаются.

2. Нарушение требований настоящего Федерального закона влечет за собой административную или иную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации [7].

Конституция Республики Саха (Якутия):

Принята Верховным Советом Республики Саха (Якутия) 4 апреля 1992 г. Глава 1. Основы конституционного строя. Статья 1: 4. Наименования Республика Саха (Якутия) и Республика Саха равнозначны [8].

Одновременно в кадре появляется карта России с выделением нашей республики, но информирующая надпись – «Республика Якутия» – не соответствует официальному названию субъекта РФ. Тут мы можем увидеть определенную ошибку с точки зрения информирования зрителей. Неправильное использование географического названия вводит в заблуждение и ставит под вопрос подлинность источников информации этой программы.

Пример № 2. «Русское географическое общество» и «Моя планета» представляют уникальный 4-серийный документальный проект «Моя планета. Восточная Россия». Зрители получают возможность увидеть самые отдаленные, труднодоступные и красивые уголки нашей страны. Ведущая программы Анастасия Черновина заявляет: *«Отыскать на карте Лену не сложно. 10-ая в мире по длине река протекает от истоков в Байкальском хребте до Северного Ледовитого океана»; «Лена несет к океану ил, песок и мелкую гальку. Все это, оседая на дне моря Лаптевых, образует обширную дельту площадью в 32.000 км². По размерам она уступает только дельте реки Миссисипи в США»*. По мнению специалистов, существует множество факторов, по которым вычисляют длину реки, поэтому сделать это точно довольно сложно. По их словам, очень трудно сказать наверняка, откуда именно начинается река, особенно если исток формируется эфемерными потоками, притоками, болотами. В данном случае, уместно было бы сказать, что: «Лена является одной из самых длинных рек в мире». И это было бы более достоверно, корректно. А указанные данные о дельте реки могут иметь неточные цифры, так как они колеблются в значительных пределах: от нескольких до сотен метров в год и более. Поэтому утверждать, что дельта реки Лены уступает Миссисипи, неточно.

Пример № 3. Том Харди и бывший пилот Формулы 1 Мика Сало – два искателя острых ощущений – отправились в путь по самой зимней дороге. Программу показали по «Discovery channel» 14 марта 2012 года. Лента о приключениях популярного актера и гонщика получила название «Путешествие в экстрим» (DRIVEN TO EXTREMES), в 4-х частях.

В начале программы голос за кадром: *«В черте города караван доходит до 35-километрового переезда через реку Лену. Это 10-я по ширине река в мире...»*. В данном случае неточной является информация о ширине реки: все данные зависят от водного режима (половодье, межень, ледоход, паводок). По словам специалистов, результаты многих исследований длины, ширины мировых рек – это только приблизительные данные. К концу передачи: *«Итак, после 5 дней в пути осталось только 2 часа езды до Оймякона, чемпиона Сибири по самой низкой температуре – 71,2 °С»*. Обратимся к научной статье Р.Н. Ивановой «Рекордно низкие температуры воздуха в Евразии» [1]. В статье указывается, что «по непосредственному отсчету спиртового термометра минимальная температура воздуха в 1892 г. в Верхоянском улусе официально составила –67,8 °С, а в Оймяконе было зафиксировано в 1933 г. –67,7 °С».

Нами была проанализирована летопись абсолютных минимумов температуры воздуха метеостанций Якутии с 1878 по 1985 гг. Материалы анализа показывают, что в разные годы «полюсами холода» становились: г. Верхоянск – более 40 раз (в основном с 1883 по 1928 гг.), пос. Оймякон – 34 раза, Якутск – 10 раз. Таким образом, абсолютно низкие температуры воздуха в Якутии могут быть зафиксированы в отдельные годы в разных пунктах, расположенных в различных широтах [1, с. 14].

Как видно из первых трех примеров, журналисты допустили явные недочеты, ошибки. Это можно объяснить использованием недостоверных источников информации. Авторы научно-популярных передач должны ориентироваться только на доказанные, документированные данные. А доступ к ним не всегда является открытым, что, конечно, играет не в пользу журналиста. Но в таком случае, глобальная сеть интернет становится основным орудием в построении программы.

По итогам анализа можно сделать вывод, что достоверность материала в научно-популярных программах зависит, в основном, от компетентности выбранных источников информации. Именно поэтому журналист должен работать с первоисточниками. Например, материалы о медицине всегда должны готовиться и планироваться с участием врачей, медиков, а передачи об истории – с научными работниками данной отрасли.

Во время подготовки передачи научно-популярного характера стоит особое внимание уделять именно тому, где собирать информацию для использования. Например, данные о географических названиях, населении, площади региона, страны можно узнать через государственные сайты. Как правило, там указаны официальные цифры, что значительно облегчает работу журналистов. В поисках точных географических данных лучше обращаться к специалистам в этой области, чтобы достоверно преподнести аудитории правильную информацию.

Умение находить, читать, сравнивать, анализировать – фундамент деятельности каждого журналиста. При этом надо пользоваться не только изложением материала, но и убедиться, что методология исследования обширна, выборка информации точна, а выводы работы исходят из результатов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иванова, Р. Н. Рекордно низкие температуры воздуха в Евразии / Р. Н. Иванова // Вестник ЯГУ. – Якутск. – 2006. – № 1. – С. 13–17.
2. Калмыков, А. А. Интернет-журналистика / А. А. Калмыков, Л. А. Коханова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005.
3. Кузнецов, Г. В. Телевизионная журналистика / Г. В. Кузнецов. – М.: Высшая школа, 2003.
4. Прохоров, Е. П. Введение в теорию журналистики / Е. П. Прохоров. – М.: Аспект Пресс, 2003.
5. Радио «Эхо Москвы». Интервью В. В. Познера – 2008.
6. Шестеркина, Л. П. Методика телевизионной журналистики / Л. П. Шестеркина, Т. Д. Николаева. – М.: Аспект Пресс, 2012.
7. Законодательная база Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakonbase.ru/content/part/583425> (дата обращения: 25.02.2016).
8. Конституция (Основной Закон) Республики Саха (Якутия) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://constitution.garant.ru/region/cons_saha/chapter/1/#block_101 (дата обращения: 25.02.2016).

Материал поступил в редакцию 21.04.16.

AUTHENTICITY OF INFORMATION IN NON-FICTION TELEVISION PROGRAMMES

M.P. Yakovleva, Candidate for a Master's Degree of Journalism Department, Faculty of Philology
M.K. Ammosov North-Eastern Federal University (Yakutsk), Russia

Abstract. *The article considers the issue of presenting authentic information by non-fiction television programmes on the example of the materials about the Republic of Sakha (Yakutia). The concerns related to scientific data processing and adequate representation in mass media are discussed. A journalist becomes a popularizer of science as he or she is qualified to bring to wide audience scientific facts made easy. In the article different types of programmes about Yakutia are analyzed, where journalists have made errors or mistakes in factual data. The options of responsible sources of information are suggested.*

Keywords: *authenticity of information, geographic data, non-fiction programmes, science popularization, presenter, television journalism.*

УДК 81

ТЕРМИН *КОНЦЕПТ* В СОВРЕМЕННОЙ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Ч.Э. Керимова, докторант, преподаватель английского языка
 Бакинский славянский университет, Азербайджан

Аннотация. Данная статья посвящена изучению новых направлений лингвистики. Основное внимание уделяется проблемам национальной культуры и языка. Рассмотрены различные подходы к определению термина «концепт», понятие «прецедентность имени». Каждое имя представляет собой прецедентный феномен с точки зрения национальной культуры. Таким образом, каждое слово языка является стандартным.

Ключевые слова: парадигма, концепт, ассоциация, прецедент, культура, имя, феномен, стандарт.

Очевидно, что в последние десятилетия интенсивно развивается новое направление в языкознании, которое на фоне традиционных подходов выглядит инновационным. Новое направление характеризуется собственным метаязыком, системой понятий и терминов. Некоторые из них выглядят ключевыми и определяющими лицо данного направления. Совершенно однозначно, на первом месте в системе понятий когнитивной лингвистики стоит понятие «концепт». Этому понятию в последние годы уделяется очень много внимания, однако не всегда ученые обнаруживают солидарность в вопросе понимания его сути и содержания.

Все сходятся в том, что термин *концепт* исторически имел то же самое значение, что и русское слово *понятие*. Не вызывает также дискуссий содержание термина *понятия*, которое, будучи категорией логической, а не лингвистической, соотносится с основными или существенными чертами, объединяющими отдельные схожие предметы в единый класс. Таким образом, понятие оказывается сугубо интеллектуальной категорией. В филогенезе оно формируется индуктивным образом. Иными словами, человеческий разум, наблюдая отдельные предметы, выделяет их существенные черты. Таким образом разум категоризирует представления об отдельных вещах, систематизируя их и объединяя в классы вещей. Для лингвистики это положение существенно тем, что в результате подобного категориального объединения отдельных вещей они получают общие названия, не меняющиеся от конкретного предмета к конкретному предмету. Несмотря на их частные отличия, они могут называться одними и теми же именами, поскольку они не отличаются в существенных чертах. Поскольку вещи одного класса называются одними и теми же именами, имя имеет значение, сводимое к тем самым существенным признакам, которые объединяют все вещи, называя данным именем, в один класс. Именно поэтому С.Д. Кацнельсон отмечал, что концептуальное ядро лексического значения слова составляет понятие о вещах [2, с. 16-17]. Здесь обращает на себя внимание два обстоятельства. Во-первых, использование С.Д. Кацнельсоном термина *концептуальное* (ядро) при анализе лексического значения слова. Во-вторых, тот факт, что, говоря об отличии значения слова от понятия, он отмечает наличие дополнительных экспрессивных и стилистических факторов [2, с. 17].

Использование ученым термина *концептуальное* по отношению к ядру или основе лексического значения может расцениваться как еще одно свидетельство отождествления лингвистическим мышлением прошлого терминов *концепт* и *понятие*. И то, и другое рассматривалось как совокупность существенных признаков предметов. Следовательно, и в толковых словарях, определяя значение слова, лексикографы представляли элементарное понятие о предмете или то, что С.Д. Кацнельсон называет *концептуальным ядром лексического значения*.

Второй момент связан с указанием на то, что в структуре значения слова указанное концептуальное ядро обрастает экспрессивными и стилистическими обертонами. В этой связи следует отметить, что такого рода обрастание имеет место не всегда, следовательно, и говорить о различии между значением и понятием, исходя из данного фактора, видимо, не совсем правильно. С другой стороны, анализируя соотношение лексического значения и понятия как логической категории, необходимо иметь в виду основное номинативное значение слова. Что же касается основного номинативного значения, то оно, как правило, не обрастает, какими бы то ни было, значениями или оттенками значения, или обертонами, экспрессивного и стилистического порядка.

Следует отметить еще один момент. Даже в случае обрастания значения экспрессивными оттенками данный фактор не изменяет понятийного содержания. Только это фундаментальное свойство и позволяет слову обозначать множество единичных предметов.

В соответствии с отмеченными особенностями лексического значения и его понятийного содержания никакие национально-культурные особенности не могут находить отражение в семантической структуре слова. Понятно, что в данном случае речь не идет о словах, служащих непосредственными названиями реалий культуры.

В современной когнитивной лингвистике термин *концепт* начинает употребляться в совершенно ином значении. Концепт воспринимается как культурно-историческое явление, характеризующее своеобразие национального мировидения или национально-языковой картины мира. Языковая картина мира, согласно современной лингвистике, состоит из концептов. Следовательно, он представляет собой некоторую концептосферу. Сопоставление же концепта со словом или лежащим в его основе понятием показывает, что концепт не является ни словом, ни понятием, ни знаком. Другое дело, что для обозначения концепта мы прибегаем к словам, поскольку эти реальности, представленные в коллективном сознании народа, невозможно определить, не выразив словами. Такое выражение принято обозначать термином *вербализация*. И действительно, как мы можем определить концепт, если он является частью национального менталитета или национального сознания. Концепт можно описывать, но все равно национальное мировидение не поддается адекватному вербальному изображению. Любой концепт, составляющий часть языковой картины мира, лишь фрагментарно манифестируется в словах, фразеологических единицах, пословицах и поговорках, а также в фольклоре и письменной литературе. Следовательно, каждая из указанных групп только дополняет другую, но ни одна из них не может претендовать на полноту и исчерпывающее описание концепта и его представление.

Считается, что это новое понимание концепта принадлежит русскому философу С.А. Аскольдову. В статье под названием «Концепт и слово» С.А. Аскольдов ставит проблему нового осмысления данного термина, отмечая при этом, что концепт фактически в философской литературе ничем не отличался от понятия, являющегося логической категорией. Обращаясь к примерам из художественной литературы, ученый утверждает, что у нас могут сложиться концептуальные представления о чем-либо, что вообще не существует, и чего никто никогда не видел.

Существенным в данных рассуждениях С.А. Аскольдова являются как раз историко-культурные представления о чем-либо, характерные для национального мышления. На наш взгляд, обращение к художественной литературе в данном случае совершенно закономерно, поскольку хорошо знакомые образы составляют всецело виртуальные реальности, характерные для коллективного мышления целого народа и характеризующие его.

Когнитивная лингвистика отталкивается именно от такого рода виртуальных ценностей, в связи с чем о вербализации значимых для национального менталитета концептов легче говорить, чем их описывать. Феномены коллективно-психического порядка, на наш взгляд, не поддаются вербальному описанию, хотя никакого другого пути их представления не существует. Например, можно, насколько это возможно, описать французскую кухню, опираясь на лексико-фразеологический, паремиологический, фольклорный, кулинарно-рецептурный и любой другой наличный материал, включая и кинематограф. Однако следует при этом хорошо понимать, что отношение к национальной кухне как психический феномен, локализованный в коллективной психике французского народа, вряд ли удастся выявить таким путем, хотя никакого другого пути и не существует.

Концептосфера или национально-языковая картина мира, на наш взгляд, складываются непосредственно из концептов, понимаемых таким образом. Поэтому языковые и литературно-художественные средства, создавая некоторое представление о концептосфере, тем не менее не в состоянии полностью описать ее. Иными словами, системное описание способов вербализации концептов ориентировано на выявление их полного объема, однако неправомерно ставить знак равенства между ними.

Необходимо отметить, что в литературе вопроса нередко отсутствует достаточно четкое разграничение сфер анализа когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. На наш взгляд, такое смешение предметов двух направлений носит скорее объективный, чем субъективный характер. Дело в том, что в круг интересов лингвокультурологии, как это видно и по самому названию, входит описание способов представленности реалий культуры в единицах языка. Лингвокультурология исходит из того, что национальная культура во многом представлена в текстах, изучая которые, мы и изучаем тексты.

В лингвокультурологии существует понятие «прецедентное имя» или «прецедентный феномен». Определяющим в данном термине является понятие «прецедент». Под такого рода феноменом имеется в виду нечто образцовое и в силу этого хорошо знакомое носителям соответствующей культуры и языка. Например, в современном азербайджанском языке такими прецедентными феноменами является всё, что связано с праздником Новруза, поминальными четвергами, обручением и сватовством, свадьбой и другими обрядами. То же самое относится к известнейшим литературным героям, таким как герои М.Ф. Ахундова, М.А. Сабира, Дж. Мамедкулизаде, У. Гаджибекова. Прецедентными именами могут считаться имена Кёроглу, Фархада, Наби и его жены Хаджар и многие другие. В случае прецедентного имени важно то, что никому из носителей азербайджанской культуры не приходится объяснять, кто это такой и чем он знаменит. За каждым таким именем стоит большой объем лингвокультурологической информации. В силу подобной информационной насыщенности прецедентные имена выступают в роли не просто знаков, а целых свернутых программ. Каждый из подобных знаков в структуре текста заменяет собой еще один дополнительный текст.

На наш взгляд, каждое имя в структуре текста представляет собой в некотором роде прецедентный

феномен. Прецедентность имени, а в пространстве текста любое слово выступает именем, в том смысле, что оно обозначает нечто, является закономерностью функционирования знаковых систем вообще. В этом, на наш взгляд, сказывается совмещение референциальной функции знака с его денотативной и сигнификативной функциями. Ведь знак выступает одновременно и обозначением целого и обозначением его конкретного представителя. Разумеется, в этом вопросе существуют сложности. Например, частное явление, как правило, замещает в сознании общее, поскольку последнее носит отвлеченный характер, в то время как частное хорошо знакомо и единственно реально. Существует очень глубокая по своему содержанию азербайджанская пословица: *aşıq gördüyün çalar*. Для индивидуального сознания обычно денотативные и сигнификативные элементы значения оказываются несущественными, поскольку имя ассоциируется с конкретными предметами, обозначаемыми в ситуации конкретные и реальные вещи.

Исходя из сказанного для этнического мышления каждое имя выступает прецедентным, поскольку непосредственно ассоциируется с предметом данного ряда. Эта особенность четко прослеживается на примере родственных языков, когда одни и те же имена называют вещи одинаковые, но для этнического менталитета различающиеся важными особенностями. Эти особенности не настолько важны, чтобы различать сам род вещей, но они важны настолько, чтобы приобретать значимые определения. Например, многие блюда восточной кухни обозначаются одними и теми же именами. Это вполне логично, так как данное название охватывает все имеющиеся разновидности блюда. В то же время существенные для конкретных культур различия создают устойчивые ассоциативные мосты между соответствующими знаками и рядом вещей, в силу устойчивости общих признаков, признаваемых как единая парадигмальная целостность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аскольдов, С.А. Концепт и слово / С.А. Аскольдов // Русская речь. Сборник под редакцией Л.В.Щербы. – Л.: ACADEMIA, 1928. – С. 28-44.
2. Кацнельсон, С.Д. Общее и типологическое языкознание / С.Д. Кацнельсон. – Л.: Наука, 1986.

Материал поступил в редакцию 29.04.16.

THE TERM OF *CONCEPT* IN COGNITIVE LINGUISTICS

Ch.E. Kerimova, Candidate for a Doctor's Degree, English Teacher
Baku Slavic University, Azerbaijan

Abstract. The article deals with new directions of modern world linguistic. The centres of attention are issues of national culture and language. Different opinions about "concept" are considered. Attitudes are expressed to the notion "precedent name". Each name is showed to have precedent character in terms of national culture. That's so every word in language is standard.

Keywords: *paradigm, concept, association, precedent, culture, name, phenomenon, standard.*

УДК 81-13

СОВРЕМЕННЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ МИФОЛОГЕМЫ

А.Л. Соколова, старший преподаватель кафедры иностранных языков
Санкт-Петербургский Государственный Электротехнический Университет «ЛЭТИ», Россия

Аннотация. Статья посвящена описанию основных подходов к трактовке и исследованию мифологем. Приведены ключевые характеристики данного понятия. Представлены основные определения понятий концепта и фрейма. Описано соотношение мифологемы, концепта и фрейма в рамках лингвокультурологии и когнитивной лингвистики.

Ключевые слова: мифологема, концепт, фрейм, лингвокультурология, когнитивная лингвистика.

На сегодняшний день существует множество подходов к изучению соотношения языка и мифа. Однако, как отмечает В.А. Маслова, «исследование мифологии сквозь призму языка только начинается» [8, с. 8]. Будучи сложным образованием, имеющим многоуровневую структуру, мифологема традиционно является объектом исследования различных дисциплин. Среди них можно отметить психологию, культурологию, литературоведение и, конечно, языкознание. Все они рассматривают мифологему в качестве единицы коллективного сознания, отражающей национально-культурные представления о мире, хранящейся в памяти народа и реализующейся в языке. Подобная междисциплинарность, с одной стороны, приводит к возникновению целого ряда трудностей, связанных с размытием границ указанного понятия, а с другой, подчеркивает его комплексность. На основании систематизации и анализа основных существующих исследований можно отметить следующие характеристики мифологемы, выделяемые представителями разных дисциплин:

1. Мифологема – это миф, отражённый в слове, «схваченный словом», она выступает как фрагмент лингвистической модели мира (Веселовский, Леви-Стросс, Лосев, Лотман, Шишова).
2. Мифологема моделирует внутренне целостный образ пространственно-временного континуума (Пелипенко, Яковенко).
3. Мифологема выступает своего рода моделью социальных ситуаций (Леви-Брюль).
4. Мифологема является неотъемлемой частью культурного сознания и в качестве формообразующей структуры организует культурный опыт и направляет культурно-генетический процесс (Леви-Брюль, Пелипенко, Яковенко).
5. Мифологема – сюжетно-логическая структура события, произошедшего в мифе, она определяет развитие сюжетов на поверхностном уровне, являясь глубинным образованием (Аверинцев, Кереньи, Элиаде).
6. Мифологема – наравне с архетипом – универсальная структура, заложенная в природе человеческой психики. Архетип – ролевой образ, персона, в то время как мифологема – некий прототип ситуации, включающий в себя помимо действующих лиц также и действия (Мелетинский, Юнг).
7. Мифологемы лежат в основе картины мира, которая формирует тип отношения человека к миру и задает нормы поведения в нем (Бабушкин, Красных, Маковский, Маслова).
8. Именно мифологема представляет собой лингвистическую объективацию мифа в языке.

Данные характеристики позволяют говорить о мифологеме как о своеобразном связующем элементе между мифом и языком. Выбор мифа в качестве источника национально-культурных представлений о мире не является случайным, поскольку из всех явлений культуры миф наиболее тесно связан с языком; наряду с языком он помогает человеку познавать мир и структурировать окружающее пространство. Соответственно, при описании современных лингвистических подходов к изучению мифологем представляется важным остановиться на двух основных направлениях: лингвокультурном (В.И. Карасик, Н.А. Красавский, В.В. Красных, Г.Г. Слышкин, В.Н. Телия и др.) и лингвокогнитивном (А.П. Бабушкин, А.Н. Баранов, Е.С. Кубрякова, М.Л. Макаров, З.Д. Попова, И.А. Стернин, Л.А. Шестак и др.).

Оба направления – лингвокультурология и когнитивная лингвистика – сложились относительно недавно, во второй половине XX века, в результате интегрирования языкознания со смежными дисциплинами. Некоторые ученые (например, Е. С. Кубрякова) считают, что когнитивная лингвистика стала базой для формирования лингвокультурологии. Однако нам представляется справедливым существующее на сегодняшний день разделение данных наук.

Согласно В.В. Воробьеву, «основным объектом лингвокультурологии являются взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в процессе его функционирования и изучение интерпретации этого взаимодействия в единой системной целостности».

Язык и культура – это формы сознания, отображающие внутренний мир человека. Язык, с одной стороны, можно назвать способностью, наследуемой нами от предков, а с другой, он является идеальным естественным кодом, на базе которого следует рассматривать и анализировать коды искусственные, принадлежащие культуре. «Культура – историческая память народа, а язык, обладая кумулятивной функцией, хранит ее,

транслируя из прошлого в настоящее и будущее, обеспечивая связь поколений» [12, с. 29]. В.А. Маслова отмечает, что «лингвокультурология изучает язык как феномен культуры. Это определенное видение мира сквозь призму национального языка, когда язык выступает как выразитель особой национальной ментальности» [8, с. 15].

На основании смыслового ядра «язык – культура» формируются основные методы данного направления, также носящие интегральный характер. Это и контент-анализ, и методы полевой этнографии, и открытые интервью, и метод лингвистической реконструкции культуры, используемый в школе Н.И. Толстого, а также многие другие. Вариативность применяемых методов определяется многоаспектностью объекта научной дисциплины; их взаимодополнительность и сопряженность с различными познавательными принципами и приемами дает возможность всестороннего исследования.

Безусловно, основным предметом лингвокультурологии является концепт, однако мифологема (наряду с архетипом) занимает второе место по значимости. Для исследования мифологем традиционно применяются методы компонентного, контекстуального, этимологического, количественного, семантического, лингвостилистического и концептуального анализа, характерные для изучения концептов. Однако необходимо различать данные понятия.

Лингвокультурологический подход относит к числу концептов семантические образования, отмеченные лингвокультурной спецификой, отражающие менталитет языковой личности определенной этнокультуры. По мнению лингвистов, концепты есть единицы сознания, отражающие человеческий опыт.

Так, по мнению А. П. Бабушкина, «концепт – дискретная содержательная единица коллективного сознания или идеального мира, хранимая в национальной памяти носителя языка в вербально обозначенном виде», а «слова-мифологемы дают возможность увидеть, что такое концепт в явном своем проявлении, поскольку они эксплицируют его сущность, «выявляют конструктивно-технический план этого феномена. Это идеальные образцы, выстроенные в сознании» [2, с. 39–41].

Существующая на сегодняшний день слишком широкая трактовка термина концепт приводит к определенному парадоксу и отсутствию четкой понятийной соотнесенности, позволяющей называть концептом целый класс разнообразных явлений.

В.А. Маслова пишет, что «концепт не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека. Он окружен эмоциональным, экспрессивным, оценочным ореолом» [9, с. 28].

Ю.С. Степанов называет концептом любое понятие, которое соответствует трехчастной структуре: 1) основной (актуальный) признак; 2) дополнительный (пассивный, исторический) признак; 3) внутренняя форма (обычно не осознаваемая) [11, с. 281].

Содержание термина «мифологема» созвучно одному из аспектов содержания термина «концепт», признающему существование коллективного сознания (в котором существуют образы, мифы и символы и которое отделено от внешней реальности).

Таким образом, мифологеме можно назвать единицей мифологической картины мира, реализующей концепты мифологического мышления, имеющей стабильное содержание и способной формировать новые понятийно-образные композиции в сочетании с другими мифологемами.

Мифологемы не связаны непосредственно с денотатом, который является ядром концепта, а лишь репродуцируют известный в мировой культуре сюжет.

Когнитивная лингвистика занимается изучением связи языка и сознания, роли, которая отводится языку в процессе концептуализации и категоризации мира. Язык исследуется как механизм, обладающий познавательной функцией и позволяющий кодифицировать и интерпретировать информацию. Е.С. Кубрякова пишет, что это наука «о знании и познании, о результатах восприятия мира и предметно-познавательной деятельности людей, накопленных в виде осмысленных и приведенных в определенную систему данных, которые каким-то образом репрезентированы нашему сознанию и составляют основу ментальных, или когнитивных, процессов. Большинство принимает определение когнитивной науки, согласно которому она представляет собой науку о системах репрезентации знаний и обработке информации, приходящей к человеку по разным каналам» [5, с. 34].

В целом, можно говорить о том, что одной из задач когнитивной лингвистики является ответ на вопросы: что людям известно о себе и о мире, откуда им это известно (как получено знание), как это знание организовано, и каким образом происходит его активация (запуск и использование).

Как и в лингвокультурологии, ключевым понятием данной дисциплины является концепт. Е.С. Кубрякова приводит следующее определение концепта: «Концепт – оперативная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, квант знания. Самые важные концепты выражены в языке» [4, с. 90–92]. Однако ввиду обширности и многомерности этого понятия здесь представляется важным остановиться на соотношении двух разновидностей концепта: фрейма и мифологемы.

Термин фрейм был введен американским ученым М. Минским. Он описывает фрейм как структуру данных (образ) для представления стереотипных ситуаций. С каждым фреймом ассоциируется информация различных видов. Пространственно фрейм можно представить в виде сети, состоящей из иерархически расположенных узлов (терминалов) и связей между ними. Верхний терминальный уровень отражает понятия наиболее общие и потому всегда справедливые применительно к данной ситуации. Более низкие узлы (слоты) заполняются более конкретной информацией, связанной с реально имевшей / имеющей место в опыте индивида

ситуацией. Эти ячейки (слоты) до некоторой степени предполагают значения, которыми они могут быть заполнены (скажем, значением слота может быть только одушевлённый субъект или только неодушевлённый предмет). В неактивном состоянии (т. е. при отсутствии в непосредственном восприятии субъекта объекта фрейма) терминалы фрейма заполнены значениями по умолчанию (default meaning), сформированными на основе предшествующего опыта или заданными априорно. При активизации фрейма несоответствующие реальному положению вещей значения «по умолчанию» уточняются и при необходимости заменяются конкретными данными. Межтерминальные связи существуют не только внутри одного фрейма, но и между отдельными узлами различных фреймов, образуя сеть поиска информации, что позволяет обрабатывать поступающие данные наиболее рациональным способом. В состав фреймов могут входить фреймы более низкого уровня (субфреймы). А сходные по каким-либо параметрам фреймы объединяются в образования более высокого уровня – суперфреймы [10, с. 32–38].

Фреймы содержат самую значимую, характерную и возможную информацию, ассоциирующуюся с тем или иным концептом, определяют и описывают самое типовое для данного социума, включая его этно- и социокультурные особенности [3, с. 360].

В статичном состоянии фреймы представляют в виде структуры узлов и отношений [6, с. 17–33]. Терминальные узлы представляют инвариантные параметры ситуации, а слоты – их вариативную реализацию. В слотах могут присутствовать как национально-культурные компоненты, в которых закреплены особенности той или иной лингвокультуры, так и универсальные.

«Являясь своеобразными ячейками, слоты могут быть заполнены различными данными – группами слов, представляющими потенциальные возможности языковой актуализации фрейма: именами существительными, прилагательными, глаголами, фразовыми глаголами и т. д.» [10, с. 76].

Существование стабильной системы семантических ролей дает возможность сопоставления мифологема с фреймом [1, с. 193]. Фрейм как «структура данных для представления стереотипной ситуации» [6, с. 188] показывает расстановку сил в определенной деятельности. Заданная система субъектов, действующих так или иначе, характерна и для мифологема, однако, в отличие от нее, фрейм *располагает самой общей схемой ситуации*.

В отличие от фрейма, мифологема всегда содержит *конкретное событие*, по структуре которого и строится ее актуальный компонент, в то время как репрезентация фрейма базируется на абстрактной схеме. Кроме того, мифологема, представленная художественным текстом (или его фрагментом), *может исказить роли участников, необходимые условия ситуации и т. д.* [7, с. 29–33].

В процессе соотнесения фрейма с реальной ситуацией, на которую он «примеряется», последовательность ментальных операций, по М. Минскому, следующая:

- проверка на адекватность (соответствует ли выбранный фрейм реальной ситуации);
- конкретизация (терминальные узлы фрейма заполняются информацией соответствующей конкретной ситуации, при этом проверяется её соответствие условиям, предъявляемым каждым терминалом к своему заполнению);
- управление (оперативная смена фреймов при изменении всей ситуации или её отдельных параметров) [10, с. 32 – 36].

То, что принято называть глубинной структурой, М. Минский предлагает рассматривать в виде иерархии фреймов, расположенных по уровням в порядке убывания «поверхности» и нарастания «глубинности» и абстрактности презентации:

- поверхностные синтаксические фреймы (структуры с глаголами и существительными, терминальные узлы задают предлоги и порядок слов);
- поверхностные семантические фреймы (набор ЛЕ, сгруппированных вокруг действий, терминалы задают отношения действующих лиц, инструментов, траекторий, стратегий, целей и побочных явлений);
- тематические фреймы (сценарии отдельных видов деятельности и развития событий);
- повествовательные фреймы (скелетные формы типичных рассказов, объяснений, аргументации) [10, с. 58–60].

Нетрудно заметить, что в то время как поверхностно-семантический фрейм будет соответствовать лексическому представлению той или иной ситуации в языке, фрейм тематический будет описывать её актантную структуру и логику развития.

Следует отметить, что в ряде исследований, выполненных в последние годы, прослеживается тенденция рассматривать ментальные модели и фреймы в качестве сущностей, «генетически предшествующих языковому знаку, но таковыми не являющихся» [13, с. 182]. В частности, А.В. Худяков, опираясь на труды П.Н. Джонсона-Дэрда и Т.А. ван Дейка, предлагает считать ментальную модель «дознаковой стадией процесса» [13, с. 193]. Следовательно, мифологему можно рассматривать как на уровне знака, так и на уровне предзнака.

В заключение хочется подчеркнуть, что в настоящее время и лингвокультурный, и лингвокогнитивный подход рассматривают мифологему в качестве разновидности концепта, имеющей стабильное содержание и способной формировать новые понятийно-образные композиции в сочетании с другими мифологемами, передающей культурно значимую информацию, выполняющей функцию знаков – заместителей целостных ситуаций и сюжетов, реализующей концепты мифологического мышления, обладающей когнитивной природой и функционирующей на знаковом и предзнаковом уровнях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алефиренко, Н. Ф. Современные проблемы науки о языке: учеб. пособие / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 412 с.
2. Бабушкин, А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук: 10.02.19 / А. П. Бабушкин. – Воронеж, 1997. – 330 с.
3. Баранов, А. Н. Введение в прикладную лингвистику / А. Н. Баранов. – М.: АКИ, 2002. – 360 с.
4. Кубрякова, Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова и др. / Под общей редакцией Е. С. Кубряковой. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. – 245 с.
5. Кубрякова, Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука / Е. С. Кубрякова // ВЯ. – 1994. – № 4. – С. 26–34.
6. Купер, Дж. Энциклопедия символов / Дж. Купер. – М.: Прогресс, 1995. – 401 с.
7. Маковский, М. М. Язык – Миф – Культура: Символы жизни и жизнь символов / М. М. Маковский. – М.: Ин-т русского языка РАН, 1996. – 320 с.
8. Маслова, В. А. Введение в лингвокультурологию / В. А. Маслова. – М., 1997. – 208 с.
9. Маслова, В. А. Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой / В. А. Маслова. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 256 с.
10. Минский, М. Фреймы для представления знаний / М. Минский; пер. с англ. О. Н. Гринбаума; под общ. ред. Ф. М. Кулакова. – М.: Энергия, 1979. – 152 с.
11. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
12. Телия, В. Н. Что такое фразеология? / В. Н. Телия – М.: Наука, 1996. – 87 с.
13. Худяков, А. А. Об антологии предзнака / А. А. Худяков // Язык как функциональная система: сб. ст. к юбилею проф. Н. А. Кобриной. – Тамбов: Изд-во Тамбовского ун-та, 2001. – С. 182–202.

Материал поступил в редакцию 19.04.16.

MODERN LINGUISTIC APPROACHES TO STUDYING MYTHOLOGEM

A.L. Sokolova, Senior Teacher of the Department of Foreign Languages
Saint Petersburg State Electrotechnical University "LETI", Russia

Abstract. *The article is dedicated to the description of central approaches to interpretation and research of mythologems. The key features of this notion are specified. The main definitions of the notions “concept” and “frame” are presented. The relationship between mythologem, concept and frame in the context of cultural and cognitive linguistics is described.*

Keywords: *mythologem, concept, frame, cultural linguistics, cognitive linguistics.*

УДК 81

ТЕКСТЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПРЕССЫ: ЯЗЫКОВОЕ И ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ГАЗЕТ РЕСПУБЛИКИ САХА)

Н.Ю. Печетова, кандидат филологических наук, доцент
ФГАОУ ВПО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова» (Якутск), Россия

***Аннотация.** Рассматриваются жанры молодежной региональной прессы как стилеобразующий признак газетно-публицистических текстов. Определяется жанровое и языковое своеобразие молодежных газет Республики Саха: наиболее частотным жанром является заметка, для которой характерны такие языковые особенности, как точность, логичность, использование речевых штампов, клише, терминов, а также в меньшей степени экспрессивность, проявляющаяся в использовании высокой книжной и разговорной лексики.*

***Ключевые слова:** публицистический стиль, стилеобразующие признаки, жанровое и языковое своеобразие газетно-публицистических текстов, молодежная региональная пресса, газетная заметка.*

В практической работе прессы и других видов СМИ постоянно идет поиск новых способов подачи информации. Этот процесс приводит как к появлению переходных форм, новых жанров, так и к вытеснению устоявшихся, привычных. Проблема жанровой структуры СМИ в широком смысле остается одним из актуальных направлений научной мысли в современной российской лингвистике. Теория жанров и сегодня задается все теми же вопросами: что такое жанр, в чем его функция, и насколько тот или иной жанр устойчив.

Изучение способов отображения события как реального и вербального факта важно для идентификации жанра – задача, которая постоянно ставится в функциональной стилистике, рассматривающей жанр как стилеобразующий фактор.

В газетно-публицистическом стиле жанр сочетает все перечисленные факторы и выступает в качестве элемента метаязыка интегрированных социальных коммуникаций, это своего рода современный код, с помощью которого массовая информация шифруется СМИ и дешифруется аудиторией.

В настоящее время особенно актуальны исследования, объектом изучения которых становится система публицистических жанров, т.к. единого мнения относительно понятия «жанр» в газетно-публицистическом стиле не сложилось. Несмотря на то, что жанровая система печатных СМИ активно изучается, до сих пор в современной науке нет единого мнения о целесообразности исследования жанровой системы публицистики, так как «содержание понятия «жанр» непрерывно изменяется и усложняется, в целом недостаточно разработана сама теория жанров, и подтверждается это тем, что разные исследователи предлагают свой «набор» жанров» [6, с. 3], не установлено количество жанрообразующих факторов, не разработаны критерии для классификации публицистических жанров и т.д. Последние десятилетия характеризуются значительными изменениями в жанрово-стилистической системе газетной публицистики, активной перестройкой газетных жанров.

Молодежные газеты занимают определенное место в системе газетной публицистики Республики Саха (Якутия). На сегодня функционируют следующие издания: «Молодежь Якутии», «Наш университет», «Живая газета». В рамках данной работы исследованию подверглись указанные выше молодежные газетные издания, выходявшие в период с 2007 по 2012 гг.

Жанровая реализация – один из стилеобразующих признаков текстов газетно-публицистического стиля, к которым специалисты относят также сферу употребления языка, функцию, форму существования, способы речевого взаимодействия между автором и адресатом (конвенционально обусловленные особенности речевого поведения), отношение к экспрессивности, особый характер оценочности, характер языкоstileвого отбора, стилистически отмеченные языковые средства и способы создания выразительности [1 – 5, 7].

В текстах молодежной прессы Якутии реализуются все указанные стилеобразующие признаки: сфера употребления языка – это общественно-политические отношения, отраженные через призму молодежного взгляда на них; функция – информационная и воздействующая, форма существования – письменная (а также и электронная), речевое взаимодействие между автором и адресатом, которое осуществляется в определенной тематике публикации. Материалы публикуются с учетом фактора адресата: в текстах статей отражаются проблемы и интересы молодежной аудитории. Это участие молодежи в общественной и политической жизни страны и республики, учеба и работа молодых людей, а также их увлечения и развлечения. Жанровая характеристика текстов молодежных изданий в целом соответствует сложившейся жанровой системе газетно-публицистического стиля: были выявлены такие жанры, как заметка, репортаж, интервью, статья.

По степени частотности функционирования указанных жанров издания распределяются следующим образом: к постоянным относятся заметка, репортаж, интервью; к непостоянным – информационная статья, аналитическая статья, рецензия; редкими явились эссе, фельетон, обзорная статья. Данная типология основана на следующем принципе: постоянные – такие, которые присутствуют в каждом номере газеты; непостоянные – встречаются время от времени, редкие – встретились один – два раза или не встретились ни разу в отдельных изданиях.

Проанализируем жанровое своеобразие студенческой газеты «Наш университет». Молодежная газета для студентов «Наш университет» (НУ) – это еженедельное издание с тиражом 3000 экземпляров. Авторский коллектив – студенты, преподаватели, сотрудники, выпускники университета. Постоянные рубрики: «Собеседник», «Актуально», «Наука», «Тренд», «Федеральный университет». Стоит обратить внимание на языковое оформление рубрик. Так, например, встречаем рубрики с сочетанием слов разных языков: «Студент Life», иноязычные наименования: «Vox populi»; примеры словотворчества: «Внутривуз»; рубрики-обращения: «Тебе, студент», что свидетельствует о творческом и ответственном подходе журналистов.

В ходе исследования мы выявили существенное количественное превосходство жанров оперативно-новостной (заметка) и оперативно-исследовательской групп (репортаж, интервью), которые в равной степени представлены во всех номерах газеты. Сравнительно в меньшем количестве представлены жанры исследовательско-новостные (отчет, рецензия) и исследовательские (статья, эссе), которые неравномерно отражены в анализируемом издании.

Основным оперативно-исследовательским текстом публицистики является заметка, для которой характерны следующие особенности: во-первых, факты в ней объединяются одной темой, во-вторых, фиксируется событие, происходящее в реальности в одно и то же время, и, в-третьих, точно обозначено место действия.

Газетную заметку принято считать наиболее динамично развивающимся жанром, отличающимся малой формой. Для нее характерны письменная оформленность, озаглавленность, целостность, информативность, небольшой объем, повторяемость текстовой структуры в конкретном газетном издании и рубрике, внутреннее членение на составные части, неявно выраженная авторская модальность. Жанр заметки структурно и стилистически неоднороден.

Рассмотрим на примере функционирование данного жанра и его языковые особенности.

Рабочее лето

Более 160 бойцов студенческих отрядов Якутии отправятся в Сахалинскую область на переработку рыбы. Об этом сообщают в Региональном штабе студенческих отрядов Якутии. Крупные предприятия по переработке рыбы Сахалинской области – ООО «Калипсо» и ООО «Модуль» – готовы стать партнерами штаба. В связи с этим объявляется набор студентов вузов и ссузов в отряд «Восток». В городе Корсакове Сахалинской области новый путинный отряд «Восток» начнет работу с 15 июля, а завершит 1 сентября. Питание, проживание и проезд оплачивается штабом. Заработная плата – от 30 000 рублей.

Итак, сообщаемый факт, вербализованный в тексте, – набор в студенческий отряд, который будет работать на Сахалине на переработке рыбы. Заметка оперативна, т. к. опубликована в майском номере (НУ, 21 мая 2012 г., № 16–17). Фактическая точность заключается в том, что в тексте имеются точные названия учреждений (Региональный штаб, предприятия по переработке рыбы), указаны точные цифры (количество бойцов, размер заработной платы). Содержание заметки предельно понятно, в ней отсутствуют дополнительные сведения или сведения, не касающиеся непосредственно содержания передаваемой информации. Кроме того, заметка носит характер законченности, оформленности, целостности, информативности, озаглавленности.

При анализе языковых особенностей заметки как газетно-публицистического жанра мы пришли к выводу, что для нее характерно сходство с организацией языкового материала в текстах официально-делового стиля: точность, логичность, беспристрастность, неличный характер изложения, использование речевых штампов, клише, терминов (*об этом сообщают, в связи с этим объявляется набор студентов, питание, проживание и проезд оплачивается штабом*). Вместе с тем, хотя и неярко, в этом типе газетно-публицистических текстов выражена экспрессивность, проявляющаяся в использовании высокой книжной и разговорной лексики (*рабочее лето, крупные центры готовы стать партнерами*).

Исследование показало, что газета «Наш университет» не отличается от других подобных системой жанров и их многообразием, что определенным образом влияет на языковые особенности газеты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балли, Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. – М., 2001.
2. Виноградов, В. В. Проблемы русской стилистики / В. В. Виноградов. – М., 1981.
3. Кожина, М. Н. Стилистика русского языка: учебник / М. Н. Кожина, Л. Р. Дускаева, В. А. Салимовский. – М.: Флинта: Наука, 2008.
4. Крылова, О. А. Лингвистическая стилистика. В 2-х кн. Кн. 1. Теория: учеб. пособие. 2-е изд., стер. / О. А. Крылова. – М.: Высшая школа, 2008.
5. Одинцов, В. В. Стилистика текста / В. В. Одинцов. – М.: Книжный дом «Либроком», 2010.
6. Тертычный, А. А. Жанры периодической печати: учебное пособие / А. А. Тертычный. – М.: Аспект Пресс, 2000.
7. Чернышова, Т. В. Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России / Т. В. Чернышова. – М.: Книжный дом «Либроком», 2007.

Материал поступил в редакцию 14.04.16.

**TEXTS OF REGIONAL YOUTH PRESS: LINGUISTIC AND GENRE PECULIARITIES
(ON THE MATERIAL OF NEWSPAPERS IN THE SAKHA REPUBLIC)**

N.Yu. Pechetova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
M.K. Ammosov North-Eastern Federal University (Yakutsk), Russia

***Abstract.** The genres of regional youth press are considered as a style-forming feature of newspaper publicistic texts. The genre and linguistic peculiarities of youth newspapers of the Sakha Republic are defined: the most frequent genre is paragraph whose linguistic features include accuracy, consistency, use of journalese, cliches and terms and in a less degree expressivity which is evidenced in the use of elevated, bookish style or conversation vocabulary.*

***Keywords:** publicistic style, style-forming features, genre and linguistic peculiarities of newspaper publicistic texts, regional youth press, newspaper paragraph.*

УДК 81'44

ПОРИЦАНИЕ КАК ОЦЕНОЧНАЯ СТРАТЕГИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ К.Н. ЛЕОНТЬЕВА И В.М. ШУКШИНА)

Е.В. Хрипунова¹, Т.В. Черницына²

^{1,2} кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка
Волгоградский государственный технический университет, Россия

Аннотация. В статье представлена попытка описать в прагмалингвистическом аспекте оценочную стратегию порицания, рассматриваются ее функционирование и изменения в русской прозе разных исторических эпох (для анализа выбраны произведения К.Н. Леонтьева и В.М. Шукшина), типология порицания и языковые средства ее реализации.

Ключевые слова: оценочная стратегия, коммуникативная стратегия, порицание, функционирование оценочных стратегий, языковые средства.

Для того чтобы выявить особенности функционирования порицания как оценочной стратегии, необходимо определить семантическое содержание понятия «порицание». В словаре С.И. Ожегова порицание – выражение неодобрения, осуждения; выговор [5, с. 562]. В словаре В.И. Даля порицать – значит порекать, порещи, хулить, охуждать, обвинять, хаять, порочить, осуждать, поносить <...>. Порицанье [2, с. 507].

О.А. Евтушенко, рассматривая концепт «порицание» в английской и русской лингвокультурах, отмечает, что «порицается всегда то, что противоречит нормальному поведению, приносит вред, несчастье, не признается большинством людей в обществе» [3, с. 12].

Таким образом, порицание является отрицательной оценкой, которая соотносится с нормой. Отрицательная оценка, как и положительная, имеет следующие компоненты: субъект (порицания / похвалы) – лицо, приписывается ценность, характер оценки, основание оценки. В естественном языке существует асимметрия положительной и отрицательной оценки. Носители языка используют гораздо чаще и больше слова с отрицательным оценочным значением, чем слова с положительной оценкой. Это объясняется тем, что отхождение от нормы, нарушение общепринятой нормы человеческого существования воспринимается острее.

Нас заинтересовало изменение этой нормы в течение столетия (условно), что мы и попытались проследить на языковом материале произведений Константина Леонтьева и Василия Шукшина. Выбор этих авторов обусловлен следующими факторами: анализируемые нами произведения К.Н. Леонтьева («Благодарность», «Ночь на пчельнике», «Лето на хуторе») рассказывают о жизни разночинцев (учителя, чиновники и т.д.) и представителей крестьянского сословия. Персонажи же произведений В.М. Шукшина представляют собой интеллигенцию советской формации (учителя, служащие и т.д.) и также представителей советского крестьянства, жителей советской деревни.

Как мы видим, речь идет об одних и тех же социальных группах, разделенных столетием и историческими событиями. Нам представляется интересным проследить, как меняются, смещаются, в какую сторону «дрейфуют» нравственные, поведенческие, моральные нормы в обществе на протяжении столетнего временного отрезка.

Одним из маркеров, помогающих проследить эти изменения, является, по нашему мнению, такая коммуникативная стратегия, как порицание. Через номинацию различных отклонений от нормы язык опосредствованно представляет систему нравственных, этических, эстетических норм. В «приговоре об аномалии» [1] отражено высвечивается система норм, привычных представлений о должном, некоторая идеализированная картина мира. Так, анализируя оценочные имена, характеризующие человека в рассказах В. М. Шукшина, можно определить систему социальных, эстетических пристрастий данного социального единства. В область оценочного именованья попадают сферы жизни человека, аспекты его бытия [6, с. 64].

Виды коммуникативной стратегии порицания, как и похвалы, различаются по функциональному назначению, объекту порицания, особенностям языкового оформления, способу выражения, интонации (восклицательной, вопросительной), временной направленности, степени серьезности, уровню достижения иллюкативных целей, по тональности (степени серьезности), по особенностям языкового выражения. Типология коммуникативных стратегий порицания может быть описана с помощью следующих параметров:

1) по функциональному назначению, т. е. по тому признаку или предмету, в адрес которого высказывается порицание: за намерения; за преступления; за жадность; за внешний вид; за слабость; за отсутствие вкуса / мецанское мировоззрение; за «неправильный» образ жизни; за обман / неправду; за пьянство; за неискренность;

2) по объекту похвалы: прямое порицание; косвенное порицание; самопорицание;

3) по степени эмоциональности: рациональная и эмоциональная [6, с. 97–99].

Процентное соотношение параметров, лежащих в основе выражения порицания, на материале прозы

Василия Шукшина по критерию «функциональное назначение» выглядит следующим образом (расположены по мере убывания):

- 1) за неправильный образ жизни – 18,7 %;
- 2) за обман / неправду – 16,2 %;
- 3) за неискренность (воспитание, манеры) – 15,1 %;
- 4) за пьянство – 12,7 %;
- 5) за преступления / за действия – 11,3 %;
- 6) за жадность / жизненная позиция – 10,7 %;
- 7) за слабость – 7,8 %;
- 8) за намерение – 4,7 %;
- 9) за отсутствие вкуса / мещанское мировоззрение – 1,5 %;
- 10) за внешний вид – 1,3%.

Как видно из выше представленного анализа частотности порицания по критерию «функциональное назначение», чаще всего отрицательная оценка героями В. М. Шукшина выносится за «неправильный» образ жизни:

– *Вы сами, Катька, виноваты во всём: обвиняете ребят, что они за городскими начинают приударять, а вас забывают. А нет, чтобы подумать: а почему так? А потому, что городские интереснее вас. С ней же поговорить и то тянет. Наша деревенская – она, может, в десять раз красивее её, а как нарядится в какой-нибудь малахай – чёрт не чёрт и дьявол не такой. Нет, чтобы подтянуть всё на себе да пройтись по улице весело, станцевать, спеть... Нет, вы лучше будете семечки проклятые лузгать да сплетничать друг про дружку* [7, с. 27].

Следующим по частотности употребления следует порицание за обман / неправду:

– *Что ты мне очки втираешь! – осердился дядя Николай. – Читает он!.. – Потянулся, взял у Витьки книгу. – Что ты читаешь? То ж – задачник! Кто же так задачник читает... как художественную литературу. Менделеев мне нашёлся!*

– *Вот как он меня всё время обманывает, – сказала мать. – Спросишь: Витька, выучил уроки? Выучил! А где выучил, где выучил – ничего не выучил, одна улица на уме...* [7, с. 130].

На третьем месте по популярности отрицательной оценки – порицание за неискренность.

(Профессор смотрел на сельских жителей – он правда не понимал, что происходит. <...>

– Чувствую, – заговорил профессор серьёзно, – ломаете дурака, Иван Иванович...

– Иван Фёдорович.

– Иван Фёдорович... Ломаете дурака, Иван Фёдорович, а не пойму – зачем? [7, с. 255].

Реже всего порицание выносится за внешний вид (чуть больше 1 %).

Порицание в произведениях К. Н. Леонтьева по критерию «функциональное назначение» можно представить следующим образом:

- 1) за неправильные действия – 28 %;
- 2) за неправильный образ жизни – 19 %;
- 3) за нарушение морально-этических норм – 9 %;
- 4) за обман, неправду – 7,5 %;
- 5) за отсутствие вкуса – 4 %;
- 6) за необразованность / низкий интеллектуальный уровень; за намерение; за клевету – по 3,8 %;
- 7) за профессиональные качества; за преступление; за пьянство – по 2,5 %;
- 8) за жадность; за неумение жить; за внешний вид; за межсословные отношения; за нарушение норм поведения; за злобу (моральное качество); за ревность (моральное качество); за черты характера; за физическое состояние; за неискренность – по 1,3 %.

Самым частотным в прозе К.Н. Леонтьева, как видно из материала, представленного выше, является порицание за неправильные действия:

- *Вы, сударыня... Вы очень гадко и подло поступаете!* [4, с. 66];
- *Зачем вы подзывали ее! Мне стало больно от смеха, – сказал я, отворачиваясь* [4, с. 84].

Вторым по популярности является порицание за неправильный образ жизни:

– *...брал, брал (взятки – Е.Х., Т.Ч.), душа моя... как еще подчас и дурно брал... Экая бесхарактерность какая-то была... а не то, я зол был или бесчестен... Кабы дома жить было покраснее, не брал бы...* [4, с. 29].

Также часто встречается в прозе К.Н. Леонтьева порицание за нарушение морально-этических норм: «Печально видеть, что человек, вопреки высокому своему назначению, вопреки божественной искре, вдохнутой в него Творцом, непрестанно ищет праха самого презренного, самого ничтожного и неблагодарного праха!» [4, с. 123].

Необходимо отметить, что самопорицание как вид коммуникативной стратегии порицания в прозе Константина Леонтьева встречается гораздо чаще, чем в прозе Василия Шукшина. Так, примерно в 12 % из всего количества примеров порицания в произведениях писателя 19 века встречается отрицательная оценка, направленная на самого себя (за отсутствие вкуса, за неправильные действия, за низкий интеллектуальный уровень, за обман / неправду и т. д.):

– Ну а я, грешник, признаюсь, смерть, бывало, не люблю, как от нее чем-нибудь кухонным пахнет [4, с. 28].

Итак, несмотря на почти столетний рубеж, разделяющий творчество двух прозаиков, мы нашли общие черты, свидетельствующие о неизменно отрицательном отношении русского народа, о котором и от лица которого писали и К.Н. Леонтьев, и В.М. Шукшин, – это порицание за неправильный образ жизни, за нарушение морально-этических норм, за обман / неправду.

Но есть и различия в понятиях, подвергающихся отрицательной оценке. По прошествии почти века наблюдаются некоторые смещения. Так в произведениях К.Н. Леонтьева в «фокусе» порицания оказалось, в основном, то, что относится к морально-этической сфере жизни, коннотируется с понятиями *грех / добродетель*. Это и закономерно для человека, выросшего в обществе, где христианские ценности не девальвированы, а зачастую являются определяющими факторами в выборе того или иного поступка, той или иной линии поведения человека (Примечательно, что в произведениях К.Н. Леонтьева чаще всего осуждаются неправильные действия, в рассказах В.М. Шукшина действия осуждаются реже). В «народном представлении» у Василия Шукшина культурный человек представляется носителем морально-этических норм. Происходит подмена роли церкви ролью культуры и образования, что объясняется определенными историческими реалиями. Следует также подчеркнуть, что и в 19, и в 20 веке порицание играет важную роль в русском межличностном общении и имеет много способов языковой реализации. Однако рассмотрение разноуровневых языковых средств, реализующих коммуникативную стратегию порицания, – это перспектива нашей работы в изучении функционирования оценочных стратегий в художественном тексте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова, Н. Д. Аномалии и язык (К проблеме языковой «картины мира») / Н. Д. Арутюнова // *Вопр. языкознания*. – М.: Наука, 1987. – № 3. – С. 3–19.
2. Даль, В. И. Толковый словарь русского языка / В. И. Даль. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. – 736 с.
3. Евтушенко, О. А. Институциональный концепт «порицание» в английской и русской лингвокультурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. А. Евтушенко. – Волгоград, 2006. – 19 с.
4. Леонтьев, К. Н. Полное собрание сочинений в 12 т. / К. Н. Леонтьев – СПб., Владимир Даль, 2000. Т. 1. – 688 с.
5. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов // под ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Рус. яз., 1990. – 917 с.
6. Черницына, Т. В. Коммуникативные стратегии похвалы и порицания в идиостиле В.М. Шукшина: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Т. В. Черницына [Место защиты: Волгогр. гос. соц.-пед. ун-т]. – Волгоград, 2013. – 210 с.
7. Шукшин, В. М. – Т. 3. Собрание сочинений: в 5 т. / В. М. Шукшин. – Екатеринбург: Посылторг, 1994. – 480 с.

Материал поступил в редакцию 04.05.16.

CENSURE AS AN EVALUATIVE STRATEGY IN FICTIONAL PROSE (A CASE STUDY OF THE WORKS BY K.N. LEONTYEV AND V.M. SHUKSHIN)

E.V. Khripunova¹, T.V. Chernitsyna²

^{1, 2} Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Russian Language Department
Volograd State Technical University, Russia

Abstract. *In this article an attempt is made to describe evaluative strategy of censure in pragmalinguistic aspect, besides the features of its implementation and changes in the Russian prose of different historical periods (the analysis selection included the works by K.N. Leontyev and V.M. Shukshin), the typology of censure and linguistic means of its realization are considered.*

Keywords: *evaluative strategy, communicative strategy, censure, implementation of evaluative strategies, linguistic means.*

УДК 81

ОСВОЕНИЕ БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОГО ПОЛЯ ПРАВОСЛАВНЫХ ИКОНОНИМОВ (НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК)

В.Я. Волкова¹, И.И. Храпченкова²

¹ старший преподаватель, ² кандидат филологических наук, доцент
Псковский государственный университет (ПсковГУ), Россия

***Аннотация.** Основная часть транслатов, связанных с переводом библейских текстов, имеет адекватное соответствие в русском и немецком языках. Приведенные в статье транслаты курсируют в безэквивалентном поле. Перевод безэквивалентных единиц осуществляется различными способами: транслитерация, калькирование, применение языка-посредника (латинского или греческого), поддерживающий или описательный перевод. Возникает, однако, проблема вариативности транслатов.*

***Ключевые слова:** икононим, транслат, вариативность, транслитерация, калькирование, язык-посредник.*

Практика межкультурной коммуникации показывает, что взаимодействие культур сопряжено с интеграцией реалий этих культур. Различия культурного континуума осваиваются различными языками в соответствии с особенностями мировосприятия конкретной нации и с нормами языка, на котором говорит данный народ. В связи с этим, в каждом культурном пространстве образуется семантическое поле, закрепленное в национальном языке соответственными лексическими единицами. В. В. Кабакчи называет такую группу слов идионимами, понимая под этим термином «слова, обозначающие специфические элементы внутренней культуры» [1, с. 19]. В группу идионимов мы относим и икононимы, т. е. такие лексические единицы, которые передают названия русских икон – реалий русского сакрального пространства.

Передача такого вида реалий, как икононимы, на немецкий язык существует уже несколько веков, и данный процесс постоянно сталкивается с многими трудностями лингвистического и когнитивного порядка. Один и тот же икононим дает целый ряд транслатов, что вызывает такое нежелательное лингвистическое явление в практике перевода, как вариативность. Например:

Покров Божьей Матери

Schutzmantelfest
Schutzmantelmadonna
Auxilium (lat.)
Mariä Schutz und Fürbitte
Pokrowa Fest (kirchenslawisch)

1. Эквивалентное поле курсирования транслатов.

При первом прочтении возникает впечатление, что библейские тексты адекватно переведены на все языки, и проблем с переводом не возникает.

Благовещение – die Verkündigung

Иоанн Креститель – Johannes der Täufer

Иоанн Предтеча – Johannes der Vorläufer и т. д.

Однако изучение языкового материала показывает, что адекватный перевод представляет значительные трудности. Во-первых, сложность перевода возникает в ономастической плоскости формирования транслатов.

1.1. Православная икона пишется по четко обусловленному уставу. Благодаря этому сюжет иконы легко узнаваем даже прихожанами, не умеющими читать. Библейские сюжеты православных икон всегда имели однозначную ономастику и не допускали вариантов. А западноевропейская церковная живопись не придерживается принципа однозначности письма и названий. Эпоха Возрождения привносит в евангельские сюжеты массу подробностей (ландшафт, архитектуру, дополнительных персонажей и т. п.). Словом «икона» такие изображения уже не называются. Они называются “Gottesgemälde”. И названия таких изображений получают свободную форму выражения в пределах заданной темы.

Если в православии икона называется «Бегство в Египет» (без вариантов), то в западноевропейской культуре этот же сюжет может иметь название «Святое семейство по пути в Египет» или «Бегство Святого семейства в Египет» и т. п. В западной живописи отход от принципов однозначной ономастической единицы, связанной с разнообразными способами подачи живописных решений, приводит к широкой палитре ономастических единиц.

1.2. Возникновение вариативности перевода икононимов в эквивалентном поле.

Хорошо понимая тот факт, что икона – это характерный признак и важная составляющая православного бытия, западноевропейская культура пытается воспринимать жесткие параметры изображения и названия православных икон, стремясь адекватно понимать иконописную ономастику. Для этого привлекается:

- язык-посредник;
- транслитерация, абсолютно обеспечивающая адекватность.

Появлению вариативности, однако, способствует возможность разного прочтения одного и того же живописного библейского сюжета.

Сретенье. Название иконы архаично, слово означает «встреча».

1. Begegnung des Herrn im Tempel
2. Darstellung des Herrn
3. Darstellung Jesu im Tempel
4. Maria-Reinigung

Выбор устойчивого транслита маловероятен, т. к. разные конфессии делают свои смысловые акценты.

Православная трактовка берет сюжет из Евангелия, в котором Господь сказал старцу Симеону, жившему уже 300 лет и просящему смерти, что если он, Симеон, встретит Спасителя, то Господь отпустит его. Икона «Сретенье» в православии имеет четырех обязательных персонажей: Мария с Младенцем и Иосиф идут навстречу Симеону. Следовательно, более точным будет первый из представленных выше транслитов.

Западноевропейское изображение сюжета акцентирует процесс прихода Марии в храм на сороковой день после родов для обряда очищения (Maria-Reinigung). Поэтому этот вариант более привычен и востребован для западного реципиента.

Немалую сложность для переводчика представляет момент многозначности слова. В Баварии в свое время была обнаружена псковская икона. В 2000-м году В. В. Путин был с визитом в Германии. И канцлер Германии Г. Шрёдер вернул эту икону российскому президенту. Немецкий переводчик даёт следующий транслит: “Gottesmutter, die dem Starzen Dorofei erschien” aus der Pokrov-Kirche in Pskov. Две лексемы передаются по способу транслитерации: «старец» – der Starez и «Покров» – Pokrov. Псковская икона носит название «Явление иконы Божьей Матери старцу Дорофею» из церкви Покрова в Пскове.

Немецкий переводчик внимательно работал над переводом и не мог, не будучи знатоком русской истории, выбрать один из двух транслитов слова «старец». Словарь В. Даля даёт два значения слова «старец»: старый человек и монах. Поэтому переводчик идет не по пути вполне решаемого адекватного перевода, а по пути транслитерации, что для немецкого социума требует дополнительных пояснений.

Икононим «Покров» длительное время брался тоже через транслитерацию, пока к настоящему времени не сформировался транслит Maria Schutz und Fürbitte. Затруднения были связаны с русской православной традицией. Покров – это православный праздник, отмеченный в церковном календаре и связанный с определенными традиционными обрядами. Существует икона «Покров Божьей Матери», написанная по строгому уставу.

В западноевропейской культуре тоже есть понятие Покрова Божьей Матери, что отразилось в вариантах транслита: Schutzmantelmadonna; Schutzmantelfest. Божья Матерь здесь изображается во весь рост и укрывает своим плащом просящих защиты. Изображение Покрова Божьей Матери в западноевропейской живописи не регламентируется.

Разница в изображении Покрова Божьей Матери и отсутствие в православных иконах такого атрибута, как плащ, не позволило немецкому переводчику адекватно перевести данный икононим. На сегодняшний день он звучит как “Maria Schutz und Fürbitte”.

2. Лингвистические возможности передачи реалий на немецкий язык функционируют в безэквивалентном поле.

2.1. Калька.

Реалии являются понятиями национальной культуры и не присутствуют в другой культуре, однако, в них можно выделить составляющие, адекватно поддающиеся переводу. Но в конечном варианте появляются ксенонимические признаки (чуждые для переводного языка). В этом случае применение калькирования как возможности перевода становится востребованным, так как калька легко вписывается в переводной язык, заимствуется и воспроизводится. Все транслиты, полученные данным способом, являются адаптированными в языке другой культуры. Калькирование, таким образом, – это одна из форм заимствования из одного языка в другой.

Местный ряд иконостаса	Der lokale Rang der Ikonostase Die örtliche Reihe der Ikonostase
Праздничный ряд иконостаса	Der Festrang
Праотеческий ряд	Der Vorväterrang
Пророческий ряд	Der Prophetenrang
Храмовая икона	Die Tempelikone

Вариативность транслятов, относящихся к исходной православной единице, объяснялась выше (свободное выражение смыслового ядра, вызванное фактором многозначности слов).

Царские врата иконостаса	Die heilige Pforte der Ikonostase Das Königstor Das Christi-Tor Das Zarentor.
--------------------------	--

2.2. Ксеноним / Идионим.

Названный метод перевода является также весьма желательным. Определяемая часть лексемы – это ксеноним. Присоединяемый к нему православный атрибут воспринимается в режиме пассивного ознакомительного восприятия. Данный метод полукальки применяется достаточно часто в туристических буклетах. Основное слово переводится адекватно: башня, церковь, врата и т. п., а идионим получает форму транслята.

Цjinskaja Kirche
Pokrowskaja-Turm
Dowmontow-Turm
Olginski-Brücke
Die Troizki-Kathedrale.

2.3. Передача реалий на немецкий язык часто идет через транслитерации. Данный способ обеспечивает чрезвычайно востребованную функцию полученных транслятов – их однозначность. Но в плане коммуникации трансляты тяжеловесны, трудно воспроизводимы, абсолютные ксенонимы для немецкого социума.

2.3.1. Путем транслитерации наиболее часто передаются топонимические и антропонимические характеристики. В работе представлены икононимы Псковской школы иконописи, изобилующие топонимическими и антропонимическими атрибутами, что позволяет их выделить в отдельную группу, называемую псковизмами.

Икона «Спас Елеазаровский» Святой Алипий Печерский, иконописец	Ikone Erlöser Jeliasarowski der heilige Alipij Petscherskij, Ikonenmaler
---	---

2.3.2. В затруднительных случаях передачи реалий в первую очередь стоит воспользоваться способом транслитерации.

Наличие в оригинале архаизмов, историзмов, локализмов и т.д., несомненно, осложняет получение транслятов, но, порой, находят удачные решения, учитывающие и эти особенности реалий.

Успение	Mariä-Tod Maria-Entschlafen
Всех скорбящих радости	Aller Leidenden Freude

Пытаясь различными способами получить трансляты в безэквивалентном поле, все же весьма желательно параллельно давать передачу икононимов по способу транслитерации. В противном случае обратный перевод и выход на оригинал не всегда возможен или затруднен.

Неупиваемая чаша	1. Der nicht bis zum Ende auszutrinkende Kelch 2. Neupivajemaja Tschascha 3. Neupiwajemaja Kelch
------------------	--

Транслитерация обеспечивает однозначность, и желательна практически во всех единицах безэквивалентного поля. Первый и третий варианты иллюстрируют возможности адаптации в переводном языке.

2.3.3. Использование языка-посредника отяжеляет восприятие реципиентом, но обеспечивает смысловую однозначность православных икононимов:

Nikolka Salos

Таким образом, практика перевода православных икононимов фиксирует такое нежелательное явление, как вариативность транслятов. Это происходит в силу противоречия в ономастике языков: русский язык обеспечивает однозначность и неизменность формы и содержания, немецкий язык свободно конструирует название,

исходя из различных возможностей передачи понятийного ядра, производя этим ряд вариантов.

Процесс освоения православных реалий находится в постоянном движении. Рекомендуется структурировать трансляты в виде словарей, глоссариев, сводных таблиц. Это поможет избежать нежелательной вариативности и обеспечить формирование однозначных ономастических единиц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кабакчи, В. В. Основы англоязычной межкультурной коммуникации: учебное пособие / В. В. Кабакчи. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1998. – 231 с.

Материал поступил в редакцию 21.04.16.

NON-EQUIVALENT FIELD ACQUISITION OF ORTHODOX ICON NAMES (A CASE OF THE GERMAN LANGUAGE)

V.Ya. Volkova¹, I.I. Hrapchenkova²

¹ Senior Teacher, ² Candidate of Philology, Associate Professor
Pskov State University (PSU), Russia

Abstract. *The major part of terms related to the translation of scriptures has an adequate direct correspondence in Russian and German. The translated units specified in the article operate in the non-equivalent field. Non-equivalent units can be translated by various means: transliteration, calquing, using interlingua (Latin or Greek), supportive or descriptive translation. Yet in this case the issue of the translated unit variation comes up.*

Keywords: *icon name, translated unit, variation, transliteration, calquing, interlingua.*

О ПРИМЕНЕНИИ МЕТОДА АССОЦИАТИВНОГО ПОЛЯ К АНАЛИЗУ ИНФОРМАЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ ТЕКСТА

А.В. Звягинцева, кандидат филологических наук, доцент
Московский педагогический государственный университет, Россия

***Аннотация.** Статья посвящена анализу информационной структуры текста сквозь призму лингвистических и когнитивных явлений. Содержательная сторона сообщения рассматривается как план, где активируются определённые понятийные поля, между элементами которых ввиду особенностей когнитивной деятельности человека отмечаются связи ассоциативного порядка. В рамках статьи информационная структура сообщения анализируется как сочетание ассоциативных полей разных рангов. Метод ассоциативного поля используется как эффективный способ анализа структурно-содержательного уровня текста, что позволяет проследить определённые закономерности построения информационного плана текста, а также выявить факторы как лингвистического, так и когнитивного порядка, обуславливающие характер распределения информации в речевом высказывании.*

***Ключевые слова:** текст, информационная структура текста, ассоциативное поле слова, ассоциат.*

Об актуальности изучения поля и применении категории поля в лингвистике говорят многие исследователи (Стернин 1985, Кузнецов 1998, Новиков 1998, Горошко 2001, Абрамов 2003). Поле на современном этапе развития лингвистической науки рассматривается учеными как элемент научной картины мира, как способ представления различных структур – как языковых, так и мыслительных. В этой связи понятие поля актуально и для изучения языковой системы, и – через изучение языка – для исследования понятийного пространства человека.

В лингвистических исследованиях поле представляет собой совокупность языковых единиц, объединённых общностью содержания и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений [6, с. 380]. Известно, что понятия хранятся в когнитивном пространстве и связаны с родственными понятиями посредством ассоциаций. Таким образом, слово актуализирует вокруг себя некоторое ассоциативное поле, для которого «характерно объединение вокруг слова стимула определённых групп слов-ассоциатов» [6, с. 381]. В процессе изучения ассоциативного поля лингвистами были выявлены определенные признаки данного объекта исследования. Приведем некоторые из них:

1. Для ассоциативного поля характерна некоторая структурированность, т. е. наблюдаются определённые векторы построения всего ассоциативного комплекса: понятие активирует вокруг себя ассоциаты, которые могут являться стимулами для других ассоциатов. Таким образом, элементы имеют тенденцию распространяться по сети (полю): понятие “Christmas” активирует ассоциат “party”; в свою очередь, ассоциат “party” активирует такие ассоциаты как “drinking”, “dance”, “people” и т.д. (“The Edinburgh Associative Thesaurus” (EAT)).

2. Элементами ассоциативного поля могут быть слова различных частей речи. Например, в ассоциативном поле понятия “Christmas” наблюдаются такие ассоциаты, как day, cake, party, great, cracker, candles, bright, to swear, food, friends, tree, December, happy, festivity и т.д. (“The Edinburgh Associative Thesaurus” (EAT)).

3. В структуре общего поля имеются микрополя, обладающие относительной самостоятельностью.

4. Каждое ассоциативное поле иерархично, имеет центр, ядро (ядерная / околоядерная зона) и периферию (периферийная зона) [4, с. 14]. В основе отнесения элементов ассоциативного поля к его ядерной или периферийной части традиционно лежит критерий частотности полученных в ходе ассоциативного эксперимента слов-реакций на предъявленные слова-стимулы. При отсутствии подобного эксперимента в основу отнесения компонентов поля к его ядру или периферии могут быть положены данные ассоциативного словаря и критерий логической приближённости реализованных ассоциатов к заданному стимулу, центру ассоциативного поля.

5. Элементы поля могут принадлежать ядерной части одного поля и периферии другого поля или наоборот. Поле является открытой системой, что предполагает взаимопроникновение реализованных ассоциатов из ассоциативного поля одного понятия в ассоциативное поле другого понятия [5, с. 6].

Применяемый в лингвистике полевой подход зарекомендовал себя как наиболее эффективный и перспективный способ описания взаимосвязи и взаимодействия наблюдаемых языковых явлений. Семантика единиц такого поля является по существу «единством языкового значения и внеязыкового смысла» [3, с. 103]. Таким образом, нельзя не согласиться с утверждением З.Д. Поповой, И.А. Стернина о том, что термин «поле» означает не какую-либо группировку, а принцип организации единиц языка: «...Полевая модель утверждает представление о языке как системе подсистем, между которыми происходит взаимодействие и взаимопроникновение» [5, с. 7].

Сегодня в лингвистике полевой подход имеет широкое распространение на категорию текста. В рамках одного из разделов коммуникативной стилистики текста, разрабатывающего теорию текстовых ассоциаций,

особую значимость в изучении информационной структуры сообщения приобретают понятия «ассоциативное развертывание текста» и «ассоциативно-смысловое поле текста». Согласно Н. С. Болотновой, ассоциативное развертывание текста можно представить как сложно организованную сеть ассоциатов, в образовании которой участвуют ассоциативные поля слов [1, с. 63]. Таким образом, информационная структура текста представляет собой структурированную определенным образом сеть, состоящую из слов-стимулов и слов-реакций (ассоциатов) на предъявленное слово-стимул.

Текстовые ассоциативно-смысловые поля объединяют единицы, связанные парадигматически и синтагматически. Основой взаимодействия слова-стимула со словом-реакцией является, как представляется, типичность ассоциаций, что приводит к использованию автором тех словосочетаний, которые апеллируют к опыту и знаниям среднего носителя языка. В качестве примера приведем следующий текстовый отрезок:

He was surprised to see a neatly dressed, middle-aged professor, who worked in the university just up the road from Mr. Jones's house, coming from the direction of the town. He had grey hair and thick glasses, and was carrying an umbrella, a morning newspaper and a bag.... Mr. Jones had a big tree in his garden, and the children had tied a long rope to one of its branches, so that they could swing on it....[7, с. 32].

Согласно данным «Эдинбургского ассоциативного тезауруса» понятие “professor” активирует такой ассоциативный ряд, как university, glasses, old, clever, work и др.; понятие “house” – garden, road, home и др.; понятие “rope” – to climb, to tie и т. п. При построении содержательного плана текста автор избирательно использует те или иные ассоциаты. Необходимо отметить, что, исходя из замысла высказывания, некоторые ассоциаты могут быть авторскими (единицы, которые не представлены в словаре), что, как представляется, не ведет к неверному истолкованию основной идеи, заложенной в сообщении.

В приведенном выше примере каждое из указанных понятий рождает свое ассоциативное поле, где представлены слова различных частей речи. Например, понятие “professor” активирует такой ассоциативный ряд, как university, glasses, old, neatly dressed, to work и др.

Лексические единицы образуют как ядерную, так и периферийную части ассоциативного поля. Как представляется правомерным полагать, к ядерной зоне ассоциативного поля относятся ассоциаты, которые связаны с центральным понятием непосредственно. К периферии относятся элементы поля, соотносящиеся с центральным понятием опосредованно через один или более ассоциат. Например, ассоциаты “tree”, “branch” находятся в периферийной части поля: данные ассоциаты связаны с понятием “house» опосредованно через ассоциат “garden”. Последний, в свою очередь, принадлежит к ядерной части поля, так как непосредственно связан с центром ассоциативного поля – “house”. Исследователи отмечают, что ядерный и периферийный статус ассоциата может варьироваться в зависимости от центрального понятия, вокруг которого актуализируется некоторое ассоциативное поле. Разделение на ядро и периферию является условным, что делает границу между ядром и периферией размытой [5, с. 6].

В приведенном в качестве примера речевом отрезке также можно выявить переплетение разных ассоциативных полей. Понятие “house” активирует ассоциат “garden”. Ассоциат “garden” активирует понятие “tree”, которое рождает вокруг себя свое ассоциативное поле (branch, big). Таким образом, микрополе понятия “tree” входит в структуру общего поля, активируемого вокруг заданного понятия “house”. В этой связи информационная структура текста представляет собой сочетание взаимосвязанных между собой ассоциативных полей, в общей структуре которых имеются свои микрополя. Такое взаимодействие позволяет говорить о наличии в тексте ассоциативно-смысловых полей разных рангов [2, с. 154].

Итак, как показывает анализ содержательного плана сообщения, вышеперечисленные характеристики поля являются релевантными к уровню текста, что позволяет говорить о тексте как о целостной структуре, в которой все взаимосвязано и взаимообусловлено. Соотнесение элементов ассоциативного поля с содержательно-структурным уровнем текста позволяет значительно углубить изучение механизмов того, как строится информационная структура сообщения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Болотнова, Н. С. Проблемы речеведения: определение основных понятий и категорий коммуникативной стилистики текста / Н. С. Болотнова // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. Спецвыпуск, 2000. – № 3 (9). – С. 60–66.
2. Болотнова, Н. С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня / Н. С. Болотнова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992. – 312 с.
3. Воробьев, В. В. К понятию поля в лингвокультурологии (Общие принципы) / В. В. Воробьев // Русский язык за рубежом. – 1991. – № 5. – С. 101–106.
4. Попова, З. Д. Лексическая система языка. Внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы описания / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж: Книжный дом «Либроком», 2011. – 172 с.
5. Попова, З. Д. Полевые структуры в системе языка / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1989. – 197 с.
6. Ярцева, В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь / В. Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
7. Hill, L. A. “Advanced Stories for Reproduction” / L. A. Hill. – Oxford University Press, 1996. – 62 p.
8. The Edinburgh Associative Thesaurus (EAT). – [Электронный ресурс] – URL: <http://www.eat.rl.ac.uk>.

Материал поступил в редакцию 18.04.16.

**ON THE APPLICATION OF ASSOCIATIVE FIELD METHOD
TO THE ANALYSIS OF THE INFORMATION STRUCTURE OF TEXT**

A.V. Zvyagintseva, PhD, Associate Professor
Moscow State Pedagogical University, Russia

***Abstract.** The article is dedicated to the analysis of the information structure of the text through the prism of linguistic and cognitive phenomena. The content part of the message is considered as a plan of activation of certain conceptual fields whose elements due to the peculiarities of human cognitive activity are noted to be connected by associative links. In this article the information structure of a message is analyzed as a combination of associative fields of different ranks. Associative field method is applied as an effective way to analyze the structure and content level of text, which enables to trace some patterns in the construction of the information-related plan of text and reveal both linguistic and cognitive factors determining the character of information distribution within the speech utterance.*

***Keywords:** text, information structure of text, word's associative field, associate word.*

УДК 81.111[342+38]:801.81(73)

РИФМА И РИТМ В СОЗДАНИИ ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ (НА МАТЕРИАЛЕ АМЕРИКАНСКОГО ПЕСЕННОГО ФОЛЬКЛОРА)

Г.И. Сташко, аспирант кафедры германской и финно-угорской филологии
Киевский национальный лингвистический университет, Украина

Аннотация. Статья посвящена комплексному исследованию рифмы и ритма как выразительных средств стилистической фонетики. Выявлены особенности влияния рифмы и ритма на формирование женских образов в американской фольклорной песне. Значительное внимание уделяется роли рифмы и ритма в структуре песенного текста. На основании исследования установлены и описаны закономерности использования рифмы и ритма в американском песенном фольклоре.

Ключевые слова: рифма, ритм, стилистическая фонетика, женские образы, фольклорная песня, этнос, американская культура.

Современный этап развития лингвистической науки отмечается оживленным интересом ученых к изучению акустических и перцептивных характеристик фольклорного песенного текста. Объясняется такой интерес, с одной стороны, необходимостью комплексного исследования песни, а с другой – развитием техники и активными разработками в области синтеза речи, чем обусловлена необходимость изучения особенностей песни, способных усилить ее воздействие на слушателя. Ведь не вызывает сомнения тот факт, что фольклор передает дополнительную информацию благодаря использованию средств стилистической фонетики. Анафора, эпифора, ономатопея, ритм и рифма способствуют созданию нужной атмосферы и образов, которые зашифрованы в песне.

Цель нашей статьи – проанализировать и доказать влияние рифмы и ритма на образование женских образов в американской фольклорной песне, которая является материалом исследования. Выборку составили фольклорные песни с четко выраженными женскими образами. Отдельно следует отметить, что временной диапазон песен приходится на период XVII–начало XX века, имеет историческую основу, анализ которого представлен в соответствующей статье автора [10]. Общее количество составляет 70 песенных текстов, которые входят в песенники и альманахи [12; 14].

Рифма и ритм являются неотъемлемыми элементами песенного текста, так как определяют его структуру. Для детального анализа следует привести определение данных средств стилистической фонетики.

Рифмой называется особый вид звукового повтора, а именно повторение более или менее сходных сочетаний звуков на концах строк, или в других симметрично расположенных частях стихотворений, выполняющее организующую функцию в строфической композиции [2, с. 149]. Композиционная роль рифмы состоит в звуковой организации стиха, рифма объединяет строки, оформляющие одну мысль, в строфы, делает более ощутимым ритм стиха, способствует запоминаемости поэтического произведения [2, с. 150].

Наличие различных видов рифмы определено позицией рифмующихся элементов песенного текста и определяет разную степень ее влияния на общий эффект от песни, и на женский образ в целом. Существующее разнообразие видов рифмы представлено в таблице 1.

Таблица 1

Принципы рифмования и виды рифмы

принцип рифмования	вид рифмы
по положению рифмующих строк внутри строфы	<ul style="list-style-type: none"> • кольцевая (<i>abba</i>) • смежная (<i>aabb</i>) • перекрёстная (<i>abab</i>) • сквозная (<i>aaaa</i>)
по положению ударения в рифмованном слове	<ul style="list-style-type: none"> • мужская / окситонная (ударение на последнем слоге) • женская / парокситонная (ударение на предпоследнем слоге) • дактилическая (ударение на третьем слоге с конца) • гипердактилическая (ударение на четвёртом слоге с конца)
по сходству положения в строке	<ul style="list-style-type: none"> • точная/концевая (в конце строки) • цезурная/внутренняя (в середине строки) • головная/начальная (в начале строки) • акромONOграмма (лексико-рифменная композиция на стыке строк: подхват, анадиплозис и стык)
по точности созвучий и способам их создания	<ul style="list-style-type: none"> • богатая (совпадает опорный согласный звук) • бедная (частично совпадают заударные звуки и ударный гласный) • ассонансная (совпадает ударный гласный, не совпадают согласные) • диссонансная (не совпадают ударные гласные) • усечённая (есть лишний согласный в одном из рифмующихся слов) • составная (рифмующаяся пара состоит из трёх и более слов)

Для английского стиха, благодаря редукции окончаний и преобладающей в исконных словах односложности, характерны мужские рифмы [2, с. 150]. Следует полагать, что женские образы могут терять акцент женственности по этой причине и быть незаметными или второстепенными в американской фольклорной песне. Чтобы подтвердить или опровергнуть этот факт, рассмотрим результаты исследования песен с женскими образами на предмет рифмы.

Примером женственного образа в песне с женской рифмой есть колыбельные [9]. В них женские образы возникают первыми, хотя прямое описание матери отсутствует. Как правило, колыбельные поют матери, о чем свидетельствует простая женская рифма с ударением на предпоследнем слоге: *Go to sleepy – Little baby; Rest your head upon the clover – Whilst your mammy’s watching over; Lies a poor little lamby – Poor little thing is crying “Mammy”* ("All the Pretty Little Horses"). Несмотря на множество женских образов, число песен с женской рифмой действительно ограничено. Но их объединяет одна черта – песни исполняет исключительно мать, она имеет априори нежные чувства к своему ребенку безотносительно его пола, внешности и судьбы. Но неужели колыбельные может петь только мать? Ответом есть колыбельная "Hush, Little Baby", которая отличается от других преимущественно мужской рифмой с ударением на последнем слоге (*brass – glass; broke – goat, pull – bull; bark – cart; down – town; cry – I*). Такое различие вызвано тем, что эта песня существует в двух вариантах: от имени матери и от имени отца, при этом в большинстве регионов любят именно второй вариант:

1. *If that mockingbird will not sing,
Mama’s going to buy you a diamond ring.*

2. *If that mockingbird will not sing,
Papa’s going to buy you a diamond ring.*

Еще один уникальный пример песни с женским образом и с женской рифмой скорее удивляет и является исключением, нежели правилом для американского песенного фольклора. Песня с образом дерзкой девчонки "Katie Cruel" на первый взгляд описывает мужские качества девушки и ее сильный и жесткий характер в сложившихся жизненных обстоятельствах. Несмотря на это, детали лингвистического анализа показали контраст жесткости и нежности в характере. Благодаря женской рифме и стилистическому средству сравнение в одном из куплетов, девушка кажется вынужденной играть роль жестокой личности:

*When I first came to town,
They called me the roving jewel;
Now they’ve changed their tune,
They call me Katy **Cruel**.*

*Eyes as bright as coal,
Lips as bright as **cherry**,
and ‘tis her delight
To make the young girls **merry**.*

Практически в 90 % песен с женскими образами преобладает мужская рифма. Например, образ любимой жены ("I'll take you home again, Kathleen") получился очень лирическим и полным любви мужа к жене, которая уехала погостить к родителям. Отчасти благодаря разлуке с любимой женой, мужская перекрестная рифма (abab) свидетельствует о высоких чувствах супруга, чем усиливает эмоциональность и выразительность женского образа:

*I'll take you home again, Kathleen
Across the ocean wild and **wide**
To where your heart has ever **been**
Since you were first my bonnie **bride**.*

Фольклорная песня "The Colorado Trail" есть примером песни с мужской рифмой во 2 и 4 строке во всех куплетах. При этом, образ красивой девушки очень яркий:

*Eyes like a morning star,
Cheeks like a **rose**.
Laura was a pretty girl,
God almighty **knows**.*

Выбор рифмы здесь может зависеть от жанра. Это ковбойская песня от лица мужчины, и девушка здесь – адресат, он говорит о своих чувствах и, как показывает сюжет песни, горюет по поводу ее смерти.

"Cumberland Gap" – песня с образом жены-друга, с которой главный герой идет в дальнюю дорогу. Хотя о жене упоминается лишь в начале песни, ее образ яркий. Рифма точная, богатая, заканчивается согласным звуком, по положению ударения в рифмованном слове является простой мужской (окситонной) рифмой с ударением на последнем слоге в конце каждого куплета, что подчеркивает их дружеские отношения:

*Me and my wife and my wife’s **pap**,
We’e all going down to Cumberland **Gap**.*

Парный способ рифмования (аабб) и мелодия в стиле блуграс (кантри) развивает маршевый ритм и создает мужские образы, поэтому жена в данных обстоятельствах только обладает мужскими качествами, она сильна духом, верная и надежная. Популярность песни во времена Гражданской войны (1861-1865) среди мигрантов, которые семьями преодолевали сотни миль, чтобы поселиться на новых территориях, доказывает приписывание женскому образу мужских качеств.

Результаты исследования доказывают, что в английских песенных текстах исторически преобладает мужская рифма, а акцент на женственности и нежности женского образа создается скорее с помощью других лингвистических средств, типа метафоры, сравнения или эпитета, а также вертикального контекста.

Следует также отметить песни с разными видами рифмы. В песне "Cindy" встречается и мужская, и женская рифма. Простая мужская рифма с ударением на последнем слоге почти во всех куплетах доказывает то, что песня является обращением мужчины к женщине. Простая женская рифма с ударением на предпоследнем слоге в припеве подчеркивает это обращение. В куплетах рифмуются только 2 и 4 строки, создается впечатление нечеткости чувств к девушке, но с акцентом на принятии решения открыться ей, что усиливается однообразным припевом с трехкратным повтором после каждого куплета:

*You ought to see my Cindy
She lives away down south.
She's so sweet the honeybees
Swarm around her mouth.*

Chorus:

*Get along home, Cindy Cindy
Get along home, Cindy Cindy
Get along home, Cindy Cindy
I'll marry you some day.*

Повтор строки в припеве *Get along home, Cindy Cindy* добавляет намерениям парня твердости и настойчивости, а повтор имени *Cindy Cindy* немного разбавляет назойливостью нежностью и уважением к любимой. Имя девушки повторяется также в каждом куплете, а в последнем повтор трехкратный. Это свидетельствует об увеличении уважения и любви.

Точная рифма – это классический вид, поэтому особенной окраски женским образам она не несет, а только организует стих. Мы сфокусировали наш научный интерес на внутренних рифмах, которые "разбивают длину строки и создают противоречие между тем, как она написана и как звучит. Сочетание этих контрастов дает комический эффект и иронический смысл" [2, с. 151]. В американском песенном фольклоре (далее АПФ) есть достаточно песен с сатирическими и ироническими нотками. Например, песня "Clementine" имеет внутреннюю рифму в строках, которые описывают жизнь девочки-неудачницы. Несмотря на лексическое наполнение, описывающее мужской образ в первом куплете и несоответствующую обувь Клементайн во втором, рифма в обоих примерах женская. Это противоречие действительно создает комическо-ироничный женский образ:

*Near a cavern, across from a canyon,
Excavating for a mine,
Lived a **miner**, forty-**niner**
And his daughter Clementine.*

*Light she was and like a fairy,
And her shoes were number nine.
Herring **boxes** without **tops**
Sandals were for Clementine.*

Отдельно следует отметить песни с упрощенной грамматикой, что позволяет зарифмовать строки, а также добавляет акцент простоты к образам. Юмористический образ девушки из бара (*The prettiest girl I ever saw was sippin' cider through a straw*) в песне "Sippin' Cider Through A Straw" кажется еще более простым и непринужденным.

Важно отметить, что рифма иногда отсутствует, особенно в припеве, а ее роль выполняют ритм или/и повтор:

*Far away, far away, far away, far away
She said: It's for my lover who is far far away
Far away, far away, far away, far away
She said: It's for my lover who is far far away.
("She Wore a Yellow Ribbon")*

Усиление ритма рифмой или использование ритма для замены рифмы предопределяет анализ этих средств в комплексе. Следовательно, ритму принадлежит не менее важная роль в формировании выразительности образа. Эстетический аспект ритма подчеркивали еще античные авторы. Цицерон писал по этому поводу так: «Итак, есть две вещи, которые радуют слух: звуки и ритм» [1, с. 227].

Стоит отметить, что ритмическое строение песни непосредственно связано с заложенным в ней смыслом и степенью эмоциональной окраски образов. Ритмическое изменение, активизируя внимание слушателя, способны не только передать замысел песни, обеспечить адекватное восприятие смысла сообщения, но и навязать реципиенту соответствующее видение ситуации, склонить его к определенным выводам.

Обращение к данной проблеме требует, прежде всего, четкого определения понятия ритма. Так как песня, которая является материалом нашего исследования, это комплекс музыки и поэзии, то понимание ритма

с точки зрения эстетики, где ритм считается принципом организации временных искусств – музыки, поэзии, танца, вызывая определенный вид антиципации и вызывая различные эмоциональные реакции со стороны реципиента [7, с. 458] есть ключевым. Толковый словарь дает общее определение ритма как «равномерного чередования упорядоченных элементов» [8]. Однако, Ю.М. Лотман убежден, это не механическое повторение, не удвоение понятия, а его качественное усложнение [5, с. 159]. Анализ литературы по стилистике [2; 13], ритму [3] и исследования автора [9; 11] показали, что ритм в песне часто есть результат комплексного использования средств стилистической фонетики и стилистического синтаксиса. Следовательно, можем предположить, что равномерное чередование стилистических средств, которое вызывает определенную эстетическую реакцию слушателя фольклорной песни и продуцирует соответствующие женские образы, будет оптимальным определением ритма в фольклорной песне для нашего исследования.

Ритм выполняет ряд функций: организующую, эстетическую, смыслообразующую, выразительную, символическую [2] и содержательную [4]. Для фольклорной песни особенное значение имеют все функции, ибо только в комплексном воздействии ритм осуществляет эмоционально-эстетический эффект на слушателя и передает различные оттенки формирования образов.

Принимая во внимание тот факт, что ритм может выполнять функции отсутствующей рифмы дает возможность предположить, что наличие ритма важнее рифмы для песенного текста. Для подтверждения или опровержения данной гипотезы следует рассмотреть результаты исследования.

Ритм всех песен стихотворный, что добавляет благозвучие и выразительность другим элементам песни. Ритмический узор песни образует определенный стихотворный размер и подчиняется системам стихосложения. Но для нашего исследования важно проанализировать те случаи, где ритм создает детали женского образа и является его орнаментом.

Для примера рассмотрим песню "Cindy". Ее ритм стихотворный, равномерный и ниспадающий, размер 4/4, темп 115-118 ударов в минуту [6], что соответствует темпу «очень резво (итал. *animato assai*)». Такое ускорение в куплете усиливается ускорением мелодии в припеве, что повторяется после каждого куплета. Как и во всех стихотворных произведениях, ритм выполняет роль рифмы, если последняя отсутствует. В анализируемой песне в каждом куплете первый и третий строки без рифмы, но эта деталь остается незаметной благодаря ритму. Также стоит отметить отклонения в размере, где музыкально это – 4/4, а по количеству ударных слогов или ударов 3,5 / 3,5 / 4 / 3,5. Последний (4) «удар» будто хвостик в 1, 2 и 4 строках, создает атмосферу нетерпения и ускорения. Вероятно, парень ждет встречи и желает ускорить время. С аккомпанементом песня звучит вдвое быстрее (изменение размера 4/4 на 2/4), ритм становится пунктирным, создается впечатление учащенного сердцебиения, что также подтверждает мелодия. Кроме того, этим добавляется эмфатика словам *Cindy* и *honeybees*. Вероятно, парень завидует тем «пчелам, которые кружатся вокруг уст любимой» и мечтает скорее ее поцеловать.

Еще один пример, где ритм выполняет роль отсутствующей рифмы, достоин внимания. Как мы уже определили при анализе рифмы, колыбельные есть контейнеры для исключительно женственных и нежных женских образов. Ритм в них равномерный и ниспадающий, что создает уют и покой, а там, где четкая рифма отсутствует, ее функции берет на себя ритм:

*Hush-a-bye, don't you cry
Go to sleepy little baby. (2 times)
When you wake you shall have
All the pretty little horses. (2 times)
("All the Pretty Little Horses")*

Можем предположить, что причиной незаметного отсутствия рифмы также является простота любимых народом песен. Выбранные для анализа песни тяготеют к симплификации описания всех имеющихся в них образов. Та же характеристика присуща самому народу [10]. Кроме того, средства стилистического синтаксиса органично создают простоту. Например, песня "Sea Lion Woman", где повторы (анафора и эпифора) создают ритм при отсутствии рифмы, при этом не теряет простоту образа:

*Sea Lion woman, Sea Lion
She drank coffee, Sea Lion
She drank tea, Sea Lion
And gamble, lie, Sea Lion*

Делая выводы, можем утверждать, что с точки зрения рифмования и ритмического строения фольклорная песня является яркой и насыщенной. Ее характер позволяет сосредоточиться не только на содержании, но и на форме организации песенного текста. Рифма и ритм выполняют ключевую роль в организации текста и формировании выразительности как женских образов, так и бэкграунда. Следовательно, комплексный подход к изучению женских образов в фольклорной песне гарантирует точность описываемых качеств.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Антична риторика : [навч. метод. розробка] / Л. Л. Звонська. – К. : ВПЦ "Київський університет", 2001. – 103 с.
2. Арнольд, И. В. Стилистика. Современный английский язык : [учеб. пособие] / И. В. Арнольд. – 4-е изд., испр. и доп. – М. : Флинта : Наука, 2002. – 384 с.
3. Гумовская, Г. Н. Ритм как универсальный закон построения языковых объектов : [учеб. пособие] / Г.Н. Гумовская. – М. : РИПО ИГУМО, 2002. – 164 с.
4. Краткий словарь по эстетике [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://estetiks.ru/ritm.html>
5. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. – М.: Искусство, 1970. – 383 с.
6. Определение темпа композиции. [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://akkordus.ru/services/bpmonline>
7. Петровская Е. В. Ритм / Е. В. Петровская // Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-науч. фонд; Науч.-ред. совет: предс. В. С. Степин. – т. 3. – М. : Мысль, 2001. – С. 458.
8. Ритм // Толковый словарь Ушакова [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1010430>
9. Сташко, Г. І. Засоби стилістичної фонетики у створенні жіночих образів (на матеріалі американського пісенного фольклору) / Г. І. Сташко // Наукові записки національного університету "Острозька академія". Серія : Філологічна. – 2014. – № 44. – С. 293-295.
10. Сташко, Г. И. Особенности американской фольклорной песни / Г. И. Сташко // Научный результат. Серия "Вопросы теоретической и прикладной лингвистики". Сетевой научно-практический журнал. – Белгород: Учредитель ФГЛЮУ ВПО "Белгородский государственный национальный исследовательский университет", 2014. – № 2 (2). – т. 1. – С. 131-136.
11. Сташко, Г. І. Роль засобів стилістичного синтаксису в створенні жіночих образів (на матеріалі американських фольклорних пісень) / Г. І. Сташко // Вісник Житомирського державного університету імені Івана Франка. Серія : Філологічна. – Житомир, 2015. – №4(82). – С. 81-87.
12. Appleby, A. America's All-Time Favorite Songs / A. Appleby, J. Stone. – New York. London. Sydney : Amsco Publications, 1991. – 398 p.
13. Panasenko, N. Musical and Linguistic Means of Creating Images in Traditional and Popular American Songs / N. Panasenko // Review of Arts and Humanities. – USA : American Research Institute for Policy Development. – Vol. 3. – No. 1. – 2014. – P. 23-43.
14. Raph, Th. The American Song Treasury. 100 Favorites / The Raph. – New York : Dover Publications, 1986. – 406 p.

Матеріал поступил в редакцію 04.05.16.

RHYME AND RHYTHM IN FEMALE IMAGES CREATION (BASED ON AMERICAN SONG FOLKLORE)

H. Stashko, Postgraduate Student of Department of Germanic and Finno-Ugrian Philology
Kyiv National Linguistic University, Ukraine

***Abstract.** This article presents the complex research of the rhyme and rhythm, which are expressive means of stylistic phonetics. Features of rhyme and rhythm, which have an effect on female images formation in American song folklore are found out. Considerable attention is paid to the role of rhyme and rhythm in the structure of the song text. On the basis of the research consistent patterns of rhyme and rhythm usage in American song folklore are determined and described.*

***Keywords:** rhyme, rhythm, stylistic phonetics, female images, song folklore, ethnos, American culture.*

УДК 811.133.1

ТЕЛЕСКОПИЯ В СОВРЕМЕННОМ ПОЭТИЧЕСКОМ СЛЭМЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)

О.В. Курских, кандидат филологических наук, доцент кафедры европейских языков
института международных отношений
ФГБОУ ВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет», Россия

***Аннотация.** В статье на примере французского поэтического слэма анализируется функционирование телескопных слов и словосочетаний как средства художественной выразительности и языковой игры с целью эмоционального воздействия на слушателя.*

***Ключевые слова:** словообразование, неологизм, телескопия, телескопное слово, игра слов, поэтический слэм.*

Слэм, являясь современной зрелищной формой поэзии, обладает огромным эмоциональным воздействием и дает импульс творческому воображению. Слэм пока еще не являлся темой научных исследований. Несмотря на обилие информации, вся она носит публицистический характер, что позволяет говорить, как минимум, о необходимости начала работы по поиску ракурсов теоретической и практической рефлексии над этим новым, фактически не изученным культурным феноменом.

Основателем международного движения «Поэтический слэм» (Poetry Slam) является американский поэт Марк Смит. Первые соревнования поэтов в артистическом чтении, организованные Смитом середине 80-х годов, быстро нашли свою аудиторию и обрели популярность. С того времени перформанс-поэзия (Performance Poetry), как ещё называют этот вид искусства, превратилась в массовое явление, распространившись по странам Европы.

Во Францию слэм пришел в середине 1990-х годов. На сцену выходят как отдельные поэты, так и коллективы авторов: Uback Concept, Neobled, Lyor et Ninanonyme, Nada et le collectif Spoke orchestra, 129H, Slamzine, Politbüro, Juliette et Sunday People, Le meilleur ami des mots (Souleymane Diamanka и John Banzaï), 8ème Sens (Gérard Menty, Twice и Aymeric), Tsunami MC, Spoken Word, le Robert en musique, Mots Paumés, Otman, Frédéric Nevchehirlian. Значительную роль в популяризации движения и продвижении поэтического слэма в массы сыграли Grand Corps Malade и Abd Al Malik, читающие свои тексты с музыкальным сопровождением.

Сегодня слэм стал отдельным направлением искусства, впитавшим в себя множество литературных, театральных, вокальных и прочих художественных практик. Во французских школах и университетах преподают мастерство поэтического перформанса и выделяют гранты наиболее талантливым молодым слэмерам.

Анализ записей выступлений представителей французской слэм-сцены свидетельствует о существовании большой вариативности как в плане текста стиха, так и в способах его прочтения. Слэм – это «озвученный», визуализированный текст, в котором мы имеем дело с психологическим состоянием автора, с актерской подачей, а, следовательно, с эмоциональным восприятием. Что касается тематики выступлений, слэм не имеет каких-либо обязательных атрибутов.

Говоря о лингвистическом потенциале текстов, нельзя не отметить их яркую художественную образность. Слово создает ощущаемые формы игры, действия, театрализации, передавая как внешнюю, так и внутреннюю динамику. Поэты пытаются различными способами преодолеть единообразие и статичность звуковой и ритмико-синтаксической формы стихового ряда и этим достичь его семантической и стилистической многомерности. Для этого они используют все потенциальные ресурсы грамматики и лексики французского языка.

В слэме широкое распространение приобрело авторское словотворчество. Оно представляет собой богатый материал в словообразовательном, функциональном и семантическом планах. У авторских слов содержательны и значение, и внутренняя форма.

По мнению Г.Г. Шпета, семантика поэтического слова зависит от версификационной структуры поэтического текста. Ее можно понять только после того, как значение слова в стихе будет отделено от значения самого стиха: задача исследователя заключается в предметном описании структуры слова и выделению в ней таких моментов, которые и делают это слово собственно поэтическим [Цит. по: Кузнецов 1991: 45].

Из пятидесяти рассматриваемых поэтических текстов авторства Grand Corps Malade, Souleymane

Diamanka и Mots Paumés был выделен ряд окказионализмов, значение которых складывается из смысла составных частей таких слов, т.е. определяется содержанием внутренней формы окказионализма. Тип словообразования данных слов во французской лексикологии называется телескопией. Также встречаются термины *mots-valises* «слова-чемоданы», *croisement* «скрещивание, пересечение», *greffe* «прививка», *emoitement* «вхождение, вкладывание», *mots-gigognes* «слова-матрешки», *mots-sandwiches* «слова-бутерброды» – все они служат синонимами «телескопному слову» [Кузнецова 2008: 103].

Телескопное слово – это слово, составленное из сегментов двух исходных слов (при этом деление слов на сегменты не связано с их делением на морфемы) или из двух полных слов с обязательным наложением общего звукового сочетания, которое мы выделили подчеркиванием:

- génocidre = *génocide* (геноцид) + *cidre* (цидр);
- l'avodka du diable = *l'avocat* (ду дьявола) + *la vodka*;
- (à vos) terroristes (et périls) = *terroriste* (террорист) + *risque* (риск);
- (les points d') infrasuture = (les points) *d'infrastructure* (объекты инфраструктуры) + *suture* (шов, стык)

- le (cordon) ombilicâble = *le cordon ombilical* (пуповина) + *câble* (кабель);
- le numérisque = *numérique* (цифровой) + *risque* (риск)
- réveil-martyre = *réveil-matin* (будильник) + *martyre* (нытка);
- cosmétoc = *cosmétique* (косметика) + *toc* (подделка);
- aujourd'hui nuit = *aujourd'hui* (сегодня) + *nuit* (ночь);
- massacré = *massacré* (истребленный) + *créé* (созданный).

В основном телескопные слова создаются с помощью усечения одного из исходных компонентов – чаще всего апокопы со звуковым наложением: (la science) *asphyxion* = *l'asphyxie* + *la fiction*; *agroalimenteurs* = *agroalimentaire* + *menteurs*; (depuis) *l'aborigine* = *aborigène* + *origine*. Усечение компонентов также необязательно. Оба базовых слова могут оставаться целыми (графически или фонетически), но при этом обязательно накладываются друг на друга: *orgymnastique* = *orgie* + *gymnastique*, *verballadeuse* = *verbal* + *balladeuse*.

Следует иметь в виду, что словесной игре подобных окказиональных образований присущ характер объективной художественной ценности, а не только функция игры ради игры. Характеристическая суть таких слов раскрывается в их внутренней форме, которая всегда семантически значима. Даже при номинации предметов творческой фантазии автора окказионализмы одновременно характеризуют их, делаясь в какой-то степени похожими на так называемые говорящие имена собственные. «Подсказка», позволяющая слушателю понять смысл игры слов, может содержаться в самом слове, в его форме, или в окружающем его контексте. Выделив составляющие компоненты, смысл телескопного слова часто легко вывести из значений исходных компонентов:

- (secousses) *racismiques* = *racisme* (расистский) + *sismique* (сейсмический);
- *chèvrefeuilleton* = *chèvrefeuille* (жимолист) + *feuilleton* (фельетон);
- *prestidigitocodes* = *prestidigitateur* (фокусник) + *digicode* (кодовый замок);
- (surchauffe) *mécaniculaire* = *mécanique* (механический) + *caniculaire* (знойный);
- (grenades à) *diaphragmentation* = *diaphragme* (диафрагма) + *fragmentation* (фрагментация);
- (l'énigme du) *spharynx* = *sphinx* (сфинкс) + *pharynx* (глотка);
- (la diffusion des) *fumigénocides* = *fumigène* (дымовая шапка) + *génocide* (геноцид);
- *Monétéo* = *Météo* (прогноз погоды) + *Monéo* (электронная платежная система);
- *Wi-Fidèle* = *wifi* + *fidèle* (верующий);
- *cybercaféine* = *cybercafé* (интернет-кафе) + *caféine* (кофеин);
- *trauma-térialisme* = *traumatisme* (травматизм) + *matérialisme* (материализм);
- *abstractivisme* = *abstrait* (абстрактное) + *activisme* (экстремизм);
- *compost-moderne* = *compost* (компост) + *post-moderne* (постмодерн);
- *déglinguistique* = *déglingué* (пьяный) + *linguistique* (лингвистика);
- *vocabulldozer* = *vocabulaire* (словарный запас) + *bulldozer* (бульдозер);
- *publiciternes* = *publicité* (реклама) + *citerne* (водоём);
- *métropolluées* = *métropole* (столица) + *pollué* (загрязненный);
- *déclinventé* = *déclin* (упадок) + *inventé* (выдуманный);
- *cauchemarché* = *cauchemar* (кошмар) + *marché* (рынок).

Важным в механизме телескопии является наличие у опорных слов общего звукового сегмента, таким образом происходит соединение не значимых морфем, а произвольных частей, фрагментов слов, что отличает телескопные слова от других видов словосложения.

Механизм телескопии действенен и на фразовом уровне, где также происходит наложение с помощью общего звукового сочетания. Ниже приведены наиболее «удачные» телескопные словосочетания, которые образованы из двух легко узнаваемых исходных компонентов с помощью общего элемента – слога или даже одного звука, служащего своего рода «мостиком» при сложении и делающего их более мотивированными:

La crise de prise de conscience	<i>La crise de conscience</i>	<i>La prise de conscience</i>
Une histoire de cul de sac	<i>Une histoire de cul</i>	<i>Un cul de sac</i>
Une vie conjugale... à égal	<i>Une vie conjugale</i>	<i>D'égal à égal</i>
Nos regards s'effacent à face...	<i>S'effacer</i>	<i>Face à face</i>
Ma main à couper... la parole des autres	<i>Ma main à couper</i>	<i>Couper la parole</i>
L'écran total du téléviseur...	<i>L'écran total</i>	<i>L'écran du téléviseur</i>
L'obligation du port du masque agace	<i>Port du casque</i>	<i>Masque à gaz</i>
De bouches à bouches d'évacuation	<i>Bouches d'évacuation</i>	<i>Bouche à bouche</i>
L'ascension des pics de pollution	<i>L'ascension des pics</i>	<i>Des pics de pollution</i>
Les moyens de locomotion de censure	<i>Les moyens de locomotion</i>	<i>Une motion de censure</i>
Illusion de fibre optique	<i>Illusion d'optique</i>	<i>Fibre optique</i>
Prêt à porte-monnaie	<i>Prêt à porter</i>	<i>Porte-monnaie</i>
Epris de marcher à découvert	<i>Prix de marché</i>	<i>Marché à découvert</i>
(passer) de bouche à bouche à oreiller	<i>Le bouche à bouche</i>	<i>Le bouche à oreilles</i>
Talons aiguilles vaudou	<i>Talons aiguilles</i>	<i>Aiguilles vaudou</i>

Рассмотренный механизм телескопии в слэме выполняет экспрессивную, игровую, т.е. паронимастическую, функцию, которая заключается в конструировании новых, оригинальных сложных слов или словосочетаний, сопровождаемых эффектом стилистического выделения на основе сближения с двумя исходными компонентами.

Особая словообразовательная функция телескопии состоит в объединении в новом слове или словосочетании не только двух форм, но и двух исходных смыслов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кузнецов, В.Г. Герменевтика и гуманитарное познание / В.Г. Кузнецов. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – 192 с.
2. Кузнецова, И.Н. Паронимическая неология во французском языке / И.Н. Кузнецова // Сб-к статей «Риторика ↔ лингвистика». Смоленский государственный университет. – Смоленск, 2008, т.2. – С.100-108.

Материал поступил в редакцию 04.05.16.

PORTMANTEAU MECHANISM IN MODERN POETRY SLAM (BASED ON THE FRENCH LANGUAGE MATERIAL)

O.V. Kurskikh, Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the European Languages Department of the Institute of International Relations
Pyatigorsk State Linguistic University, Russia

Abstract. *In this article the functioning of the portmanteau words and phrases as means of art expressiveness and language game for the emotional impact on the listener is analyzed on the example of the French poetry slam.*

Keywords: *word formation, neologism, portmanteau mechanism, portmanteau words, wordplay, poetry slam.*

УДК 81

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КВАНТИФИКАТОРНЫХ ВЫРАЖЕНИЙ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Н.Р. Сеидова, старший преподаватель
Азербайджанский Университет Языков (Баку), Азербайджан

Аннотация. Целью данной статьи является обзор параллелей и различий между характерными именными и глагольными системами, чтобы узнать, как они взаимодействуют с количественными выражениями. В этой связи массовые и количественные различия являются центральным пунктом. Утверждается взаимодействие между количественным выражением и массовыми или количественными различиями, существующими в номинальной системе. В то время как *beaucoup de (une grande partie de)* выбирает вещественное существительное (*beaucoup de*), *de nombreux* сочетается с исчисляемым существительным во множественном числе.

Ключевые слова: квантификатор, функционально-семантическое поле, именные / глагольные фразы.

В современной лингвистике сосуществуют два противоположных направления развития: тенденция к интеграции и тенденция к дифференциации различных языковых явлений. Теория функциональной грамматики предоставляет возможность работать в обоих этих направлениях. С одной стороны, исследование функционально-семантических полей позволяет объединять явления различных языковых уровней на основе наличия у них общего категориального значения. С другой стороны, ориентация на содержание позволяет более четко дифференцировать разные семантические сферы и более подробно описывать отдельные средства реализации той или иной языковой категории [1, 2].

Так, например, в рамках функционально-семантических полей компаративности с общекатегориальным значением степени признака можно выделить несколько взаимопересекающихся и взаимодействующих микрополей с определенным набором конститuentов. Кванторами называются лексические единицы, отражающие количественные характеристики качественных слов. До сих пор в лингвистике предпринимались в основном попытки описания средств реализации категории компаративности как системы или ее отдельных подсистем [3, с. 132]. Такие исследования проводились на материалах языков с различными системами, которым было уделено гораздо меньше внимания. В основном изучались синтетические и аналитические формы степеней сравнения. Слова-кванторы во французском языке еще не стали самостоятельным объектом лингвистического исследования. Таким образом, довольно большой пласт языковых единиц, функционирующих в сфере категории компаративности, остается недостаточно исследованным.

Целью данной статьи является обзор параллелей и различий между характерными именными и глагольными системами, чтобы узнать, как они взаимодействуют с количественными выражениями. В этой связи массовые / количественные различия являются центральным пунктом. Пример (1) показывает взаимодействие между количественным выражением и массовыми или количественными различиями, существующими в номинальной системе. В то время как *beaucoup de (une grande partie de)* выбирает вещественное существительное (*beaucoup de*), *de nombreux* сочетается с исчисляемым существительным во множественном числе:

- (1) a. *Jean mange trop de pain / de *sandwiches au petit-déjeuner.*
b. *Jean mange trop de sandwiches / *de pain au petit-déjeuner.*

Массовые / количественные различия номиналов (именных сказуемых) часто сравнивают с видовыми различиями в глагольной области. Неограниченные глаголы, в том числе *courir*, сравниваются с массовыми существительными, а предельные глаголы, такие как *courir dans la maison*, сравниваются с исчисляемыми существительными. Тем не менее, сходства лишь частично отражаются, по мере того, как они сочетаются с кванторами.

Оказывается, психологические глаголы не изменяются по тем же правилам, что и глаголы (базовые) стадийного уровня, в то время как свойства абстрактных существительных при использовании в положении аргумента не очень отличаются от свойств вещественных или количественных существительных. [4, с. 81].

Глаголы обладают массовыми / количественными различиями, несколько схожими с имеющимися в номинальной системе. Наряду с параллелями, есть также некоторые поразительные различия, наиболее замечательным из которых является то, что массовые / количественные различия в вербальной системе носят в значительной степени композиционный характер и зависят от эталонных свойств определенных аргументов именных фраз. Эти аргументы, как говорится, и «отмеривают» [5, с. 201] событие. Основная семантическая разница между вещественными и количественными существительными заключается в том, что количественные выражения всегда предоставляют нам критерий для подсчета, а вещественные существительные нет, или же, как мы

приводим доводы ниже, не обязательно. Существительные, такие как *l'eau, l'or u le vin* – вещественные и относятся к субстанции, а такие, как *le lac, la bague u la bouteille*, являются исчисляемыми и относятся к объектам. Различие между этими двумя типами существительных оправдывается их синтаксической классификацией. Наряду с существительными, относящимися к физическим объектам (исчисляемыми) и к сущности (вещественными), существуют и абстрактные существительные, которые разделяют вещественный или количественный синтаксис с количественными или вещественными существительными. Количественные существительные, такие как *l'idée, la caractéristique, и l'opinion*, не относятся к физическим объектам, но предоставляют критерий подсчета и принимают участие в распределении количественных существительных, а существительные *le bonheur u l'appréciation* в этом не участвуют, функционируя в качестве вещественных существительных.

В контексте вещественных / количественных различий невозможно не сказать о переходе вещественных параметров в количественные и количественных в вещественные. Примером перехода количественных показателей в вещественные является пара *la poule/le poulet*. Начав с исчисляемого существительного *la poule*, мы можем образовать вещественное существительное *le poulet*, которое относится к куриному мясу. На основе вещественного существительного *la bière* мы можем образовать исчисляемое *de la bière* на основе перехода вещественных показателей в количественные, которые относятся к типу пива, или же наоборот, к подаче пива. Часто наблюдаемые процессы перехода могут затруднить решение того, с каким именно типом существительного мы имеем дело. Более того, если мы хотим показать, что в определенной конструкции возможны только вещественные существительные или только количественные существительные, мы должны исключить интерпретацию перехода. Отныне при невозможности вещественной или количественной формы будет ставиться знак #, который указывает, что данная форма невозможна, если только не имел место переход. Таким образом, использование # в # *de la bière* указывает на то, что форма *de la bière* возможна только тогда, когда вещественное существительное *la bière* перешло в количественную интерпретацию.

Есть несколько распределительных различий между вещественными и количественными существительными. Первое и самое поразительное различие в том, что количественные существительные имеют форму как единственного, так и множественного числа, а вещественные существительные этим качеством не владеют:

- (2) a. # *ors*, # *eaux*, # *vins*
b. *bagues, lacs, bouteilles*

Примеры 2a не приемлемы, поэтому мы и приводим количественное значение *l'eau, l'or и le vin* со знаком #.

Количественные выражения часто чувствительны к вещественным, количественным свойствам и свойствам множественности существительных, с которыми они сочетаются. Неопределенный детерминант *un / une* выбирает единственное число исчисляемого существительного, в то время как количественные числительные и ряд других определяющих количество выражений, таких как *quelques*, выбирает форму множественного числа существительного:

- (3) a. *une bague, deux lacs, plusieurs bouteilles*
b. * *une bague, * deux lacs, * plusieurs bouteille*
c. # *un or, # deux lacs, # plusieurs vin (s)*

Когда в примерах 3a, 3b и 3c присутствуют такие элементы, как *kilo, litre* или *bouteille*, они вносят: *un kilo d'or, deux litres d'eau, plusieurs bouteilles de vin*.

Исчисляемые существительные во множественном числе и вещественные существительные имеют много общего. Ядром их сходства является совокупное стандартное свойство, которое может быть описано следующим образом. Если у вас есть две части Р (где Р обозначает именное сказуемое), и когда вы складываете их, то сумма оказывается также Р, значит, Р имеет совокупное стандартное свойство. Куайн ранее показал, что это есть свойство вещественных выражений. Возьмем, например, существительное *le thé*. Если жидкость в нашей чашке – это чай, и жидкость в чайнике тоже, сумма этих жидкостей – также чай. Линк [7] показывает, что простые исчисляемые существительные во множественном числе обладают этим свойством наряду с вещественными существительными – если животные в этом лагере – лошади, и животные в том лагере – тоже лошади, животные в обоих лагерях – лошади.

Более явные доказательства сходства вещественных существительных и форм множественного числа основаны на распределении количественных выражений. Количественные выражения, названные нами кванторами степени, образуют довольно большой кросс-лингвистический набор.

Во многих языках существительные, употребляемые только во множественном числе, и вещественные существительные могут иметь экзистенциальное чтение, в то время как существительные, употребляемые только в единственном числе этого могут не иметь.

Чиерчия [6, с. 95] отмечает, что Qs, которые сочетаются только с вещественными существительными, довольно редко встречаются кросс-лингвистически. Существует тенденция использовать эти Qs также и с формами во множественном числе. Рахилина [5, с. 83] сообщает, что дети продолжают использовать *beaucoup* со словами во множественном числе до 8-летнего возраста.

Французский является исключением в том, что существительные, употребляемые только во множественном числе, и только вещественные существительные не могут быть использованы в качестве аргументов. Им всегда предшествует неопределенный детерминант *du / de la / des*. Различные формы соответствуют мужским и женским формам единственного и множественного числа, соответственно:

- (4) a. *Jean a lu * (des) livres*
 b. *Jean a mangé *(de la) glace*

Невозможность только именных конструкций в этом примере объясняется отсутствием морфологии формы множественного числа. На французском различие между единственным и множественным числом существует только в письменной форме, так как признак множественного числа *-s* обычно не произносится: *книга* – *Livre* произносится так же, как *книги* – *livres*. Лишь небольшой класс существительных имеет слышимую другую форму для единственного и множественного чисел (например: *Cheval [ʃval]* – *лошадь* против *Chevaux [ʃvo]* – *лошади*).

Тем не менее, за исключением случаев невозможности использования их в качестве только именных фраз, французские существительные во множественном числе выступают в качестве реальных форм множественного числа. В первую очередь, они непосредственно сочетаются с количественными числительными: *un livre* – *книга*, *deux livres* – *две книги*. На втором месте такие фразы, как *trois enfants* – *трое детей* – возлагают на глагол множественное согласование. Мы осмеливаемся предположить, что даже при том, что французские существительные не явно отмечены признаками числа, они содержат функцию единственного или множественного числа, что делает их совместимыми с определенными Qs, включая числительные.

Существительные могут легко перейти из исчисляемых в вещественные и наоборот. Основываясь на том, как функционируют эти переходы, утверждаем, что между вещественными и исчисляемыми существительными должны существовать лексические различия. Как видно ниже, переход вещественного в исчисляемое происходит более или менее закономерным образом, в то время как переход исчисляемого в вещественное – довольно непредсказуемо. В обоих случаях имеются примеры существительных, сопротивляющихся переходу, что показывает, что не может быть так, что либо все вещественные существительные выводятся переходом исчисляемого в вещественное, либо все исчисляемые существительные – через переход вещественного в исчисляемое. Мы не рассматриваем формальные свойства переходов.

В переходе исчисляемого в вещественное большую роль играет «универсальный шлифовальный станок» (этот термин введен Дэвидом Льюисом), который превращает исчисляемое существительное в вещественное. В принципе, любой количественный термин, имеющий физические объекты в своем обобщении, может быть использован в соответствующем контексте в качестве вещественного члена. Пример, иллюстрирующий идею, заключается в следующем: *Мать Термит жалуется по поводу сына и говорит:*

Jean est très fastidieux. Il va manger un livre, mais il ne touchera pas l'étagère. (Жан очень разборчив в еде. Он съест книгу, но не коснется полки).

В этом примере типичное исчисляемое имя существительное используется в качестве вещественного. Существительные *le livre* и *l'étagère* соответствуют здесь материалу, из которого сделаны книги / полки. Существительные, не обозначающие физические объекты, не переходят из исчисляемых в вещественные. Примерами существительных, которые не могут «пройти шлифовку», являются такие абстрактные исчисляемые существительные, как *la caractéristique*, и *l'aspect*. Процесс перехода из количественного значения в вещественное происходит довольно регулярно. В общем, случаи, когда существительные, обозначающие физические объекты, могут подвергнуться перемещению, обозначая вещество, из которого сделан объект, происходят чаще, чем другие.

Перемещение из вещественного в исчисляемое гораздо сложнее. Часто можно интерпретировать вещественное существительное N_{mass} как количественный термин, относящийся к типу N_{mass} , исполнение N_{mass} или предмет N_{mass} , но эти процессы не являются очевидными. Например, наличие типа чтения N_{mass} не означает, что имело место перемещение вещественного в исчисляемое.

Ils ont vendu ce (type de) bois pendant des années. – (Они продавали эту (этом тип) древесину в течение многих лет).

Слово *le bois* не может быть количественным термином в этом типе чтения N_{mass} , потому что не может стоять во множественном числе. Для того чтобы получить множественное значение, используется сложная форма *types de bois* – *виды древесины*, как показано в следующем примере:

- (5) *Ils vendent différent bois dur / sortes de bois.*
Ils vendent de différents types de bois dur.
Они продают различные виды прочного дерева.

Это не тот случай, когда вещественное существительное *le bois* вообще не может быть использовано в качестве исчисляемого существительного. В *bois dur* существительное является исчисляемым, как показывает существование единственного и множественного числа. К другим словам, которые сопротивляются переходу

вещественного в количественное посредством чтения типа N_{mass} , относятся *le verre – стекло, le sable – песок, les déchets – отходы* и т. д., хотя между говорящими могут быть некоторые различия.

В других случаях тип чтения N_{mass} не подразумевает перемещение вещественного в количественное из-за невозможности образования множественного числа. В качестве примера можно привести *le vin – вино*:

- (6) *Marie a goûté des vins différents.*
Мари попробовала разные вина.

Приведенные примеры показывают, что наличие исчисляемого типа чтения N_{mass} не свободно. Другие возможности интерпретации N_{mass} как исчисляемого существительного являются производными N_{mass} или частью N_{mass} . Здесь вновь необходимо указать на то, что эти процессы не предсказуемы, будучи перемещением из исчисляемого в вещественное, как обсуждалось выше. В другом примере показаны три способа, когда вещественное существительное может использоваться в качестве исчисляемого. Исчисляемое существительное может быть такой же формы, как и вещественное существительное, может быть составным, в котором существительному предшествует уточнение. Уменьшительные формы всегда исчисляемы. Это не тот случай, однако, когда сложные и уменьшительные слова должны быть выведены из простого исчисляемого существительного, после того, как имело место перемещение из вещественного в количественное.

Утверждение, что все существительные в английском языке могут быть фактически вещественными, было выдвинуто со стороны Шарви. Шарви утверждает, что перемещение из вещественного в исчисляемое не может быть лексическим, но может осуществляться путем ввода в синтаксис пустого классификатора [8, с. 169, 349]. Использование вещественного существительного *la bière* как исчисляемого в *deux bières* возможно благодаря наличию пустого классификатора на синтаксическом уровне, который отвечает за смену. В этом отношении английский может быть похож на цифровые классификационные языки, такие как китайский, в котором у всех существительных есть синтаксис вещественного существительного и который требует наличия классификатора в контексте порядкового числительного. Существительные являются вещественными, и количественная интерпретация предполагает синтаксическую вставку классификатора.

Существует, однако, свидетельство против данного утверждения, которое показывает, что перемещение функционирует как лексическое, а не как синтаксическое действие. Аргумент против утверждения Шарви основан на форме существительного. Вещественные существительные не имеют обозначения множественного числа при использовании с классификатором, как и в *deux verres de bière (# s)*. Вещественные существительные, которые подверглись перемещению из вещественного в исчисляемое, обычно несут множественную морфологию при использовании во множественном числе (*différents vins, trois verres*). Кто-то может склониться к тому, чтобы сказать – как это делает Шарви – что множественная морфология непроизносимого классификатора переносится на ядерное существительное. Эта гипотеза очень маловероятна по следующей причине. Множественные морфемы могут быть опущены в некоторых конкретных ситуациях. В ресторане мы можем использовать такие фразы, как *deux rices* – два риса и *trois bières* – три пива, без множественной морфологии глагола. Фразы этого типа возможны также в определенных языках с численным классификатором. Во вьетнамском, например, обязательный в остальных случаях классификатор в ресторане можно опустить в таких случаях, как *deux roulets* – два цыпленка, *trois boeufs* – три говядины, *deux cafés* – два кофе и т. д. Использование конструкций данного типа в языках с классификатором, а также тот факт, что форма вещественного существительного в этих случаях такая же, как в контексте открытого классификатора, предполагает, что существует на самом деле немой классификатор, присутствующий в этих конструкциях. Это, в свою очередь, показывает, что наличие множественного числа в *trois vins* довольно сомнительно в подходе Шарви, поскольку не обнаружена множественность в контексте немой классификатора в ресторанной обстановке. Как следствие, перемещение из вещественного в исчисляемое необходимо расположить в лексиконе. Можем заключить, что в лексиконе должны быть вещественные и исчисляемые существительные. Мы не можем считать, что все существительные по существу исчисляемы, что вещественные существительные являются производными перемещения из вещественного в исчисляемое посредством «Универсальной шлифовки», учитывая, что вещественные существительные никогда не могут быть использованы в качестве исчисляемых существительных. Мы также не можем допустить, что все существительные по своей природе вещественны, учитывая существование таких существительных, как *la caractéristique, l'aspet*, которые не относятся к вещественным существительным. Кроме того, мы утверждали, что сам сдвиг из вещественного в исчисляемое является лексическим процессом, а не результатом синтаксической вставки немой классификатора, в противовес доводам Шарви [8].

Вещественные и количественные свойства существительных в определенной степени соответствуют видовым свойствам глагольных сказуемых. В обеих областях указательные признаки, такие как кумулятивный указатель, квантованный указатель и элементарный указатель, играют роль, которая отвечает за структурные свойства области объектов и области событий. Предлагаем отобразить эти свойства в синтаксисе наличием \wedge -позиции, которая может быть либо скалярной, отражающей масштаб, внесенный структурой полурешетки присоединения, либо не скалярной. Выражения в форме единственного числа не имеют скалярной структуры, и, следовательно, содержат не скалярную позицию.

Номинальное вещественно-количественное различие – явление в основном лексическое. Статус суще-

ствительного приведен в лексиконе, и сдвиги также имеют место в лексиконе. Что касается вербального количественного вещественного различия, на лексическом уровне важна только часть вещественно-количественных свойств. Мы приводим доводы в пользу того, что в лексиконе существует разница между вещественно-вещественными (*courir*) и количественными вещественными глаголами (*sauter*), которые сопоставимы с различием между вещественно-вещественными и исчисляемыми вещественными существительными. В обоих случаях у предикатов есть кумулятивный указатель, в то время как у количественных вещественных выражений имеются лексически определенные минимальные части, которых нет в вещественно-вещественных выражениях. В вербальной системе нет четкой параллели номинальной оппозиции единственного / множественного числа, хотя есть несколько близких по значению явлений. Несмотря на лексические различия между глаголами, вербальное вещественно-количественное различие в значительной степени является синтаксическим явлением. Не только глагол определяет вещественный или количественный статус VP, при условии, что аргументы могут влиять на вещественно-количественные свойства VP.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдуллаев, А. А. Актуальное членение, текст и дискурс / А. А. Абдуллаев. – Баку, 2011. – 272 с.
2. Жаботинская, С. А. Концептуальная модель частеречных систем: фрейм и скрипт / С. А. Жаботинская // Когнитивные аспекты языковой категоризации. – Рязань, 2000. – 311 с.
3. Кубрякова, Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения / Е. С. Кубрякова. – М., 1997. – 291 с.
4. Падучева, Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью / Е. В. Падучева. – М.: Наука. – 1985. – 271 с.
5. Рахилина, Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость / Е. В. Рахилина. – М., 2000. – 354 с.
6. Chierchia, G. Plurality of Mass Nouns and the Notion of Semantic Parameter / G. Chierchia. – Manuscript, University of Milan. – 1995. – 220 p.
7. Link, G. The Logical Analysis of Plurals and Mass Terms: A Lattice-theoretical Approach. Meaning, Use and Interpretation of Language, edited by R. Bauerle, C. Schwarze and A. von Stechow / G. Link. – Walter de Gruyter, Berlin. – 2009. – pp. 302–323.
8. Sharvy, R. Maybe English has no count nouns: notes on Chinese semantics / R. Sharvy // Studies in Language. – 2:3. – 1988. – pp. 345–365.

Материал поступил в редакцию 25.04.16.

SPECIFIC CHARACTERISTICS OF QUANTIFIERS IN FRENCH

N.R. Seidova, Senior Teacher
Azerbaijan University of Languages (Baku), Azerbaijan

Abstract. *The article deals with parallels and differences between systems of noun and verb phrases to know how they interrelate with quantifiers. And for this purpose, the mass and quantity differences are the central focus in this article. The interrelation between quantifiers and mass specifics is stated. At the same time beaucoup de (une grande partie de) chooses a material noun (beaucoup de), and de nombreux matches up with nouns in the plural.*

Keywords: *quantifier, functional semantic field, noun / verb phrases.*

УДК 81-23

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАНЦУЗСКОГО ДЕЛОВОГО ПИСЬМА

Е.Н. Торопова, кандидат филологических наук,
доцент кафедры «Иностранные языки в гуманитарном и естественно-научном образовании»
ФГБОУ ВПО «Астраханский государственный технический университет», Россия

Аннотация. Рассматривается необходимость учета социального фактора при отборе лексико-грамматических средств, используемых при составлении делового письма.

Ключевые слова: деловая корреспонденция, социальный фактор, статус, лексико-грамматические средства, восходящий / нисходящий вид коммуникации.

Деловое письмо представляет собой особый тип письменной речи, выделяемый в рамках официально-делового стиля речи. Оно характеризуется определенным набором лексических, грамматических и синтаксических средств, а также определенной коммуникативной направленностью.

Одним из основных факторов, влияющих на выбор лексико-грамматических средств, является социальный подтекст. Статус каждой стороны, а также уровень партнерских отношений собеседников – чрезвычайно важный момент, который необходимо учитывать при составлении делового письма.

В ходе анализа деловой корреспонденции, осуществляемой нашими университетами-партнерами по совместному проекту, был выделен ряд характерных особенностей отбора лексико-грамматических средств, обусловленных несколькими социальными факторами, такими как, например, степенью доверия партнеров друг к другу, этапом развития сотрудничества и др.

Взаимодействие вышеуказанных факторов было изучено с помощью социопрагматического подхода, который предполагает изучение взаимосвязей между отобранными коммуникантами лексико-грамматическими средствами и факторами, влияющими на коммуникацию (ситуация, взаимоотношения коммуникантов и т.д.).

Несмотря на то, что в научном мире не существует единого мнения о необходимости учитывать особенности национального характера при анализе того или иного вида коммуникации, а также существование понятия «национальный характер» ставится под сомнение большинством ученых, на практике процесс коммуникации начинается с восприятия собеседника как представителя чужой культуры, то есть со сравнения его с национальным стереотипом. Построение деловых связей с представителями французского бизнеса основано на образе психологического стереотипа французов, на их национальном характере.

Рассмотрим основные черты стереотипа француза-бизнесмена. Прежде всего, деловой человек во Франции – патриот. И, как следствие, отсутствие в деловой корреспонденции французов иноязычной лексики.

Следующей характеристикой француза-бизнесмена является его статус. Социальная информация находит свое отражение в выборе одного из возможных видов коммуникации: восходящего – при обращении к вышестоящему по статусу собеседнику, нисходящего, а также горизонтального – при переписке коллег одного социального уровня.

При обращении к вышестоящему чиновнику следует указать его пост, регалии, после слов *Madame / Monsieur* обязательно указывается имя адресата. Пренебрежение в указании имени получателя письма иногда влечет за собой отказ в обратной связи.

Варианты *Cher Monsieur / Chère Madame* допустимы только при обращении к уже хорошо известным персонам. Слова *Monsieur* и *Madame* заменяют именами при обращении к коллегам равным по статусу «*Cher*» обозначает переход на следующий уровень общения, возникновение доверия к партнеру. Недопустимо фамильярное отношение к своему коллеге в официальной переписке, даже при наличии дружеских отношений.

При наличии у адресата нескольких должностей указывается самая высокая.

С точки зрения синтаксиса, в восходящем типе коммуникации наблюдается употребление сложных фраз, тогда как при переписке коллег одного отдела предпочтение отдается употреблению простых фраз.

Социальный регистр определяет также отбор формулировок для завершения письма. Так, в первых письмах партнеров было обнаружено наиболее частотное употребление фраз: *Je vous prie d'agr eer mes salutations distingu ees. Avec mes remerciements, je vous prie de trouver ici, Madame, Mademoiselle, l'expression de mes sentiments distingu es.* На следующих этапах развития партнерских отношений наблюдается изменение регистра и содержания заключительных фраз: *Cordialement (bien cordialement). Sinc erement.*

Однако следует отметить, что в восходящей корреспонденции на любом этапе сотрудничества используются более официальные, стандартные формулировки:

Je vous prie de recevoir, Madame, Monsieur, mes salutations respectueuses. Avec toute ma gratitude, je vous prie d'agr eer, Monsieur le Pr sident, l'expression de mon profond respect.

Еще одной чертой стереотипа француза является его оригинальность. Коммерческая корреспонденция характеризуется такими стилевыми чертами как официальность, стандартизованность, точность и нейтральность.

Официальность коммерческой корреспонденции проявляется в подчеркнуто вежливой манере изложения, использовании аналитических конструкций и строгом отборе лексических средств. Выражение всякого рода чувств имеет умеренный характер и не нарушает общей эмоциональной нейтральности изложения, как правило, эти выражения входят в число трафаретно употребляемых лексических единиц. В содержании французского делового письма традиционно выделяется несколько смысловых частей: введение в деловую ситуацию, проблема, предложения, заключение (прощание). Однако нестандартное лексическое наполнение этих частей позволяет определить различные оттенки межличностных отношений.

Ограниченные рамками статьи мы остановились лишь на некоторых особенностях делового письма. При всей своей стандартизованности французская деловая коммуникация представляет собой широкое поле для дальнейших исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сальникова, Ю.А. Социопрагматический подход в изучении медиатекстов американской качественной прессы [Электронный ресурс] / Ю.А. Сальникова. – Режим доступа: www.gramota.net/materials/1/2008/8-1/72.html.
2. Стернин, И.А. Проблемы анализа структуры значения слова / И.А. Стернин. – Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 1979. – 156 с.
3. Danilo, M. Le français de l'entreprise / M. Danilo, B. Tauzin. – Paris: CLE International, 1997.

Материал поступил в редакцию 04.05.16.

SOME PECULIARITIES OF THE FRENCH BUSINESS WRITTEN COMMUNICATION

E.N. Toropova, Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of Department "Foreign Languages in Education in the Humanities and Natural-Science"
Astrakhan State Technical University, Russia

***Abstract.** The need of the social factor considering at selection of the lexical and grammatical means used by the business letter communication is considered.*

***Keywords:** business correspondence, social factor, status, lexical and grammatical means, the ascending / descending type of communication.*

УДК 81.13

МЕТОДЫ ГЕРМЕНЕВТИКИ ПЕРЕВОДА ТЕКСТА И ОПЫТ ИХ ПРИМЕНЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Л.Г. Бузук, кандидат философских наук, доцент кафедры лингвистики и перевода
Российский государственный социальный университет (Москва), Россия

Аннотация. В статье дается характеристика и представление о существующих методах и методиках преподавания английского языка. Уточняются понятия «методология», «метод» и «методика». Рассматриваются классическая, естественная, интенсивная и коммуникативная методика, выделяются дидактический и герменевтический методы, эффективное функционирование которых возможны лишь при их правильном включении в соответствующую методику.

Ключевые слова: методика, метод, дидактический метод, герменевтический метод, классическая методика, естественная методика, интенсивная методика, коммуникативная методика.

Общество во все времена нуждалось в межнациональных коммуникациях, а соответственно и в людях, способных их осуществлять. Эта потребность нашла отражение в притче о строителях Вавилонской башни, заговоривших на разных языках и не сумевших завершить свою работу. Однако до недавнего времени область применения труда переводчиков (толмачей) была ограниченной. В эпоху глобализации, на рубеже XXI века, ситуация радикально изменилась, нужда в знании языков стала проявляться повсеместно. Знание иностранных языков превратилось в насущную потребность межкультурных связей. Актуальность приобрели не только проблемы качественного обучения иностранным языкам, но и точности перевода различных художественных, исторических, философских, религиозных и прочих текстов. Ведь нередко содержание одного и того же текста порождало различные варианты истолкования.

Цель данной статьи состоит в характеристике и упорядочивании существующих представлений о методах, методиках преподавания английского языка. Для начала уточним значение однокоренных слов: «методология», «метод», «методика». Методология (буквально «учение о методах») развивает теорию методов и методик. Методология – это теория в действии. Ее задача состоит в разработке эффективных подходов, способов, приемов изучения иностранного языка. Под методом понимается прием обучения языку, применяемый преподавателем. В арсенале обучающих методов ни один не является лучшим и не превосходит другие. Каждый метод необходим для выполнения конкретных задач обучения в соответствующей методике. Методика представляет собой алгоритм (способ) применения методов в системе «учитель – ученик» для эффективного обучения иностранному языку. Цели методики во многом определяют методологические принципы, лежащие в основе обучения, выбор необходимых методов и последовательность их применения. Кроме того, нет универсальной методики на все времена, для всех обучаемых, которые имеют разные цели, условия и потребности в обучении.

Применяемые при обучении иностранному языку методы следует разделить на две взаимосвязанные группы: дидактические (показ и ознакомление, объяснение, тренировка, контроль) и герменевтические (понимание, интерпретация и их сочетание в виде: герменевтического круга, герменевтической дуги). Охарактеризуем их содержание.

Дидактическая группа методов обучения формирует у учащихся знания, навыки, умения устного и письменного общения на английском языке. **Показом и ознакомлением** называется дидактический метод, направленный на предъявление конкретной задачи, иноязычного учебного материала и действий по его усвоению. В ходе показа преподаватель стремится реализовать так называемое «золотое правило дидактики»: чем больше органов чувств задействовано в обучении, тем эффективнее идет усвоение учебного материала. С этой целью преподаватель старается задействовать как можно больше органов чувственного восприятия обучаемого (слуховое, зрительное) при показе предмета или действия, произнесением названия на английском языке, написанием этого слова (словосочетания) на учебной доске, при необходимости изображением ситуации, рисунком. Показ дидактических единиц иностранного учебного материала, действий по его реализации тесно связан с ознакомлением и сопровождается, как правило, внутренним и внешним проговариванием. Следующий метод преподавания английского языка – **объяснение**, под которым понимается раскрытие существенных признаков, структуры, функций, причинно-следственных связей того или иного речевого действия, облегчающих обучаемым самостоятельный поиск этих ориентиров. Посредством объяснения идет проникновение в лингвистическую суть явлений и процессов. Объяснение представляет собой дидактическую систему интеллектуальных действий по приобретению обучаемыми иноязычного речевого опыта, необходимых навыков и умений перевода текстов. **Тренировка** как метод преподавания английского языка направлена на поэтапное усвоение учебных действий по закреплению дидактических единиц посредством многократного повторения упражнений в условиях, максимально приближенных к реальному процессу общения. В ходе тренировок у учащихся

происходит управляемое накопление необходимого опыта письменного и устного речевого общения. Большое значение среди дидактических методов отводится **контролю**, направленному на проверку степени усвоения учебных знаний, исправление выявленных ошибок в действиях учащихся. Наибольшую пользу метод приносит во взаимосвязи с самоконтролем – сопутствующим методом обучения. По мере овладения английским языком, преподавательский контроль эволюционирует в самоконтроль обучаемого, не только с точки зрения правильного лингвистического построения речевых выражений, но и с позиции герменевтического выражения её содержания.

Герменевтическая группа методов преподавания английского языка связана с точной передачей авторского смысла и адекватным толкованием содержания текста. **Понимание** – важнейший метод герменевтики, направленный на бережное сохранение и точную передачу авторского смысла через постижение ценностей внутреннего мира человека и культуры. Понимание предполагает: (а) «диалог» переводчика с авторским текстом; (б) хорошее знание биографии автора и его житейских обстоятельств, обстоятельств создания текста; (в) учет социокультурных, религиозных особенностей конкретной исторической эпохи, региона, страны. **Интерпретация** – метод истолкования скрытых смыслов текста, его явных и неявных смыслов посредством интуиции, сопереживания. Толкование смысла переводного текста по своей творческой природе оказывалось схожим с искусством, а любое механическое применение методических правил вело к искажению. Интерпретация зависит от таланта толкователя. Очевидны недостатки метода: высокий уровень субъективности толкования смысла; слабая аргументация в объяснении причин интерпретируемых событий; неоправданное возвышение авторитета переводчика и частое игнорирование мнения аудитории. В результате интерпретация смысла нередко превращалась в вольный пересказ от имени автора. Понимание и интерпретация активно взаимодействуют, обращены как «вовнутрь», в субъективность (жизненный опыт переводчика и содержание переводимого текста), так и «вовне» (внеязыковые, социокультурные контексты). Переводчик через интерпретацию содержания текста формировал представление о понимании авторского смысла, которое уточнял в ходе последующей интерпретации. Интеллектуальное движение от понимания к интерпретации и обратно позволяло переводчику глубже проникать в смысл авторских рассуждений. Это смысловое движение по кругу оформилось в **«герменевтический круг»** – метод, когда целое понимается через его части, а часть понимается из целого. Событие (фрагмент текста) соотносится с конкретной исторической эпохой, содержанием которой, в свою очередь, детализируется через частные события. На взаимодействии понимания и интерпретации основан и метод **«герменевтическая дуга»**, предложенный Полем Рикёром. Метод выделял два взаимосвязанных, но разнонаправленных подхода: от понимания (предварительного понимания, гипотетического понимания) к объяснению (субъективное оценивается объективно-рациональными аргументами) и от объяснения к пониманию. В первом случае формируется гипотетическое понимание смысла текста, основанное на аналогиях, догадках. Обилие возможных гипотез свидетельствует о существовании множества интерпретаций прочтения авторского текста. Гипотетически сформированное понимание оценивается объективно-рациональными аргументами объяснения. В другом случае мысль двигалась от объяснения к пониманию [2, с. 100–105; 3, с. 130–135].

Методы обучения английскому языку начинают эффективно функционировать только при их включении в соответствующую методику. Исторически сложились следующие методики преподавания английского языка: классическая (традиционная), «естественная» (прямой метод), интенсивная, коммуникативная.

Классическая (традиционная) методика обучения английскому языку пришла к нам от лицейстов, изучавших таким образом «мертвые языки»: латынь и греческий язык. Расцвет этой грамматико-переводной методики пришелся на конец XIX – начало XX веков. На протяжении 2 – 3 лет изучались грамматические правила и порядок их применения при переводе текста с родного языка на иностранный. Считалось, что эта методика через постоянные лингвистические упражнения и систематическое изучение грамматики является «логической гимнастикой ума». Упор делался на грамматику и почти механическое овладение вокабуляром, чтение и перевод. Овладение языком требовало большого упорства и долгого рутинного труда. Знания, навыки, умения закреплялись достаточно однообразными заданиями: чтение текста, перевод, запоминание новых слов, пересказ, упражнения по тексту. Основные принципы этой методики сохранились в языковых вузах при подготовке профессиональных переводчиков и педагогов. Достоинства данной методики очевидны: (1) учащиеся овладевают разными лексическими пластами; (2) знания грамматики языка доводятся до уровня уверенного владения, что позволяет обучаемым не путаться в сослагательном наклонении или прошедшем времени; (3) формирует понимание языковых и речевых взаимосвязей, представление о языке как системе, а не ограничивается выражением «так надо»; (4) иностранный язык становится реальным и полноценным средством общения в единстве как устной, так и письменной речи. К недостаткам данной методики следует отнести: (1) ориентированность на ранний возраст обучаемых и изучение языка «с нуля»; (2) методика в значительной степени превращает изучение языка в самоцель; (3) большая часть учебного занятия идет на родном языке, а применение иностранного языка происходит лишь при выполнении заданий и переводе текстов; (4) много времени отводится механическому запоминанию посредством многократного повторения.

«Естественная» методика (прямой метод) возникла во второй половине XX века. У большого числа людей возникла жизненная потребность в той или иной степени знать иностранные языки. Спрос рождает предложение. Стали создаваться функциональные методики преподавания иностранного языка под решение конкретных языковых задач. Зачем, например, секретарю-референту или офисному менеджеру приобретать заведомо ненужные знания о палатализации согласных или актуальном членении английских предложений? «Естественная» методика ориентирована на овладение лингвистическими знаниями и речевыми навыками английского языка. Упор делается на интуитивное овладение языковым материалом посредством погружения учащегося в языковую среду. Особое внимание

уделяется устной речи, постановке произношения (фонетике). Полисемия (многозначность слов) преодолевается через смысловой контекст и установление смысловых связей речевого общения. Мало внимания уделяется грамматике. Предпочтение отдается «наблюдательной грамматике», когда на основе хорошо изученного текста учащийся самостоятельно выводит правила языка. Грамматические курсы (их всего три) служат мостами-связками между ступенями обучения. После первого этапа учащийся, вооруженный набором грамматических конструкций и словарным запасом в 600 – 1000 слов, не должен потеряться за границей, в стране изучаемого языка. Недостатки: трафаретность фраз, бедный словарный запас, множество грамматических ошибок. На втором этапе обучаемый умеет разбираться в грамматике собственной речи, правильно строить речевые фразы, точно формулировать смысл своих мыслей. После третьего этапа он становится полноправным участником речевого общения.

Интенсивная методика функциональна, направлена на механическое повторение и запоминание стандартных фраз, игнорирование контекста в процессе изучения языка. Данная методика предназначена для специалистов, которым требуется овладеть иностранным языком для общения с людьми из других стран в кратчайшие сроки. Так как английский язык состоит более чем на 25 % из клише, то интенсивному изучению способствует высокая степень его формализации. Овладев кругом «устойчивых выражений», учащийся может объяснить и понять собеседника. Речевые шаблоны усваиваются на учебных занятиях через интенсивное диалоговое общение и речевые тренинги. Важно обеспечить неограниченное общение и максимальную реализацию языкового потенциала для того, чтобы учащийся преодолел страх речевого общения на иностранном языке. Ускоренная программа обучения по интенсивной методике в небольших группах при высоком уровне самомотивации обучаемых составляет 2 – 3 месяца. Конечно, неизбежны претензии к грамматике и произношению, но сформированное «речевое поведение» обеспечит удовлетворительное понимание смысла текстового общения. Обучение по интенсивной методике позволяет быстро и эффективно научиться разговаривать на иностранном языке в предельно сжатые сроки.

Коммуникативная методика изучает иностранную разговорную речь в ситуациях. Методика копирует естественный процесс освоения детьми родного языка. Цель – научить говорить на языке, а затем и думать на нем. Упор в методике делается на игровые ситуации, диалоги, задания по обнаружению ошибок, развивается не только память, но и логика. Разговорной речи уделяется больше внимания, чем письменной. Из четырех «китов» любого языкового тренинга: чтение, письмо, говорение и аудирование, особое внимание уделяется двум последним. Профессионал, регулярно читающий иностранные издания, владеет достаточным словарным запасом, легко ориентируется в тексте, но беседа с иностранным коллегой на ту же тему ведет с трудом, так как ему мешает страх речевого общения на иностранном языке из-за недостаточных навыков разговорной речи. Известно, что 52 % лингвистических ошибок совершаются под влиянием родного языка, а 44 % связаны с изучаемым языком. Коммуникативная методика преодолевает эти трудности через активизацию речемыслительной активности обучаемых благодаря: (1) индивидуализации обучения, вне ее изучение языка невозможно; (2) использованию языка в различных ситуациях; (3) новизне обучения (перефразирование речевых построений, избегание шаблонов, динамичность речи). Коммуникативная методика призвана снять страх перед общением, но не сводится только к ведению примитивной беседы [1, с. 30–35]

Содержание статьи позволяет сделать следующие обобщения. Дидактический потенциал преподавания иностранного языка состоит из возможностей обучающих методов (приемы обучающей деятельности) и методик обучения (алгоритм применения методов для обучения иностранному языку). Методы обучения иностранному языку делятся на дидактические (показ и ознакомление, объяснение, тренировка, контроль) и герменевтические (понимание, интерпретация и их сочетание в виде: герменевтического круга, герменевтической дуги). Каждый из них выполняет учебные задачи в методике преподавания английского языка: классической (традиционной), «естественной», интенсивной, коммуникативной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Коньшева, А. В. Английский язык. Современные методы обучения / А. В. Коньшева. – Минск: ТетраСистемс, 2007. – 352 с.
2. Ricoeur, P. Creativity in Language / P. Ricoeur // Philosophy Today. – 1973. – P. 97–111.
3. Ricoeur, P. The Hermeneutical Function of Distanciation / P. Ricoeur // Philosophy Today. – 1973. – P. 129–143.

Материал поступил в редакцию 21.04.16.

THE HERMENEUTIC TECHNIQUES OF TEXT TRANSLATION AND THE PRACTICE OF THEIR APPLICATION IN THE ENGLISH LANGUAGE TEACHING PROCESS

L.G. Buzuk, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of Linguistics and Translation Department
Russian State Social University (Moscow), Russia

Abstract. The article provides characteristic and overview of the existing methods and techniques of English language teaching. The notions of “methodology”, “method” and “teaching techniques” are clarified. The classical, natural, intensive and communicative methodologies are considered along with the didactic and hermeneutic techniques, effective implementation of which is possible only if they are properly introduced into the corresponding methodology.

Keywords: methodology, method, didactic techniques, hermeneutic techniques, classical methodology, natural methodology, intensive methodology, communicative methodology.

════════════ **Comparative Historical, Typological and Comparative Linguistics** ════════════
 ════════════ **Сравнительно-историческое, типологическое**
и сопоставительное языкознание ════════════

УДК 811.19, 811.353.1

**КОНСТРУКЦИИ С РЕЗУЛЬТАТИВНЫМ / ПЕРФЕКТИВНЫМ ПРИЧАСТИЕМ
И ГЛАГОЛОМ «ИМЕТЬ» В АРМЯНСКОМ И ГРУЗИНСКОМ ЯЗЫКАХ**

В.А. Кагирова, кандидат филологических наук, ассистент
 Санкт-Петербургский государственный университет, Россия

***Аннотация.** В статье рассматриваются семантика и дистрибуция конструкций с результативным / перфективным причастием в современном восточноармянском и грузинском языках. До сих пор данные конструкции не становились объектом специального исследования, между тем они представляют определенный интерес для типологии результативных конструкций и перфекта. На материале армянского и грузинского можно наблюдать процесс развития «альтернативной» формы перфекта со вспомогательным глаголом «иметь», наряду с уже существующей системой форм со вспомогательным «быть».*

***Ключевые слова:** армянский, грузинский, вспомогательный глагол, перфект, результатив, типология.*

Данная статья ставит перед собой задачу рассмотреть семантику и дистрибуцию конструкций, занимающих несколько маргинальное положение в системе личных форм глагола в армянском и грузинском языках. Речь идет о комбинации результативного (армянский) или перфективного (грузинский) причастия с формами презенса и имперфекта глагола «иметь» (арм. *unenal*, груз. *akvs / hqavs*).

- (1a) арм. *bolor ays barik'nerə stac'ac uner* *ir anji mej*
Все эти добродетели стяжал в себе. [Ganjakec'i Kirakos, Hayoc' patmut'yun, 1982]
- (1b) груз. *mamas jayli tviton hqavs dabmuli.*
Отец сам привязал собаку. [8, с. 272]

Данные конструкции не входят в систему личных форм глагола современных литературных армянского и грузинского; их употребление в большей степени характерно для разговорного языка. Как формально, так и семантически они представляют собой посессивный результатив с тенденцией к развитию значения перфекта. В то же время, в обоих литературных языках присутствуют и широко употребляются как результатив, так и перфект. Таким образом, наблюдается нетривиальное явление синонимии форм, тем более интересное, что оно обнаруживается синхронно в двух неродственных, однако на протяжении длительного времени контактирующих друг с другом языках.

Известно, что конструкция с причастием и глаголом «иметь» занимает центральное место в развитии перфекта во многих индоевропейских языках. Изначально в такой конструкции используются только предельные переходные глаголы [9, с. 73]. В работах, посвященных развитию перфекта на базе посессивного результата, традиционно цитируется следующий пример из народной латыни:

- (2) лат. прост. *Navem paratam habeo*
У меня подготовлен корабль [11]

Посессивный результатив, согласно [5, с. 23], распространен в меньшей степени, чем два других типа результативных конструкций – субъектный и объектный; кроме того, данный тип конструкции связан с известными лексическими ограничениями: использующиеся в них предикаты во многом определяются лексической семантикой субъекта и объекта. В упомянутой выше работе [5] приводится классификация лексических типов глаголов, образующих посессивный результатив. Выделяются следующие группы: 1) глаголы типа брать, получать, терять; 2) глаголы типа надевать (одежду); 3) глаголы, описывающие движения, осуществляемые различными частями тела (опускать голову, открывать рот и т. п.); 4) глаголы, описывающие действия над различными частями тела агенса, такие как сломать ногу (свою); 5) глаголы типа окружать, следовать (“self-attachment”); 6) глаголы со значением есть, пить; 7) глаголы типа видеть, слышать, учить и т. п.; 8) устойчивые сочетания типа совершить (подвиг, ошибку).

В дальнейшем возможно расширение лексической базы посессивного результатива за счет: 1) расширения сферы нахождения объекта (ср. глаголы 1 и 2 групп) от непосредственно тела посессора, до его одежды, жилища или иным образом ассоциируемого с посессором пространства (3); 2) расширения понятия «посессор» до включения в него лиц, тем или иным образом заинтересованных в результате действия (4).

(3) *У меня на стене висит картина.*

(4) *У меня сварен суп.*

Развитие перфекта из результатива, согласно [3, с. 289–290], связано именно с дальнейшим расширением сочетаемости результативных показателей; в самом общем виде перфект можно представить как ослабленный результатив и начальную стадию развития на базе результатива показателей прошедшего времени. О развитии перфектной семантики можно говорить в тот момент, когда эта конструкция (изначально допускающая в основном предикаты «изменения состояния») распространяется на динамические предикаты всех типов [4, с. 69]. В качестве одного из способов различения результатива и перфекта предлагается тест на сочетаемость с наречием «все еще»:

* (5a) He is still gone.

* Он все еще ушел.

(5b) He has still gone.

Он все-таки ушел. [4, с. 67]

Что касается вспомогательных глаголов, употребляющихся в результативных конструкциях, «быть» и «иметь», как правило, маркируют различные диатезные типы (субъектный и объектный результатив соответственно). Это различие может сохраняться и при развитии перфекта, и даже при утрате им собственно перфектной семантики (ср. *Passé composé* в современном французском и *Perfekt* в немецком). Конструкции с «быть» и «иметь» находятся в отношениях дополнительной дистрибуции; выбор связан с лексическим типом предиката.

В современном литературном восточноармянском языке представлены как перфект (6a), так и результатив (6b). Обе формы используют вспомогательный глагол «быть» и различаются причастием: перфект образуется с помощью причастия на *-el*, восходящего к древнеармянскому причестию на *-eal*, сочетавшему результативную и перфектную семантику [1, с. 97]. Результатив образуется с помощью причастия на *-ac*. Перфектное причастие употребляется только в составе глагольной формы, результативное же может выступать и независимо – в атрибутивной функции или субстантивированно.

(6a) *Es nstac em.*

Я сижу.

(6b) *Es nstel em.*

Я сел.

Грузинская глагольная система по своему устройству сложнее армянской, однако и здесь также представлены результатив (7a, 7b) и перфект (8a) со вспомогательным *-a* (<*aris* «быть»). Следует отметить, однако, что перфект, образованный с помощью причастия и вспомогательного «быть», возможен только для интранзитивов (ср. 8a и 8b).

(7a) *am suratze jayli daxatuli-a.*

На этой картине нарисована собака.

(7b) *es kaci gamkrali-a.*

Этот человек исчез.

(8a) *surati daxatul-a.*

Картина была нарисована.

(8b) *mapas jayli dauxatavs.*

Папа нарисовал собаку.

Вспомогательный «иметь», таким образом, не используется ни в одной из этих форм. Однако диахронически присутствие посессивной конструкции просматривается на материале как армянского, так и грузинского: в древнеармянском субъект при переходном перфектно-результативном предикате принимал форму родительного падежа (9). Это явление отсутствует в современном языке.

(9) *Yovnatanu čer lueal...*

Овнатан (род. п.) не слышал... [http://212.34.228.170/bible_28E/w20461.htm]

В современном грузинском транзитивный перфект продолжает сохранять связь с посессивностью: в таких конструкциях субъект кодируется дативом (как и субъект глаголов обладания), а объект – номинативом.

(10) *mamas mankana hqavs.*

У папы (дат. п.) есть машина (им. п.).

Теперь перейдем непосредственно к интересующему нас явлению, а именно, к конструкциям с результативным / перфективным причастием и глаголом «иметь». В статье Н. А. Козинцевой, посвященной результативным конструкциям в современном армянском языке [6], эти формы не упоминаются; краткие упоминания о них можно, тем не менее, встретить в грамматической и даже учебной литературе [1, с. 104], [2]. При этом авторы не сообщают, в каких случаях и в каком регистре языка используются эти формы; из их указаний можно заключить только, что это относительно редкое явление.

В том же сборнике [10], посвященном результативным конструкциям, в статье о грузинском формам со вспомогательным «иметь» отведен небольшой раздел [8, с. 272], при этом автор отмечает, что, поскольку в данной конструкции возможно употребление глаголов со значением действия, следует полагать, что уже начавшийся процесс трансформации посессивного результата в перфект. Однако и здесь нет никаких указаний на статус данных конструкций в системе личных форм глагола в современном литературном грузинском.

Для того, чтобы определить, насколько частотны формы со вспомогательным «иметь», от каких глаголов они образуются, и какова их семантика, в данной статье используются два источника материала: 1) электронные корпуса современного восточноармянского [http://eanc.net/] и грузинского [http://corpora.iliauni.edu.ge/?q=ka] языков, оснащенные грамматической разметкой; 2) поисковая система Google. Решение использовать Google было связано с рабочей гипотезой, согласно которой интересующие нас конструкции в большей степени характерны для разговорного языка.

Сбор материала осуществлялся следующим образом: в электронных корпусах был задан поиск «результативное / перфективное причастие + презенс / имперфект глагола “иметь”» (расстояние между словоформами нулевое). Для армянского было найдено 2532 соответствия. Однако большую часть составляли омонимичные результативным причастиям существительные на *-ac* (такие как *kaskac* «сомнение»; одно только сочетание *kaskac* + «иметь» дает 758 соответствий). Грузинский корпус предложил лишь 403 результата, из которых некоторые также представляли собой омонимичные перфективному причастию прилагательные и существительные.

В связи с ограниченным объемом и предварительным характером данного исследования было принято решение рассмотреть 33 предиката для каждого языка; выбор носил отчасти произвольный характер, однако предпочтение отдавалось наиболее часто встречающимся результатам. Учитывая общее количество соответствий, можно сказать, что была рассмотрена, по крайней мере, одна десятая часть всех предикатов, встречающихся в данной конструкции.

Выбранные предикаты и статистика их употребления представлены в первых двух столбцах приведенной ниже Таблицы 1.

Второй этап заключался в использовании поисковой системы Google. В соответствии с рабочей гипотезой о том, что среди переходных глаголов, использующихся в данной конструкции и приближающих ее по семантике к экспериенциальному перфекту, первостепенное место занимают глаголы со значением получения информации / опыта, был задан поиск результативное / перфектное причастие + презенс 1 лица единственного числа вспомогательного «иметь» пяти глаголов («видеть», «слышать» (2), «читать», «пить»). Результаты поиска для армянского и грузинского представлены ниже в третьем и четвертом столбцах Таблицы 1.

Таблица 1

Статистика употребления конструкций с результативным / перфективным причастием и вспомогательным иметь

Национальный корпус армянского языка	Корпус грузинского языка Государственного университета им. И. Чавчавадзе	Google (грузинский)	Google (армянский)
1. t'k'el плевать (284)	1. gadacqveṭa решать (12)	1. nanaxi makvs я видел 72700	1. tesac unem 0
2. b'nel держать / хватать (133)	2. čadēna совершать (11)	2. čak'itxuli makvs я читал 33800	2. kardac'ac unem 1
3. hagneṭ надевать (84)	3. miničeba присуждать (11)	3. mosmenili makvs я слышал 6260	3. lsac unem 0
4. dneṭ класть (58)	4. miyeṭba получать (8)	4. gagonili makvs я слышал 5340	4. _____
5. pahel хранить (37)	5. gamokveqneba публиковать (7)	5. daleuli makvs я выпивал 2220	5. xmac unem 0
6. greṭ писать (26)	6. šegneba сознавать (6)		
7. sackel покрывать (18)	7. gagoneba слышать (5)		
8. grkel обнимать (14)	8. mopikreba обдумывать (5)		
9. t'ak'c'nel прятать (11)	9. motaveba оканчивать (5)		
10. xreṭ втыкать (11)	10. tkma говорить (5)		
11. kapel привязывать (11)	11. čak'itxva прочесть (4)		
12. tesnel видеть (8)	12. ganzraxva замышлять (4)		
13. patrastel готовить (6)	13. ačeva поднимать (3)		
14. kaxel вешать (6)	14. šenišvna замечать (3)		
15. seymeṭ прижимать (6)	15. dacva защищать (2)		
16. usumnasireṭ изучать (4)	16. dadeba класть (2)		
17. šalakeṭ взваливать на плечи (4)	17. dakarga терять (5)		
	18. qidva покупать (1)		

Окончание таблицы 1

Национальный корпус армянского языка	Корпус грузинского языка Государственного университета им. И. Чавчавадзе	Google (грузинский)	Google (армянский)
18. sertel зубрить (4) 19. nkarel рисовать / фотографировать (3) 20. (ač'k'ə) kt'el уставиться (3) 21. utel есть (2) 22. kutakel нагромождать (2) 23. tnkel втыкать в землю / сажать (2) 24. sark'el сооружать (1) 25. katarel совершать (1) 26. t'ek'el склонять (голову) (1) 27. xtanal густеть (зд. накапливать) (1) 28. xmel пить (1) 29. hašvarkel рассчитывать, производить расчет (1) 30. nšel отмечать (1) 31. ordegreл усыновить (1) 32. c'c'el втыкать / насаживать (1) p'orjel пробовать (1)	19. toxveva наматывать (1) 20. časvena опадать (бока опали) (1) 21. čakroba гасить (1) 22. čamoqalibeba сформировать (1) 23. dagmanva законопатить (1) 24. motexa ломать (1) 25. damduvva ошпарить (1) 26. dariceba клятва (1) 27. daxveva наматывать (1) 28. gadaçurva процеживать (зд. терять надежду) (1) 29. gaqidva продавать (1) 30. moqvеса укорачивать (1) 31. mošoreba удалять (1) (разлучать) 32. sçavla учить (1) šecnoba познавать (1)		

Очевидно, что данные конструкции немногочисленны и действительно занимают несколько маргинальное положение в глагольных системах армянского и грузинского языков. Все глаголы переходные. Обращает на себя внимание несовпадение армянских и грузинских предикатов. Отчасти это явление может объясняться неполным охватом материала, но, по-видимому, оно также отражает различие в семантике и дистрибуции интересующих нас конструкций в этих двух языках.

Списки предикатов для каждого из языков были сопоставлены с приведенной выше классификацией посессивных результатов, с учетом двух возможных путей расширения лексической базы этих конструкций. Результаты сопоставления представлены в Таблице 2.

Таблица 2

Классификация предикатов
(числа во втором и третьем столбцах соответствуют номеру предиката в таблице 1)

	армянский	грузинский
1. «получение / утрата»	2, 27, 31	3, 4, 17, 18, 29, 31
2. «надевание»	3, 7, 10, 11, 17	19, 27
3. «движения частей тела»	26	13
4. «воздействие на части тела»	_____	23, 24, 25, 30
5. «self-attachment»	8, 15	_____
6. «принятие пищи»	21, 28	_____
7. «получение информации»	12, 16, 18	6, 7, 11, 14, 32, 33
8. устойчивые сочетания	20	2, 16, 20, 28
9. расширение сферы местонахождения объекта	4, 5, 6, 9, 14, 22, 23	21
10. расширение понятия «посессор»	13, 19, 24, 25, 29, 30, 33	1, 5, 8, 9, 10, 12, 15, 22, 26

Таким образом, в класс 1 вошли армянские предикаты *b'nel* «держать» / «хватать», *xtanal* «густеть» (зд. «накапливать», о потенциале), *ordegreл* «усыновить». Предикат *b'nel* «брать» / «хватать», кроме того, наиболее частотный³ из армянских предикатов. С точки зрения темпорально-аспектуальных характеристик, такие формы, как правило, близки презенсу и имперфекту, так как описывают ситуацию, продолжающуюся в указанный момент:

(11a) *арм.* Dimac'i jivovə əf jefk'um **b'rac uni** išanakan gavazan.
Всадник напротив держит в правой руке княжеский посох. [Avetisyan Kamsar, Naykakan ētyudner, 1979]

Для грузинского в этот класс входят *miničeba* «присуждать» *mičeba* «получать», *qidva* «покупать», *gaqidva* «продавать», *dačargva* «терять», *mošoreba* «удалять». Первые два также сравнительно частотны. В ряде случаев здесь возможна трактовка, близкая к перфекту / плюсквамперфекту:

(11b) *груз.* ganatleba **mičebuli hkonda** imave derptis universitetši.
Он (к тому моменту) получил образование в том же Дертском университете.

Класс 2 включает арм. *hagnel* «надевать», *sackel* «покрывать», *xrel* «втыкать», *kapel* «привязывать», *šalakel* «взваливать на плечи» и груз. *toxveva* «наматывать», *axveva* «наматывать». В обоих языках данные предикаты описывают длящуюся ситуацию:

(12a) арм. *tesno^owm ek^o, nranc^oic^o šaterə šalakac unen iranč^o tnayin karasinerə:*

Видите, многие из них несут за плечами домашнюю посуду. [Raffi, Davit^o Bek, 1882]

(12b) груз. *mхrebze moxveuli akvs tavšali*

На плечи у нее намотан платок. [http://geolit.ge/robakidze/proza/gvelis_perangi/mzis_narqeni.html]

В класс 3 входят по одному предикату от каждого языка, арм. *t'ek'el* «склонять» (голову), груз. *ačeva* «поднимать»:

(13a) арм. *Na alewor gluxə t'ek'ac uner graseyani vra:*

Он склонился седой головой на письменный стол. [Raffi, Xent'ə, 1881]

(13b) груз. *minebi mudam ačeuli hkonda mankanas*

У машины стекла всегда были подняты. [<http://corpora.iliauni.edu.ge/?q=search-words>]

Класс 4. оказывается пустым для армянского, но довольно многочисленным для грузинского. В него входят груз. *dagmanva* «законопатить», *damduvrva* «ошпарить», *točexa* «сломать», *točvesa* «укорачивать».

(14) груз. *marjvena tatic damduvruli hkonda*

Левая лапа у него тоже была ошпарена.

В класс 5, пустой для грузинского, можно включить арм. *grkel* «обнимать» и *seymel* «прижимать». В обоих случаях речь идет о длящейся ситуации:

(15) Es def *grkac unei* hors alewor gluxə

Я все еще обнимал седую голову отца. [Raffi, Xač'agoği hišatakaranə, 1869 – 1870]

Класс 6 для грузинского вновь оказывается пустым (хотя поиск Google дает соответствующие употребления – см. ниже). В армянском найдены следующие предикаты: *utel* «есть», *xmel* «пить». Однако оказывается, что оба вхождения для *utel* «есть» не подпадают под данную категорию. В первом случае речь идет об устойчивом сочетании *erdum utel* «поклоняться» (букв. «съесть клятву»), во втором же текст очевидно на западноармянском. Зато пример с глаголом *xmel* «пить» можно трактовать как экспериенциальный перфект (возможно, важную роль здесь играет отрицание). Существенно и то, что в данном примере приводится прямая речь персонажа (разговорный регистр):

(16) *tğen kyank'um ēdk'an xmac č'uner...*

Парень в жизни столько не пил. [Nazaret'yan Ara, Handart patmvač'ner]

Класс 7 оказывается довольно многочисленным для обоих языков. В него входят арм. *tesnel* «видеть», *usumtasirel* «изучать», *sertel* «зубрить» и груз. *šegneba* «сознавать», *gagoneba* «слышать», *čakitxva* «прочесть», *šenišvna* «замечать», *šçavla* «учить», *šçpnoba* «познавать». В силу семантики данных предикатов во многих случаях допустима трактовка форм в качестве экспериенциального перфекта (плюсquamперфекта):

(17a) арм. *Erbek' šatrvan tesac č'uni:*

Он никогда не видел фонтан. [Ačemyan Vardan, K'aos, 1959]

(17b) груз. *mat saxarebis garda verxistqaosanic čakitxuli hkondat da visramianic, amičom kargad icodnen...*

Они помимо библии читали также "Витязя в тигровой шкуре" и "Висрамиани", поэтому хорошо знали... [<http://corpora.iliauni.edu.ge/?q=search-words>]

Класс 8 включает арм. (*ač'k'ə*) *kt'el* «уставиться», груз. *čadena* «совершать», *dadeba* «класть», *čacvena* «опадать» («бока опали»), *gadačurva* «процеживать» (зд. «терять надежду»). В отличие от арм. (*ač'k'ə*) *kt'el*, который в данной конструкции означает длящуюся ситуацию и используется, согласно данным корпуса, только в двух текстах XIX в., грузинские предикаты широко распространены в современном языке и допускают перфектную трактовку:

(18a) арм. *T'iflitz, inč'pes or tesank', shat'e-shat' ač'k'ə kt'ac uner, t'e Ağa Mahmad xani krakə, ordianč' or a, ēl krkin ir glxin kt'ap'i:*

В Тифлисе, как мы видели, многие внимательно следили, что огонь Ага Махмад хана вот-вот опять польется на их головы. [Abovyan Xač'atur, Verk' Hayastani, 1841]

(18b) *visac adre čadenili hkonda janmrtelobis ganzrax mjime dazianeba*

Тот, кто ранее причинял умышленный тяжкий вред здоровью... [<http://corpora.iliauni.edu.ge/?q=search-words>]

(18c) *imedi didixania ukve gadacuruli akvs*

Он давно уже потерял надежду. [<https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:26XesR-8dNkJ:https://ka-ge.facebook.com/583986698294165/photos/pb.583986698294165.-2207520000.1456274357./1324735227552638/%3Ftype%3D3+&cd=6&hl=ru&ct=clnk&gl=ru>]

Особый интерес представляют классы 9 и 10, поскольку именно они должны являться переходным звеном между результативом и перфектом. К этим классам была отнесена большая часть предикатов для обоих языков.

Класс 9 включил *арм.* *dnel* «класть», *pahel* «хранить», *grel* «писать» (но см. также ниже, класс 10), *t'ak'c'nel* «прятать», *c'c'el* «втыкать / насаживать», *kaxel* «вешать», *kutakel* «нагромождать», *tnkel* «втыкать в землю / сажать» и *груз.* *čakroba* «гасить». Большая часть предикатов так или иначе означает местонахождение в пространстве, и образованные ими конструкции по семантике остаются ближе к результату, чем к перфекту, так как на первое место ставится длящаяся ситуация, а не действие, которое к ней привело:

(19a) *арм.* *Azganowə: Inč'-or teğ grac unem: Lezvis cayrin a, ha:*

Имя? Где-то у меня записано. Вот на языке вертится... [Haykakan Žamanak, 2005.07.02]

(19b) *арм.* *inj hamar mišt erku toms pahac uner.*

У него для меня всегда припасено два билета.

К классу 10 решено было отнести *арм.* *patrastel* «готовить», *nkarel* «рисовать / фотографировать», *sark'el* «сооружать», *katarel* «совершать», *hašvarkel* «рассчитывать», *nšel* «отмечать», *p'orjel* «пробовать» и *груз.* *gadacqveṭa* «решать», *gatokveqneba* «публиковать», *topikreba* «обдумывать», *motaveba* «оканчивать», *tkma* «говорить», *ganzraḫva* «замышлять», *dacva* «защищать», *čamoqalibeba* «сформировать», *dapiceba* «клясться». Это самый неоднородный и спорный класс. Основание отнесения к нему предикатов – понятие посессора как лица, тем или иным образом заинтересованного (задействованного) в результате действия – довольно зыбко. В части случаев результативное значение (длящейся ситуации) сохраняется (20); но в большинстве случаев результативная семантика в крайней степени ослаблена; формы могут трактоваться как перфект (21) – (25).

(20) *арм.* *Ar'sos, or heğinakə č'i trum ira liakatar bařaranə or patrastac uni*

Жаль, что автор не печатает свой полный словарь, который у него подготовлен [Meğu Hayastani, 1862.09.22 #38]

(21) *арм.* *ink'ə porjac uni dimakayelu bolor metodnerə.*

Он испробовал все методы противостояния [<http://www.armversion.am>]

(22) *арм.* *kyank'ums drakan xosk' grac č'unem bolšewikneri masin:*

Я в жизни ни одного положительного слова не написал о большевиках [Kamsar Leř, Karmir örer]

(23) *груз.* *visac sadok'oto đaculi akvs xuti botli koniakit, mas upleba akvs ašçavlos*

кто докторскую защитил за пять бутылок коньяка, тот имеет право преподавать [<http://24saati.ge/news/story/38555-khuti-koniakis-fasad-datsuli-disertatsiebi#sthash.L4TD2PGs.dpuf>]

(24) *груз.* *sçuxda, tumca gonebaši uqve mopikrebuli hkonda qvelaperi*

Он волновался, хотя в уме уже все обдумал [<http://corpora.iliauni.edu.ge/?q=search-words>].

Те 5 предикатов, которые использовались во время второго («контрольного») этапа сбора материала, давшего существенное количество примеров для грузинского и почти нулевой результат для армянского, формально принадлежат к классам 6 (принятие пищи) и 7 (получение информации). Однако, как уже было сказано, формы с данными предикатами могут трактоваться как перфект.

(25) *груз.* *es pilmi nanaxi makvs.*

Я видел этот фильм [<http://reportiori.ge/old/geworld.ge/?menuid=2&id=54115>]

Ср. (20 – 25) и приведенные ниже примеры (26-28), в которых употреблены формы перфекта:

(26) *груз.* *atasi pilmi minaxia msgavsi scenarit.*

Я тысячу раз видела этот фильм [<http://forum.rustavi2.com/index.php?showtopic=3458&st=2640>]

(27) *арм.* *K'ardašyanə nra met'odə p'orjel ē ir mazeri vra.*

Кардашян его метод опробовала на своих волосах. [<http://www.1in.am/214524.html>]

(28) *груз.* *raimə konkretuli štrağia ar momipikria řer*

Я еще не придумала какую-то конкретную стратегию.

Таким образом, конструкции с результативным / перфективным причастием в современном восточно-армянском и грузинском языках обнаруживают значительное сходство: они представлены в литературном языке в относительно небольшом количестве; в обоих языках данные конструкции (в зависимости от лексической семантики предиката и контекста) могут трактоваться как собственно результативы, но в то же время присутствует тенденция развитию у них значения перфекта. В обоих языках эта тенденция проявляется в первую очередь для классов глаголов, которые можно обозначить как глаголы «получение опыта». Задействованы и оба возможных пути расширения семантики результативных конструкций: расширение сферы местонахождения объекта (в первую очередь – для армянского) и расширение понятия «посессор» (в первую очередь – для грузинского).

В то же время обращает на себя внимание очевидно большее разнообразие предикатов, участвующих в данных конструкциях, в грузинском языке по сравнению с армянским; тенденция к развитию семантики перфекта также сильнее для грузинского.

В целом, предварительно можно прийти к заключению, что в обоих языках наряду с главенствующими формами результатива и перфекта со вспомогательным «быть» существует параллельная (поскольку речь не идет об отношениях дополнительной дистрибуции между двумя вспомогательными глаголами, как это происходит в некоторых европейских языках) система со вспомогательным «иметь». Эта система берет свое начало в конструкциях посессивного результатива и развивает на его базе значение перфекта, повторяя тот процесс, который однажды уже произошел в обоих языках. Направление и степень интенсивности этого развития еще предстоит определить. Для полноценного исследования поставленной в данной статье проблемы необходим более полный охват материала, а также применение методов анкетирования с учетом социолингвистических факторов.

Примечания

¹ Здесь и далее подразумевается современный восточноармянский язык.

² akvs – для неодушевленного объекта, hqavs – для одушевленного.

³ наиболее частотный после t'k'e'l «плевать», который не вошел в классификацию в силу свое фразеологичности. Используется только в значении «Мне плевать на...».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антосян, С. М. Историческое развитие времен, образуемых прошедшим причастием древнеармянского языка / С. М. Антосян // Вестник общественных наук. – 10. – Ереван, 1973. – сс. 97–105 [на армянском языке].
2. Маркосян, А. С. Крунк Айастан: Фонетико-грамматический справочник и армянско-русский учебный словарь / А. С. Маркосян. – М.: Баласс, 2004. – 192 с.
3. Плунгян, В. А. Введение в грамматическую семантику. Грамматические значения и грамматические системы языков мира / В. А. Плунгян. – М.: РГГУ, 2011. – 672 с.
4. Bybee, J. L. The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world / J. L. Bybee and others. – Chicago: The University of Chicago Press, 1994. – 398 p.
5. Jaxontov, S. E. The typology of resultative constructions / S. E. Jaxontov, V. P. Nedyalkov // Typology of resultative constructions [ed. by Nedyalkov V. P.]. – Amsterdam / Philadelphia: Benjamins publishing company, 1988. – pp. 3–62.
6. Kozinceva, N. A. Armenian / N. A. Kozinceva // Typology of resultative constructions [ed. by Nedyalkov V. P.]. – Amsterdam / Philadelphia: Benjamins publishing company, 1988. – pp. 449–468.
7. Kozintseva, N. A. Perfect forms as a means of expressing evidentiality in Armenian / N. A. Kozintseva // Evidentials: Turkic, Iranian and neighbouring languages [ed. by L. Johanson; B. Utas]. – Berlin: Mouton de Gruyter. – pp. 401–417.
8. Mačavariani, M. V. Georgian / M. V. Mačavariani // Typology of resultative constructions [ed. by Nedyalkov V. P.]. – Amsterdam / Philadelphia: Benjamins publishing company, 1988. – pp. 259–275.
9. Maslov, J. S. Resultative, perfect and aspect / J. S. Maslov // Typology of resultative constructions [ed. by Nedyalkov V. P.]. – Amsterdam / Philadelphia: Benjamins publishing company, 1988. – pp. 63–85.
10. Typology of resultative constructions [ed. by Nedyalkov V. P.]. – Amsterdam / Philadelphia: Benjamins publishing company, 1988. – 573 p.
11. Сичинава, Д. В. Несколько перфектов в одной системе / Д. В. Сичинава [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://superinf.ru/view_helpstud.php?id=5162 (дата обращения: 30.04.16).

Материал поступил в редакцию 04.05.16.

CONSTRUCTIONS WITH RESULTATIVE / PERFECTIVE PARTICIPLE AND THE VERB “TO HAVE” IN ARMENIAN AND GEORGIAN

V.A. Kagirova, Candidate of Philological Sciences, Teaching Assistant
Saint-Petersburg State University, Russia

Abstract. *The article discusses the semantics and distribution of the constructions with resultative / perfective participle in modern Eastern Armenian and Georgian. Up to now such constructions have not been covered by a special investigation, yet they present some features of interest in terms of the typology of resultative constructions and perfect, since one can observe an “alternative” form of perfect with the auxiliary verb “to have” developing, along with the pre-existing system of forms with the auxiliary verb “to be”.*

Keywords: *Armenian, Georgian, auxiliary verb, perfect, resultative, typology.*

УДК 811.11-112

МЕДИЦИНСКИЕ ТЕРМИНЫ НЕ ГРЕКО-ЛАТИНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Е.А. Лаптева, старший преподаватель кафедры иностранных языков с курсом латинского языка
Южно-Уральский государственный медицинский университет (Челябинск), Россия

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются термины в области медицины, заимствованные из арабского, индийского, североамериканских и западноевропейских языков. Цель исследования состоит в том, чтобы выполнить количественный анализ специальной лексики с учетом ее распространенности в медицинской терминологии и изучить семантические характеристики данного материала. Автор выделяет семь тематических групп по языковой принадлежности, подробно описывая происхождение той или иной лексической единицы. В результате изучения выявлены клинические и анатомические термины, термины, обозначающие методы лечения, диагностические процедуры, процессы, а также эпонимические термины.

Ключевые слова: медицинский термин, терминологический элемент, лексическая единица, семантические особенности.

Большинство медицинских терминов образовано греко-латинскими терминологическими элементами, обозначающими анатомические особенности организма, клинические проявления, лекарственные формы и препараты. Многие ученые рассматривают медицинскую терминологию, обращая внимание на значения греко-латинских терминологических элементов. Так, И.В. Мотченко пишет, что «...среди заимствованных терминов выделяются термины греческого или латинского происхождения, которые являются статическим ядром терминологической системы медицины» [3].

В.Ф. Новодранова утверждает, что «...путь формирования медицинской терминологии на латинской основе можно считать уникальным: живая система отдельно взятого языка используется, хотя выборочно, в совершенно новом качестве, и сам латинский язык, теряя свое существование в форме живого языка, продолжает другую, уже искусственную жизнь в новой сфере. Складываются своеобразные связи между языком классической латыни с его застывшей морфологией и лексиконом, с его словообразованием и словосложением и языком такой области знания, как медицина» [4].

Е.А. Лаптева определяет «...основные принципы терминологического образования медицинских терминов на материале клинической терминологии в области кардиологии», анализируя терминологические элементы греко-латинского происхождения [2].

Однако, изучая медицинскую терминологию, мы обнаруживаем лексические единицы, которые образованы на основе других языков.

В настоящей статье мы рассматриваем 40 медицинских терминов не греко-латинского происхождения.

Цель данной статьи – провести количественный анализ медицинских терминов, образованных на основе французского, английского, итальянского, арабского и других языков, а также выявить семантические особенности изучаемой лексики.

В ходе исследования данной лексики мы выделяем несколько тематических групп, учитывая ее происхождение из того или иного языка. К первой группе относятся медицинские термины французского происхождения, а именно: *darsonvalisatio* – дарсонвализация – метод лечения, названный по имени французского врача J.A. d'Arsonval; *decantatio* – от франц. decanter – переливать через край – декантация; *fetichismus* – от франц. fetiche – фетиш, идол – фетишизм; *gargoylismus* – от франц. gargoyle – фигура человека или животного с уродливым лицом, служащая в качестве устья водосточной трубы кафедрального собора – гарголизм; *grippus* – от франц. griffer – хватать, ловить – грипп; *nicotinum* – вещество, названное по имени французского посла J. Nicot – никотин; *nucha* – от франц. nuque – затылок, задняя часть шеи – выя; *pasteurisatio* – процесс, названный по имени французского химика и биолога L. Pasteur – пастеризация; *potatum* – от франц. pomme – помада – мазь; *sadismus* – психическое нарушение, названное по имени маркиза де Сада – садизм; *tamponatio* – от франц. tampon – тампон – тампонада; *tenonitis* – воспаление, названное по имени французского анатома и окулиста J.R. Tenon – тенонит; *titratio* – от франц. titre – качество, содержание, проба, титр – титрование [1].

Во второй группе мы объединяем медицинские термины, образованные на основе английского языка. Подтвердим данное утверждение примерами: *crush-syndromum* – от англ. crush – раздавливать – синдром длительного раздавливания; *daltonismus* – нарушение, названное по имени английского химика и математика J. Dalton – дальтонизм; *leishmaniosis* – инфекция, названная по имени английского врача W.B. Leishman – лейшманиоз; *maltosa* – от англ. malt – солод – солодовый сахар; *parkinsonismus* – заболевание, названное по имени английского врача J. Parkinson – паркинсонизм; *rachitis* – от англ. rickets – рахит; *tyndallisatio* – процесс, названный по имени английского физика J. Tyndall – тиндаллизация [1].

Третью группу составляют термины итальянского происхождения. Приведем примеры данной лексики: *atrium* – в переводе с итальянского «зала» – центральная часть римского дома – преддверие; *fangotherapia* – от итал. fango – минеральная грязь – грязелечение; *galvanisatio* – метод лечения, названный по имени итальянского

врача L. Galvani – *гальванизация*; *malaria* – от итал. mala aria – плохой воздух – *малярия*; *pellagra* – от итал. pelle – кожа, argo – грубый, шероховатый – *пеллагра* [1].

Четвертая группа представлена терминами в области медицины, которые имеют арабские корни. Рассмотрим примеры этой группы: *elixirium* – от араб. al iksir – философский камень – *эликсир*; *gossypium* – от араб. goz – подобный шелку – *хлопок, вата*; *tumificatio* – от араб. tumija – мумия – *мумификация*; *sirupus* – от араб. sarab – питье – *сироп* [1].

К пятой группе мы относим медицинские термины, получившие свое название по имени американских ученых. В данном аспекте мы выделяем *franklinisatio* – метод лечения, названный по имени американского физика В. Franklin – *франклинизация*; *rickettsia* – микроорганизм, названный по имени американского патолога Н.Т. Ricketts – *риккетсия*; *salmonella* – бактерия, названная по имени американского патолога D.E. Salmon – *сальмонелла* [1].

В шестой группе мы рассматриваем термины, относящиеся к трем языкам и имеющие лишь два примера из каждого языка. Так, в медицинской терминологии существуют слова еврейского происхождения: *cholera* – от еврейского chaul rah – дурная болезнь – *холера*; *saphenus* – от древнееврейского safin – скрывающий, прячущий – *скрытый*. Приведем также примеры терминов индийского происхождения: *beriberi* – от индийского слова beriberii – овца – *авитаминоз В1*; *saccharum* – от древнеиндийского çarkara – *сахар*. Заключительные примеры данной группы относятся к немецкому языку: *finna* – от старонемецкого rfinne – финна – *личиночная стадия*; *goentgenogramma* – диагностическая процедура, названная по имени немецкого физика W.K. Röntgen – *рентгенограмма* [1].

Седьмую группу составляют медицинские термины, образованные на основе австрийского и голландского языков, а именно: *masochismus* – психическое нарушение, названное по имени австрийского писателя L. v. Sacher-Masoch – *мазохизм*; *scorbutus* – от голландского scheur – трещина, bek – клюв, rot – *цинга* [1].

Изучая семантические особенности медицинских терминов не греко-латинского происхождения, мы выделяем анатомические термины (преддверие, выя); клинические термины (холера, авитаминоз, синдром длительного раздавливания, дальтонизм, фетишизм, гаргоилизм, грипп, лейшманиоз, малярия, мазохизм, мумификация, паркинсонизм, пеллагра, рахит, садизм, цинга, тенонит); термины, обозначающие методы лечения (дарсонвализация, фанготерапия, франклинизация, гальванизация, тампонада); термины, обозначающие вещества (вата, солодовый сахар, никотин, сахар); термины, обозначающие процесс (декантация, пастеризация, тиндаллизация); термины, обозначающие лекарственные формы (эликсир, мазь, сироп); термины, обозначающие микроорганизмы (риккетсия, сальмонелла); термины, обозначающие диагностические процедуры (рентгенограмма, титрование).

Исследуя данную лексику, следует отметить, что достаточное число терминов являются эпонимическими, т. е. образованы либо от имени ученого, сделавшего определенное открытие (дарсонвализация, франклинизация, гальванизация, лейшманиоз, никотин, паркинсонизм, пастеризация, риккетсия, рентгенограмма, сальмонелла, тенонит, тиндаллизация), либо от имени человека, страдающего определенным заболеванием (дальтонизм, мазохизм, садизм).

В ходе анализа собранного материала мы сделали следующие выводы:

1. Все исследуемые термины классифицируются на семь тематических групп;
2. Рассмотренные медицинские термины образованы на основе 10 языков, включая арабский, индийский, североамериканские и западноевропейские языки;
3. Большинство терминов представлено французскими заимствованиями (33 %);
4. Достаточное число терминов являются английскими заимствованиями (18 %);
5. Большинство лексических единиц относится к клинической терминологии (43 %);
6. Большое количество изученных терминов являются эпонимами (38 %).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арнаутов, Г. Д. Медицинская терминология на пяти языках: словарь / Г. Д. Арнаутов. – София, 1979. – 944 с.
2. Лаптева, Е. А. Основные способы терминологического образования в области кардиологии / Е. А. Лаптева // Международный журнал экспериментального образования. – 2016. – № 2 (часть 1). – С. 146–150.
3. Мотченко, И. В. Основные тенденции в формировании английской медицинской терминологии: автореф. дисс. ... к. филол. н. / И. В. Мотченко. – М., 2001 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.disscat.com/content/osnovnye-tendentsii-v-formirovanii-angliiskoi-meditsinskoi-terminologii#ixzz46jBvI1bZ> (дата обращения: 24. 04. 2016).
4. Новодранова, В. Ф. Латинские основы медицинской терминологии: автореф. дисс. ... доктора филол. н. / В. Ф. Новодранова. – М., 1990 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/latinskie-osnovny-meditsinskoy-terminologii#ixzz46jEZh5K0> (дата обращения: 24.04. 2016)

Материал поступил в редакцию 26.04.16.

MEDICAL TERMS OF NO GREEK OR LATIN ORIGIN

E.A. Lapteva, Senior Teacher of the Department of Foreign Languages with Latin Course
South Ural State Medical University (Chelyabinsk), Russia

***Abstract.** This article considers medical terms borrowed from Arabic, Indian, North American and West European languages. The purpose of the article is to perform a quantitative analysis of specific vocabulary with regard to its frequency of use as medical terminology and to study semantic features of this material. The author identifies seven lexical sets based on the language they belong to, providing a detailed description of the origin of certain lexical units. The research findings revealed clinical and anatomical terms, terms designating treatment methods, diagnostic procedures and processes, as well as eponymous terms.*

Keywords: *medical term, term-elements, lexical unit, semantic features.*

UDC 81'42 + 81-112

**PRECEDENT NAMES OF PUSHKIN AND NABOKOV
IN THE NEW YORKER: DIACHRONIC ASPECT (1925-2015)**

I.V. Mikhaylov¹, V.V. Koroteeva²

¹ Assistant Lecturer, Postgraduate Student, ² Candidate of Philology, Associate Professor
Novosibirsk State University, Russia

Abstract. *The article deals with the diachronic analysis of precedent phenomena in The New Yorker issues published from 1925 to 2015. More specifically, it is devoted to the phenomena bearing a relation to such distinguished writers of Russian origin as Alexander Pushkin and Vladimir Nabokov, whose names are precedent in The New Yorker issues of 2015. The results demonstrate different significance of these authors and their literary works to the well-educated American reader at various times during nine decades.*

Keywords: *media discourse, precedent phenomena, diachronic analysis, cultural linguistics, The New Yorker, writers of Russian origin.*

The aim of this research is to investigate the precedent phenomena related to two prominent writers of Russian origin – *Alexander Pushkin* and *Vladimir Nabokov* – and to observe the change in the attitude to them, as well as to their texts and literary characters, within the period of 1925-2015.

The research objectives are as follows:

1. To establish the strategy for scrutinizing precedent phenomena.
2. To single out the precedent phenomena concerning *Pushkin* and *Nabokov* in *The New Yorker* issues published from 1925 to 2015.
3. To interpret the data selected in terms of the precedent phenomena types and functions.

Precedent phenomena

Precedent phenomena have proved to be traced in diverse areas of culture, including magazines for the intellectual elite. Such phenomena are as a rule recognized, which results in definite associations in the well-educated reader's mind. The peculiarity of precedent phenomena is that they reflect a person's belonging to the culture in case he or she knows them, and vice versa.

There have been a number of Russian scholars who contributed to the precedent phenomena theory, with Yuriy Karaulov believed to be the first – in 1987 he coined a term 'precedent text' [Караулов, 1987], [Васильев, 2013]. Afterwards, in 1994, Vitaliy Kostomarov and Natalia Burvikova came up with a term 'precedent utterance'. Before long, in 1996, Dmitriy Gudkov introduced 'precedent name'. In 1997, Viktoria Krasnykh coined 'precedent situation', summarized previous views and put forward 'precedent phenomenon' [Гудков, 2003]. The resulting precedent phenomena (PP) paradigm is the following: [Красных, 2002, 2003]:

- the precedent text (PT): e.g., '*Robinson Crusoe*';
- the precedent utterance (PU): e.g., '*No pain, no gain*';
- the precedent name (PN): e.g., '*Martin Luther King*';
- the precedent situation (PS): e.g., '*the Monika Lewinsky story*'.

When appealing to PP, one singles out its very limited number of attributes only, rejecting the rest as inessential. For example, when mentioning the PN *Oblomov* we refer to his 'lying on a sofa' only, with his other characteristics being of no concern [Гудков, 2003].

Another Russian scholar Gennadiy Slyshkin looked into the phenomenon from the perspective of cognitive linguistics and studied the concepts of PP. The last-mentioned are, speaking plainly, the unique sets of associations arising in the speaker's consciousness when addressing any given PP. Slyshkin concentrated on studying the concept's functions, which are [Слышкин, 1999, 2000, 2004]:

- nominative – to name the fragments of reality;
- persuasive – to support one's viewpoint by appealing to a credible text or utterance;
- wordplay – to release the tension of a communicative situation, with quoting and quasi-quoting being an inherent variety of wordplay;
- password – to check whether a person is one of the group, or not.

It is noted that the boundary between the PP types is sometimes vague [Гудков, 2003], [Кузьмина, 2011], and, according to some scholars, the PP classification may be extended [Высоцкая, 2013].

Within the scope of this work, PP are understood in a narrow sense, which means that if a name, text, etc. is used in its direct meaning, without any stylistic connotations noticeable or traceable, it is not regarded as PP. For instance, an event (e.g. '*During the **Prohibition** in the USA, there were lots of criminal organizations*'), a name (e.g. '*She likes reading **Balzac***') and so forth, which are simply the references to name somebody / something, are not considered PP. In turn, if there is a comparison of current-day events, people etc. with some phenomena, frequently in the form

of simile, which elicits a set of unambiguous associations (e.g. *'In this black raincoat you look like **Harry Potter**'*), we consider such phenomena to be precedent ones.

We have confined ourselves to scrutinizing the field of Russian literature that is of special interest to us and likely to be representative during the period in question. A diachronic analysis has been employed with respect to the following authors of Russian origin we have encountered in The New Yorker issues of the year 2015: *Alexander Pushkin*, *Vladimir Nabokov*, *Leo Tolstoy*, and *Fyodor Dostoyevsky*. We have used keyword search in The Complete New Yorker archive [<http://archives.newyorker.com>], concerning the authors' surnames over the time interval from 1925 to 2015. As a result of the search, we have obtained the sample volume equal to approximately 4000 contexts. By scrutinizing all of them, we have singled out 289 PP associated with the four authors listed above. Throughout the period under analysis these writers, as well as their pieces of writing, are highly esteemed among Americans. However, the holistic picture is more versatile than it might appear at first sight. Within the scope of this paper we consider the PP attributed to *Pushkin* (22 PP) and *Nabokov* (29 PP) only. The function of the PP under analysis is predominantly nominative, unless otherwise stated.

Diachronic analysis of the precedent phenomena under study

Alexander Pushkin

There are 22 PP connected with *Pushkin*, which includes 18 PN (16 – *Pushkin*, 2 – *Onegin*), 1 PT (*'Eugene Onegin'*), 2 PU, 1 PS.

The diachronic approach allows one to observe the procedure of *Pushkin's* 'initiation' into the society of The New Yorker readers in 1936. From all appearances, that year the poet was of no great significance to American intellectuals. It is confirmed by the extract from the article written by an influential American writer and literary critic Edmund Wilson, who in those years visited Leningrad: *The Tschaikowsky-Pushkin opera, "Pikovaya Dama", began to come in on the radio from Leningrad...They [young men] told me [Edmund Wilson] in their unemphatic way that **Pushkin** was a great poet...In the morning, I told the English ladies about the boys' reading **Pushkin** in the cabin and asked them whether English engineers would read **Shakespeare** under similar circumstances* [TNY Apr 4, 1936, p. 47]. Note that *Shakespeare's* name was the first to appeal to by a lettered American when it came to poetry, rather than a name of some prominent American poet, which emphasizes exceptional authority of this British author in the USA. Worth mentioning that *Pushkin's* name in 1936 was not precedent among the English as well; the next example is taken from the same article: *I [Edmund Wilson] told her [English lady] that **Pushkin** was the great Russian poet. "Great for them," said the mild lady firmly, and added, "**Pushkin's** poems are very simple little things"* [TNY Apr 4, 1936, p. 48].

However, the situation somehow changed in the year 1937, starting from which *Pushkin's* magnitude has been explained to The New Yorker readers via appealing to prominent authors from other countries, such as *Byron*, *Shakespeare* and *Cervantes*: *Pushkin*, by Ernest J. Simmons. *The first full-length biography in English of the Russian **Byron*** [TNY Feb 13, 1937, p. 79]. *Like **Byron**, **Pushkin** is one of the world's greatest letter writers, open and impromptu in all his moods. He is the sunniest of devils...he is the Russian **Shakespeare** or **Cervantes*** [TNY May 14, 1984, p. 145].

By a certain time, namely by the perestroika, *Alexander Pushkin's* name became precedent for American culture, as confirmed by the following two extracts about *Nikolay Rimsky-Korsakov* and *Korney Chukovsky*, where *Pushkin's* high status is used for comparison: *In range he [Rimsky-Korsakov] is music's **Pushkin**: a poet; a narrator; a master of prose..., responsive to the classical past...and to modern history...* [TNY May 18, 1987, p. 107]. *Throughout his [Chukovsky's] life, he was professionally concerned with what his daughter describes as the building of a literary staircase for children to climb, starting with the simplest songs and rising toward the cloudy heights of **Pushkin*** [TNY Dec 17, 1990, p. 129]. It stands to mention that the usage of PN *Pushkin* for referencing purposes has been observed just twice, in these very examples.

Not long after, partially including the perestroika, came one of the most difficult periods in Russian history – the 1990s. It seems that during this relatively short period Americans to a certain degree lost their interest in *Pushkin*, whose name was precedent no more. Confirmation of this view comes from the next extract published in 1999, where we can see the process of the poet's 'reintroduction' to The New Yorker readership: ***Pushkin** is Russia's **Shakespeare**: to his countrymen, he is still alive, and the actions of his characters still provoke discussion and debate* [TNY Jun 7, 1999, p. 46]. Further there is one more example in support of the idea of *Pushkin's* 'reintroduction', corresponding to the year 2003: *As I rambled around, I made my usual pilgrimages to the city's literary sites: to Chyornaya Rechka (Black Creek), where **Alexander Pushkin**, Russia's most revered poet, fought his fatal duel; to the house where **Vladimir Nabokov** grew up...* [TNY Jul 28, 2003, p. 40]. Notice that the author explains to the readership who *Pushkin* is, since this writer is some kind of an 'outsider', whereas *Nabokov* is undoubtedly regarded as an 'insider' highly recognizable by the reader, with any specification about him being unnecessary.

Nevertheless, it is important to emphasize that in the first decade of the 21st century, namely in the year 2006, *Alexander Pushkin's* name has regained its precedent status. The subsequent example verifies it: *His [German film director Werner Herzog] shooting permits were revoked. Herzog told a local Army officer that he would continue filming illegally, issuing a threat worthy of **Pushkin**. "I will not be unarmed tomorrow," he said, and the first officer who touched him, he promised, would be shot dead. It was a ruse, and it worked: soldiers hovered but did not interfere* [TNY Apr 24, 2006, p. 134]. It is most likely that the author of the article refers to *Pushkin's* addiction to duels, which ultimately was the cause of the poet's death.

As for PS connected to *Pushkin*, we have singled out only one such an example, from the 2008-year-issue:

In 2001, Putin invited Aleksei Venediktov to a meeting in the Kremlin library...Venediktov had no illusions about his interlocutor or about the meeting. In effect, Putin was telling him what **Tsar Nicholas I told Pushkin**: “Henceforth, I will be your censor” [TNY Sep 22, 2008, p. 40-41]. We see that the modern situation is described via the events happened in the first half of the 19th century – a well-known fact that Nicholas I was *Pushkin’s* private censor.

PN of *Pushkin’s* literary character *Eugene Onegin* is mentioned twice – in the 1988- and 2006-year-issues. It is remarkable that in both examples it is *Pechorin* whose PN is used on a par with that of *Onegin*. The reason for this may be the similar experiences and problems that *Onegin* and *Pechorin* had, having been born in one time epoch. In the first example, relatively modern people of quality are compared to *Onegin* and *Pechorin*: *Aristocrats in the dashing old style of Pushkin’s Onegin and Lermontov’s Pechorin no longer exist, but Soviet society has evolved new élites...* [TNY Sep 12, 1988, p. 109].

At the beginning of the second example, Keith Gessen’s oversimplification of the text under her analysis is ridiculed via applying the wordplay function. In the second part of the example, the PP function is nominative, used to compare Vladimir Beltov to *Onegin* and *Pechorin*: *Keith Gessen...describes Herzen’s “Who Is to Blame?” as being “about a love triangle”... This seems something like calling Pushkin’s “Eugene Onegin” a story of a deadly quarrel between two friends, or Lermontov’s “A Hero of Our Time” a record of the amorous adventures of a junior Russian officer in the Caucasus. Like Onegin and Lermontov’s Pechorin, the main character of “Who Is to Blame?”, Vladimir Beltov, is one of the “superfluous men” – the literary, social, and, in the end, political category whose portrayal has resonated with every generation of Russians in the past century and a half...* [TNY Dec 11, 2006, p. 10].

Let us emphasize that the diachronic analysis on *Mikhail Lermontov* and *Grigoriy Pechorin* shows that they have been precedent since 1965 the latest, but to a smaller extent than *Pushkin* and *Onegin*.

There is only one example of utilizing a quotation from *Pushkin*, which is directly relating to the persuasive function of PP. To be exact, the author enforces the argument by quoting *Herman’s* words, who was prudent and rational, from the opening of *Pushkin’s ‘The Queen of Spades’*: *The decision to refuse a fifty-fifty chance of losing a hundred dollars or winning a hundred and fifty dollars may rationally be based on, in the words of Pushkin, reluctance to risk the essential in an attempt to gain the superfluous* [TNY Oct 16, 2006, p. 18]. This example once more confirms the fact of *Pushkin’s* reacquiring the precedent status in 2006.

The graph in figure 1 presents the summarized data having respect to the frequency of resorting to the PP connected with *Pushkin* in terms of time (the x axis indicates years; the y axis shows the frequency). All the data have been averaged over decades. We may state that the highest precedent status of *Pushkin* is observed in the 1980s, with subsequent dramatic decrease of the writer’s popularity in the 1990s. Situation has significantly improved in the 2000s, namely since 2006. One cannot state for sure which tendency is happening in the current decade, because only half a decade has passed.

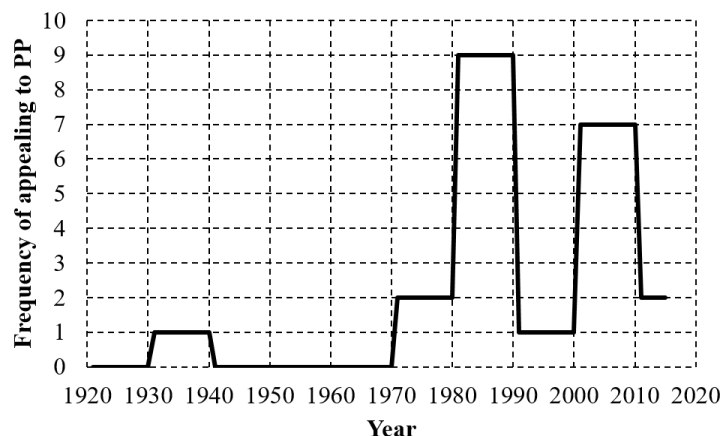

Fig. 1. *Pushkin’s* precedent status in *The New Yorker* in diachrony

Another author of Russian origin we are intending to scrutinize is *Vladimir Nabokov*, whose precedent status is slightly higher than *Pushkin’s* over the whole period analyzed.

Vladimir Nabokov

There are 29 PP related to *Nabokov*, including: 25 PN (18 – *Nabokov*, 3 – *Humbert Humbert*, 2 – *Lolita*, 1 – *Mac Nab*, 1 – *Magician*), 3 PT (*‘Lolita’*, *‘Look at the Harlequins!’*, *‘Despair’*), 1 PU.

It is clear that in the 1930s this writer was not popular with Americans, with his name being scarcely known to them. To introduce *Nabokov* to the reader, *The New Yorker* exploited the names of the well-known then American writer *James Cain*, and of *Anton Chekhov*: *A first-rate thriller with clever psychological trimmings and an atmosphere combining Chekhovian lassitude with surrealist degeneracy is Vladimir Nabokoff’s “Laughter in the Dark,” which as a title is not much more stomachable than “Architects of Ideas.” Mr. Nabokoff, a Russian exile who has several well-thought-of books to his credit, is a kind of Continental James Cain* [TNY May 7, 1938, p. 92]. Thus, this example testifies

that at the time of the publication, namely in 1938, *Nabokov* was little known to Americans. Worth noting is the spelling of *Nabokov*'s surname ('Nabokoff'), which is likely to emphasize his Russian origin. It ought to be remarked that *Anton Chekhov*'s name was precedent at the time, as contrasted with *Nabokov*'s.

Approximately a decade later, in the 1940s, *Nabokov* was already quite recognizable among The New Yorker readers, being likened to *Kafka*: *Vladimir Nabokov, in his new novel, "Bend Sinister" (Holt), seems to have started out to give Kafka a run for his money. So far, the cash is still safe in Kafka's pocket, but Mr. Nabokov's book, about a civilized man caught up in the barbarism of a modern totalitarian state, is almost as terrifying, in its way, as any of Kafka's disturbing fables* [TNY Jun 14, 1947, p. 93]. Such comic elements as 'to give *Kafka* a run for his money', 'the cash is still safe in *Kafka*'s pocket' clearly indicate the wordplay function of PP. The remarkable fact is that almost seven decades had passed before their names appeared in The New Yorker side by side: *...Rosewater responds, excited by the sexual possibilities of Fort Lee. In these moments, Stewart transcends skit satire and pushes to the borders of the comic sinister, where Kafka and Nabokov live* [TNY Nov 24, 2014, p. 120].

By the end of the 1960s, *Nabokov* was regarded as 'the best-equipped writer in the English-speaking world (of which he inhabits a personal promontory by the side of lake Geneva)' [TNY Aug 2, 1969, p. 67]. In turn, at the end of the 1970s, one started using *Nabokov*'s name to remark somebody's notable writing skill: *Like Nabokov, Mr. Singer is a master of literary sleight of hand, and, like Nabokov, he is in jeopardy on a stage, where the sleight of hand is physical as well as literary, and subject to a constant, intense scrutiny* [TNY Dec 31, 1979, p. 47].

The subsequent examples (from 1964 to 2005) containing 'Nabokovian' also display the acquired precedent status of *Nabokov*'s name. The words accompanying this antonomastic adjective (employed to refer to art, themes, marriage, notes) reflect the author's unique sophisticated writing style and his creativity in general: *We come upon passages that contain, all unknowing, whole futures in Nabokovian art* [TNY Apr 25, 1964, p. 198]. *It holds, in sometimes crumpled form, all the Nabokovian themes...* [TNY Nov 11, 1974, p. 210]. *The very Nabokovian marriage of Vladimir and Vera* [TNY Feb 10, 1997, p. 41]. *...notes so Nabokovian, so joyful, intricate, and erudite...* [TNY Nov 7, 2005, p. 104].

After the publication of '*Lolita*' (the 1950s), sexual involvement with an underage person has been persistently associated in The New Yorker with the story of *Humbert Humbert* and *Dolores Haze*: *...Mr. Nichols puts a foot into Nabokov Country to tell the story of a successful pediatrician and his wife who...discover that one of their oldest and closest friends...is the father of their illegitimate infant grandson – their daughter, Jane, having been thirteen years old at the time of conception* [TNY Nov 21, 1977, p. 143]. *However, it's not the mother Max loves but the daughter, fourteen-year-old Alice, upon whom he spies with the ornate prurience of Humbert Humbert yearning for Lolita* [TNY Jan 26, 2004, p. 91].

As of *Nabokov*'s PT, they are compared to those of *Gogol*, *Shakespeare*, and *Kafka*:

...the story of Humbert's journey across America is no more a simple chronicle of a wandering madman than is the tale of Chichikov's journey across the Russia of "Dead Souls" merely an account of a roving swindler [TNY Nov 8, 1958, p. 201]. On the basis of this example we may claim that *Nikolai Gogol*, along with the discussed above *Lermontov* and *Chekhov*, possessed the precedent status, which in his case was at least in the 1950s.

Indeed, this book ['Ada'] is Nabokov's most religious – his Testament as well as his "Tempest"... [TNY Aug 2, 1969, p. 68]. Perhaps the author's idea, apart from religion, lies in the fact that both *Shakespeare*'s '*Tempest*' and *Nabokov*'s '*Ada*' have happy end. As far as the point of the sentence does not lie on the surface, the PP function here is likely to be password.

Meanwhile, and across diverse interruptions, Nabokov was composing "Invitation to a Beheading" (the most Kafkaesque of his fables)... [TNY Dec 10, 1990, p. 155]. The antonomastic adjective '*Kafkaesque*' implies a significant amount of helplessness and despair in *Nabokov*'s novel under consideration.

When it comes to the PP functions, the persuasive one is completely missing in *Nabokov*'s case. However, as contrasted with *Pushkin*, we observe the password function – in the next 1999-year-issue (in addition to the above-cited extract about '*Ada*'): *And his version of what he saw in Auschwitz and what happened to him afterward seems to come right out of Nabokov – the clueless narrator, the narrator so far out of touch with what he's saying that it's totally absurd* [TNY Feb 1, 1999, p. 37]. The point is that the reader is expected to decipher the last part of the sentence about the narrator. If he or she is able to solve the riddle and to recognize *Humbert Humbert* from '*Lolita*', they will be automatically identified as somebody from the in-group.

In The New Yorker issue published in 1988, *Nabokov* is acknowledged on a level with *Tolstoy*: *I have got to try writing fiction: about the encounter of Nabokov and Tolstoy in Heaven...* [TNY Aug 29, 1988, p. 26]. In this extract the idea of the writers' highest literary skills, along with the author's self-mockery, is conveyed by the means of the PP performing the wordplay function.

Special mention should be made of the following excerpt from the 2003-issue, which demonstrates American ethnocentrism in the field of literature. When appealing to *Nabokov* and *Brodsky*, the author *Ian Frazier* ostentatiously identified them as American writers; he seems to have ignored the fact that before emigrating to the USA these men lived and wrote in Russia / the Soviet Union and, therefore, should be regarded as both Russian and American writers: *Another reason that I feel at home in St. Petersburg is literary. So many books I admire take place here, so many great writers lived here. Two great American writers – Vladimir Nabokov and Joseph Brodsky – were born and grew up here* [TNY Jul 28, 2003, p. 38].

To get a general idea on *Nabokov*'s precedent status in diachrony, one should look at the graph in figure 2.

The maximum number of mentions of *Nabokov's* and his characters' PN, as well as PT, took place in the 1970s and 1980s, after which (in the 1990s) this value soared. Commencing from the 2000s, *Nabokov* has gradually started regaining his popularity among The New Yorker readership.

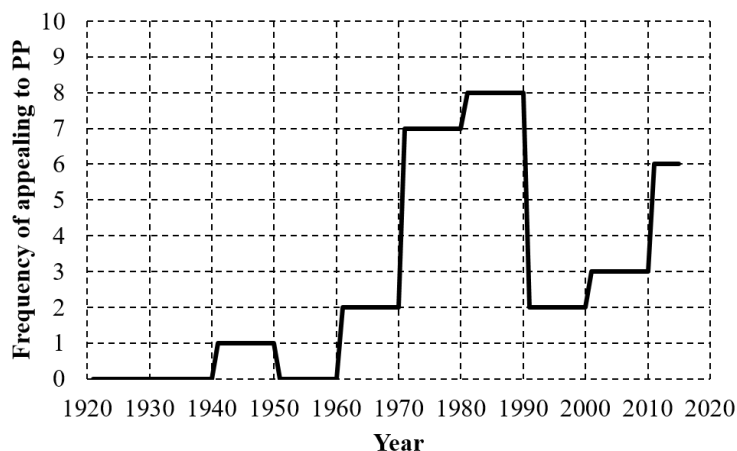

Fig. 2. *Nabokov's* precedent status in *The New Yorker* in diachrony

Conclusion

We have employed a diachronic approach over the time interval from 1925 to 2015 towards the authors of Russian origin whose names are precedent in *The New Yorker* issues of 2015, namely *Alexander Pushkin* and *Vladimir Nabokov*. We have selected 22 phenomena concerning *Pushkin*, and 29 – *Nabokov*.

The diachronic analysis on *Pushkin* and *Nabokov* has revealed that the precedent name is a dominating type of precedent phenomena (43, 84.3%), then consistently come the precedent text (4, 7.8%), utterance (3, 5.9%), and situation (1, 2.0%). As for the precedent phenomena functions, the nominative one prevails among wordplay, password, and persuasive.

The writer's precedent status is time-dependent. We have revealed that up to the second half of the 1930s *Pushkin* and *Nabokov* were unpopular with Americans, with their names being of little significance to the latter. Then there were introductions of these authors to the reader via other precedent names well-known to educated Americans, such as *Byron*, *Cervantes*, *Shakespeare*, after which *Pushkin* and *Nabokov's* names became precedent. In the 1990s *The New Yorker* reader seems to have grown cool towards *Pushkin*, whose name was scarcely precedent that time. However, since 2006 *Pushkin's* name has regained its precedent status.

Some Russian authors have not achieved the precedent status through all nine decades under study, e.g. *Nekrasov*, whose works seem to be of no concern to American intellectuals. At the same time, when scanning lots of the magazine's pages, we have unintentionally revealed that *Chekhov*, *Gogol*, *Lermontov*, and *Turgenev* were highly valued in *The New Yorker* at a certain point of time at least.

In the selection analyzed there could be noticed traces of American ethnocentrism in the field of literature, as long as *Nabokov* and *Brodsky*, being Russian-American writers, are addressed as 'two great American writers'.

In our further research, we will examine diachronically the precedent names of *Tolstoy* and *Dostoyevsky* in *The New Yorker* – from 1925 to 2015.

REFERENCES

1. Васильев, А. Д. Интертекстуальность: прецедентные феномены: учебное пособие / А. Д. Васильев. – М. : Флинта, 2013. – 342 с.
2. Высоцкая, И. В. Спорные вопросы теории прецедентности / И. В. Высоцкая // Критика и семиотика, 2013. – № 1 (18). – С. 117–137.
3. Гудков, Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д. Б. Гудков. – М. : Гнозис, 2003. – 288 с.
4. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 264 с.
5. Красных, В. В. "Свой" среди "чужих": миф или реальность? / В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2003. – 375 с.
6. Красных, В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций / В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2002. – 284 с.
7. Кузьмина, Н. А. Интертекстуальность и прецедентность как базовые когнитивные категории медиадискурса [Электронный ресурс] / Н. А. Кузьмина // Медиаскоп. – 2011. – № 1. – Режим доступа : <http://www.mediascope.ru/node/755> (дата обращения: 30.04.2016).
8. Слышкин, Г. Г. Лингвокультурные концепты и метакоцепты: Дисс. ... д-ра филол. наук / Г. Г. Слышкин. – Волгоград, 2004. – 323 с.
9. Слышкин, Г. Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов: Дисс. ... канд. филол. наук / Г. Г. Слышкин. – Волгоград, 1999. – 179 с.
10. Слышкин, Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г. Г. Слышкин. – М. : Академия, 2000. – 128 с.
11. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://archives.newyorker.com>.

Материал поступил в редакцию 04.05.16.

**ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА ПУШКИНА И НАБОКОВА В «НЬЮ-ЙОРКЕРЕ»:
ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (1925-2015)**

И.В. Михайлов¹, В.В. Коротеева²

¹ ассистент, аспирант, ² кандидат филологических наук, доцент
Новосибирский государственный университет, Россия

***Аннотация.** Статья направлена на диахронический анализ прецедентных феноменов в выпусках журнала «Нью-Йоркер», опубликованных с 1925 по 2015 год. В частности, она посвящена феноменам, связанным с такими выдающимися писателями российского происхождения, как Александр Пушкин и Владимир Набоков, чьи имена прецедентны в выпусках «Нью-Йоркера» 2015 года. Результаты демонстрируют различную значимость этих авторов и их литературных произведений для хорошо образованного американского читателя в разные моменты времени на протяжении девяти десятилетий.*

***Ключевые слова:** медиа дискурс, прецедентные феномены, диахронический анализ, лингвокультурология, «Нью-Йоркер», писатели российского происхождения.*

УДК 81

ИЗУЧЕНИЕ СЛОЖНОГО СИНТАКСИЧЕСКОГО ЦЕЛОГО НА МАТЕРИАЛЕ ЭПОСОВ «ПЕСНЬ О НИБЕЛУНГАХ» И «КНИГА МОЕГО ДЕДА КОРКУТА»

Ф.Г. Салимова, старший преподаватель кафедры немецкой филологии
Бакинский славянский университет, Азербайджан

Аннотация. Текст состоит, если он обладает двумя признаками – структурной связностью и содержательной цельностью, которые неразрывно связаны и накладываются друг на друга. При исследовании структуры текста наблюдается, как общее понятие подхватывается понятием более частным или переходит от части к целому и, наоборот, от целого к части. Более того, в тексте воспроизводится та часть общей «картины мира», которая попадает в поле зрения исследователя. В этом смысле неоценимыми оказываются тексты «Песнь о Нибелунгах» и «Книга моего деда Коркута».

Ключевые слова: текст, средства связи, сложное синтаксическое целое, конкретный, абстрактный.

Как видно из названия, объектом исследования являются тексты «Песни» и «Книги», которые прошли длительный процесс последовательной творческой переработки в многовековой устно-поэтической передаче, а впоследствии были записаны в той форме, в которой они дошли до нас (письменная фиксация «Книги» датируется серединой XI в., «Песни» – началом XIII – XVI вв.).

В предлагаемой статье мы попытаемся провести параллель между этими двумя героическими эпосами двух совершенно разных народов. Сходства и различия между ними не ограничиваются только внешними факторами. Они имеют гораздо более глубокий и всесторонний характер.

Но прежде определимся с самим понятием «текст».

Среди главных характеристик текста называются обычно связность и цельность. Действительно, текст немислим вне этих двух взаимозависимых категорий. Появившиеся в последнее время работы явно демонстрируют поворот лингвистики текста к проблеме композиции. Г.А. Золотова пишет: «И лингвиста, и литературоведа интересует, как построен текст... Нельзя не признать, что и более плодотворными, и более трудными остаются поиски пути к смыслу текста как целого через воплощающие его языковые структуры. Если композиция — это целое, создаваемое соотношением частей, то ключевой задачей становится, прежде всего, выявление этих частей как речевых единиц, организующих целое».

При исследовании структуры текста наблюдается, как общее понятие подхватывается понятием более частным или переходит от части к целому и, наоборот, от целого к части.

Таким образом, изучение структуры сложного синтаксического целого ведется с двух ракурсов:

– от общего к частному;

– от частного к общему.

Такое рассмотрение не может быть случайным. Каждый из данных ракурсов строится по определенным моделям. Рассмотрим некоторые из моделей.

От абстрактного к конкретному:

1) модель «сон – сюжет»:

Mitten in dieser höfischen Pracht hatte Kriemhild einen Traum. Sie sah, wie sie einen schönen, starken und wilden Falken abrichtete, den ihr plötzlich zwei Adler schlugen und zerfleischten.

И вот Кримхильде знатной однажды сон приснился,

Как будто вольный сокол у ней в дому прижился,

Но был двумя орлами заклеван перед нею (Песнь, строфа 13).

Общая информация данного синтаксического целого – сообщение о сне Кримхильды. Далее следует постепенная конкретизация общей мысли, которая выражена первым компонентом и требует дополнительных пояснений, представленных в последующих. В данном случае автор уточняет, что именно видела во сне Кримхильда. Так мы наблюдаем закон очередности «общее – частное».

Параллельно пронаблюдаем данный закон очередности на примере эпоса «Деде Коркут».

2) модель «аксакал – функция»:

Qorqut ata Oğuz quyminin müşkilini həll edərdi. Hər nə olsa, Qorqut ataya tanışınca işləməzlərdi. Hər nə ki buyursa, qəbul edərlərdi; sözün tutub tətam edərlərdi...

Коркут-Ата разрешил затруднения народа огузов. Какое бы дело не случалось, не спросив совета у Коркут-Ата, его не решали. Все, что он приказывал, принимали, его слова держались, (по его слову) все исполняли (Книга, 31).

При многокомпонентности сложного синтаксического целого, т. е. когда данное целое состоит из нескольких компонентов, переход от общего к частному проявляется наиболее ярко. Мы замечаем, как постепенно

происходит конкретизация общего сообщения, данного в первом предложении.

При исследовании текстов двух эпосов можно обнаружить сложное синтаксическое целое с обратной последовательностью.

От конкретного к абстрактному:

1) модель «описание пира – пир»:

Während sie sich den ganzen Tag über vergnügt die Zeit vertrieben, kamen die vielen Fahrenden keinen Augenblick zur Ruhe. Sie arbeiteten gegen Bezahlung, die man hier als großzügig bezeichnen kann. So erwarb sich das gesamte Land Siegmunds ein hohes Lob.

Весь день, до поздней ночи, гуляли храбрецы.

В искусстве состязались бродячие певцы,

А гости награждали их от своих щедрот.

Тот пир прославил Зигмунда и весь его народ (Песнь, строфа 38).

В данном случае начало синтаксического целого разъясняет нам, каким образом пир прославил короля. А конечная часть представляет собой, говоря словами К. Абдуллаева, «конкретизированную информацию, подводящую итог всему предшествующему (разумеется, в пределах сложного синтаксического целого)».

Рассмотрим аналогичный пример и в азербайджанском эпосе.

2) модель «грабеж – горе»:

Kafər aydır: "Bəglər, Qazanın төlə-tөлə şahbaz atlarını binmişüz, altun-aqçasını yağmalamışuz, qırq yigidlən oğlu Uruzu tutsaq etmişüz. Qatar-qatar dəvələrini yetmişüz, qırq incə bellü qızlan Qazanın həlalını tutmuşuz. Bu heyfləri biz Qazana etmişüz", – dedi.

Говорят гяуры: «Беки, на табуны быстрых коней Казана мы вскочили, его золото и серебро мы разграбили, его сына Уруза и с ним сорок джигитов мы увели в плен; ряды его верблюдов мы угнали; жену Казана и с ней сорок стройных дев мы захватили. Все это горе мы причинили Казану» (Книга, 43).

В данном случае мы опять наблюдаем переход от части к целому. Перечисление информации, которое также придает сложному синтаксическому целому своеобразную монотонную информацию, подхватывается понятием более общим. Последнее предложение – это подытоживание сказанного выше.

Как мы уже отмечали, сверхфразовое единство монотематично. Переход от одной темы к другой есть сигнал границы сверхфразовых единств. Единство темы проявляется в регулярной повторяемости ключевых слов, через синонимизацию ключевых слов, через повторную номинацию. Единство темы обеспечивается тождеством референции, т. е. соотношением слов (имен и их заместителей) с одним и тем же предметом изображения. С единством темы, наконец, связано явление импликации, основанное на ситуативных связях. Наличие одних отображаемых предметов предполагает наличие других, ситуативно связанных с ними. Повторы разных уровней играют выдающуюся роль в организации текста и издавна привлекают внимание исследователей. Вот пример того, какова роль ключевых слов в создании смысловой цельности текста:

Ol gün cigərində olan ər yigitlər bəlürdi. Ol gün müxənnətlər sapa yer gūzətədi. Ol gün bir qiyamət savaşı oldu, meydan tolu baş oldu; başlar kəsildi top kimi. Şahbaz-şahbaz atlar yügürdi, nalı düşdi. Ala-ala köndərlər süsəldi. Qara polat uz qılıclar çalındı, yılmağı düşdi. Üç yeləqli qayın oqlar atıldı, dəmrəni düşdi. Qiyamətin bir günü ol gün oldu. Bəg nökarından, nökar bəgindən ayrıldı.

В тот день герои джигиты обнаружили свою доблесть; в тот день трусы высматривали скрытое место; тот день был днем страшной битвы, поле покрылось головами; головы были отрублены как мяч, скакали быстрые кони, их копыта спадали. Пестрыми копьями кололи, черными булатными мячами ударяли. Березовые стрелы с тремя перьями выпускались; их железный наконечник спадал. Тот день был подобен дню страшного суда; бек был отделен от своего нукера, нукер от своего бека (Книга, 50).

В сущности, это развертывание одной темы, темы дня, который напоминает день Страшного суда. А ответ на вопрос, почему он напоминает день Страшного суда, упоминается в начале синтаксического целого. Тема эта помогает передать и другой, глубинный смысл отрывка – силу огузов, их способность ценою жизни отомстить врагу, чтобы постоять за брата своего. Так, ключевые слова (**ol gün**) создали не просто сюжетный фон отрывка, но и нечто большее – глубинный смысл текста.

Таким образом, текст состоится, если он обладает двумя признаками – структурной связностью и содержательной цельностью, которые неразрывно связаны и накладываются друг на друга.

По мысли В. В. Виноградова, учение о тексте – это учение о типах словесного оформления замкнутых в себе произведений как особого рода целостных структур. По существу лингвистика текста зародилась в тот момент, когда исследователи почувствовали необходимость отойти от изучения предложения как формальной языковой единицы и перейти к изучению высказывания как единицы функциональной, единицы, соотношенной с ситуацией. В заключение отметим, что лингвистический анализ художественного текста, ориентированный на выявление языкового воплощения содержания произведения, его целевой установки, образного строя, содержательных свойств формальных элементов разных уровней, обнаружение новых функций языковых единиц в художественно-эстетической структуре, имеет чрезвычайную эвристическую ценность, т.к. выполняет главную задачу филологии, понимаемую как искусство чтения и мастерство понимания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдуллаев, К. М. Проблемы синтаксиса простого предложения в азербайджанском языке / К. М. Абдуллаев. – Баку, 1983.
2. Абдуллаев, К. М. Синтаксический параллелизм / К. М. Абдуллаев. – М., 1976.
3. Абдуллаев, К. М. Сложное синтаксическое целое как объект семантико-грамматического анализа / К. М. Абдуллаев // Советская тюркология. – 1978. – № 5. – С. 10–19.
4. Адмони, В. Г. Синтаксис современного немецкого языка / В. Г. Адмони. – Л., 1973.
5. Виноградов, В. В. Вопросы синтаксиса современного языка / В. В. Виноградов. – М., 1950.
6. Золотова, Г. А. К вопросу о конститутивных единицах текста / Г. А. Золотова // Текст и контекст. – М., 1984.
7. Книга моего деда Коркута. Пер. В. В. Бартольда. – М-Л. АН СССР, 1962.
8. Песнь о нибелунгах. Пер. Ю. Б. Корнеева. – Л., 1972.
9. Kitabi-Dədə Qorqud. – Bakı, 1988.
10. Das Nibelungenlied. – Stuttgart: Philipp Reclam jun., 2003.

Материал поступил в редакцию 29.04.16.

**A STUDY OF SYNTACTIC COMPOUND BASED ON THE MATERIAL OF EPIC POEMS
“THE SONG OF THE NIBELUNGS” AND “THE BOOK OF DEDE KORKUT”**

F.G. Salimova, Senior Teacher of German Philology Department
Baku Slavic University, Azerbaijan

***Abstract.** A text is successful if it features two attributes - structural connectivity and contensive integrity which are inextricably linked and superimpose on each other. When investigating the text structure, it is observable how a general notion is intercepted by a more specific notion and it changes from the part to the whole and vice versa. Moreover, the text reproduces the part of the common “world image” that comes into the view of the researcher. In this regard the texts of “The Song of the Nibelungs” and “The Book of Dede Korkut” appear to be of inestimable value..*

***Keywords:** text, means of connection, syntactic compound, concrete, abstract.*

**Languages of Peoples of European, Asian,
African countries, Aborigines of America and Australia**
**Языки народов зарубежных стран Европы, Азии,
Африки, аборигенов Америки и Австралии**

УДК 80

**ЭТНИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА КАК ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО СВОЕОБРАЗИЯ
КУЛЬТУРЫ АВСТРАЛИЙСКОГО КОНТИНЕНТА**

О.О. Кириллова, кандидат культурологии, доцент
Московский Государственный Университет им. М.В. Ломоносова, Россия

***Аннотация.** В статье представлен обзор истории австралийских слов и национальной специфики семантики некоторых австралийских лексических единиц. В настоящее время отмечается повышенный интерес к распространению английского языка в мире и его различных вариантов. Если раньше единственно правильным считался стандартный британский вариант английского языка, то в настоящее время за многочисленными вариантами и диалектами английского языка признается право на существование. В статье подробно рассматривается история формирования австралийского варианта английского языка: от истории австралийского вокабуляра до лингвистических аспектов соотношения языка и культуры в различные исторические периоды, что и повлияло на создание австралийского варианта английского языка. Первостепенной задачей этого исследования является описание основных тенденций развития английского языка в Австралии. При этом язык рассматривается в тесной связи с фактами общественной жизни его творцов и носителей, с их историей, географией, бытом, культурой и литературой. Совокупность этих знаний составляет мир изучаемого языка, без проникновения в который невозможно полностью понять языковые явления.*

***Ключевые слова:** лингвистические знания, фоновые знания, безэквивалентная лексика, коннотативная лексика, фоновая лексика, национальное своеобразие, лингвокультура.*

В основе изучения проблемы связи языка и культуры лежит антропологический подход к языку, сформулированный В. Гумбольдтом [4, с. 37]. По В. Гумбольдту, язык всегда воплощает в себе своеобразие целого народа, дух нации. Его идеи получили развитие в самых разных гуманитарных науках, прежде всего, в междисциплинарных исследованиях по лингвострановедению.

Признавая существование связи языка и культуры, многие отечественные и зарубежные исследователи обращаются к лексико-семантическому уровню языка, единицы которого непосредственно реагируют на изменения во всех сферах человеческой деятельности.

Слова с особыми культурно-специфичными значениями отражают не только образ жизни, характерный для языкового коллектива, но и образ мышления. При всех общих условиях в жизни каждого народа есть свои, только ему присущие реалии культуры, быта, среды, которым в иной культуре соответствуют полные или частичные пробелы.

В словарном составе языка исследователи выделяют следующие основные слои лексики, наиболее ярко выражающие национальное своеобразие: реалии, отражающие особенности природно-географической среды, культуры, политической структуры общества, общественно-политической жизни, быта, культурно-бытовых и культурно-исторических ассоциаций и т. д. Традиционным стало выделение внутри этих слоев основных лексических групп, содержащих культурный компонент значения: безэквивалентную, коннотативную, фоновую лексику.

Входящие в эти группы лексические единицы, являясь образными наименованиями, представляют собой «лингвострановедческие объекты» текста, концентрированно выражают особенности семантики языка и требуют для своего распрямления сочетания лингвистических и лингвострановедческих знаний, «фоновых знаний». Рассмотрим эти основные группы в рамках австралийской лингвокультуры.

Безэквивалентная лексика

Часть национально-окрашенной лексики перешла в разряд интернациональной, известной за пределами той или иной страны. Подобную лексику принято называть безэквивалентной. *К безэквивалентной лексике принято относить денотативные реалии, не имеющие словарных соответствий в других языках либо из-за отсутствия в общественной практике данной социокультурной общности соответствующих реалий, либо из-за отсутствия лексических единиц, обозначающих эти реалии [5, с. 26].* Такая лексика или заимствуется, или переводится описательно. Многие австрализмы происходят из языков аборигенов. Kangaroo, dingo, koala,

jumbuck, wallaby, wombat – животные; barramundi, wobbegong, yabby – рыба; perentie, taipan – рептилии; currawong, cockatoo, galah, emu, kookaburra, budgerigar – птицы; bindieye, calombo – растения; gum, karri, jarrah – названия разновидностей эвкалипта; brigalow, wattle – разновидность акации; mia-mia – хижина; соггоборее – ритуальный танец, didgeridoo – национальный инструмент.

Некоторые единичные слова были созданы искусственно. Как правило, это ботанические термины, ставшие общепринятыми названия растений – banksia, bogonia, mallee, quandong и т. п.

Коннотативная лексика

Если в языках других народов безэквивалентные слова употребляются как своего рода термины (или в художественных произведениях для создания местного колорита), и являются однозначными, то в Австралии они имеют более сложную и богатую семантическую структуру. *Вообще под коннотативной лексикой принято понимать слова, отличающиеся по эмоционально-эстетическим ассоциациям, закрепленным в отношении языкового коллектива к признакам обозначаемого словом предмета и отражающим ценностную ориентацию коллектива* [3, с. 320].

Только в контексте австралийской лингвокультуры можно, например, объяснить коннотацию слова koala – коала, животное, охраняющееся государством; переносное значение – «машина с дипломатическим номером, которая под прикрытием дипломатической неприкосновенности может безнаказанно нарушать правила дорожного движения». Поскольку слово koala пришло из языка аборигенов, то дословный перевод его означает «непьющий». И это логично. Ведь это животное вообще не пьет. Ему достаточно жидкости, полученной из листьев эвкалипта. Поэтому не пьющих алкоголь людей называют «коала». И это тоже логично. Так, слово cockatoo, помимо названия птицы, имеет значение «мелкий фермер», в сленге используется как «тот, кто стоит на шухере». Dingo, кроме значения «дикая собака», имеет значение «предатель», соггоборее приобрело более общее значение «шумный праздник», galah, помимо названия попугая разновидности какаду, имеет значение «глупый человек». Негативную коннотацию имеет слово bandicoot. Бандикута – небольшого сумчатого зверька, совершающего опустошительные набеги на сады и огороды – австралийцы наделяют множеством отрицательных качеств. Они закреплены в языке в многочисленных компаративных оборотах, таких как lousy / bandy / barmy / bald etc. as a bandicoot. Изменение эмоционально-экспрессивной окраски отмечено у таких слов, как cow и beauty (beaut), которые используются в Австралии как общие термины соответственно отрицательной и положительной оценки: A cow of a goad – не дорога, а черт знает что // The car is a beaut – просто прелесть, а не машина.

К коннотативным реалиям относятся слова, отражающие особенности природно-географической среды, в которой живет народ-носитель языка.

Некоторые из таких лексических единиц приобретают особую образность в контексте определенной лингвокультуры. Ярким примером подобной единицы в австралийской лингвокультуре является слово bush. Образность его развилась на основе расширения значения существительного bush (куст), которое воспринимается как слово-обобщение, слово-понятие. Буш противопоставляют городу как «настоящую Австралию», существует литература буша, поэтов А. Патерсона и У. Лоусона называют певцами буша, говорят о кодексе чести буша и т. д.

Иногда названия эндемиков и широко распространенных животных и растений воспринимаются одновременно и как имена нарицательные, и как имена собственные, а часть из них становится названиями-символами. С ними связан целый ряд стереотипных ассоциаций, закрепленных в фоновых знаниях народа-носителя, например, wattle (акация), gum (эвкалипт) и kangaroo (кенгуру), изображения которых входят в герб страны.

Одно из топонимических прозвищ Австралии – the Land of wattle, поэтому день цветения акации отмечается как национальный праздник. С другой стороны, по существующему поверью, внесенная в дом веточка цветущей акации приносит несчастье.

Образная оппозиция в слове wattle возникает на основе расширения значения (в британском варианте английского языка оно означает «прут, плетень, сделанный из прутьев акации и глины»). В связи с этим, сама акация получила название wattle, а сделанные из нее хижины – wattle-and-daub или просто wattles.

Другим флористическим символом континента является gum (эвкалипт). Известный исследователь австралийского варианта английского языка Г. А. Орлов подчеркивает, что эвкалипт для австралийца такая же неотъемлемая часть образа жизни, как клен для канадца или береза для русского [6]. Многие лингвисты, художники, поэты отмечают, что эвкалипты придают своеобразие австралийскому пейзажу, окрашивая в серо-голубой цвет широкие просторы страны.

Анималистическим символом Австралии, возможно, даже более ярким, чем кенгуру, коала или эму, хотя и не столь экзотичным, является овца. Многие годы экономику страны характеризовали как “riding on sheep's back”, движение за выкуп страны от иностранного капитала выдвинуло лозунг “buy back the farm”. Именно мереносные овечки подняли экономический уровень Австралии и удерживают знамя первого в мире производителя и поставщика шерсти.

К числу реалий относятся некоторые имена собственные. Источником таких имен-реалий могут быть имена реальных исторических лиц, героев художественных произведений, имена известных актеров и спортсменов и т.д. При этом часто происходит изменение денотативной соотнесенности слова. Слова начинают

соотносятся не как имена собственные с одним денотатом, а как имена нарицательные с классом денотатов, например, слово *bradman* – многообещающий игрок в крикет – произошло от имени выдающегося австралийского крикетиста Дональда Брамдена. Многие подобные имена-реалии многозначны. Так, *Ned Kelly* (от имени Неда Келли, рыцаря лесов и больших дорог, о котором сложено более 300 баллад), с одной стороны, используется как олицетворение мужества, отваги и справедливости человека, который грабил только богатых, что отражено во фразеологизме *as game as Ned Kelly* (храбрый, как Нед Келли). С другой стороны, *Ned Kelly* может использоваться в значении «бизнесмен-вымогатель». “Who said Ned Kelly is dead?” восклицает австралиец, обнаружив обман, нечестную махинацию. Известно также, что этим именем могут называть не только человека, но и предмет. Это имя-реалия также подверглось деонимизации, т. е. стало писаться с маленькой буквы. Существует топор фирмы “Kelly” – *ned kelly*.

Среди источников имен-реалий – мифы и легенды, созданные австралийскими аборигенами об отдаленных временах, например, Времени сновидений – *the Dream Time*. Некоторые реалии и топонимы, восходящие к этим легендам, используются при повторной образной номинации, на их основе образуются идиоматизмы, такие как *other side of Bullamakanka* – очень далеко (*Bullamakanka* – мифическая деревня из легенд аборигенов, якобы стоявшая на границе живого «подлунного мира»). Легенды и поверья, возникшие в среде австралийских поселенцев, являются источником слов-реалий, которые часто используются при повторной, образной номинации. Среди них герои легенд *the Bunyip stories* (*Bunyip* – мифическое земноводное существо), полумифические животные *Thylacinus*, *the Tautanoola Tiger*, *the Min* – фантастические ночные огни и т. д., например, *the bunyip aristocracy* – «нечто неопределенное, не имеющее осязаемой формы».

Широко используется в переносном значении название самой популярной в стране песни на слова А. Патерсона, своеобразного гимна Австралии *Waltzing Matilda* («Вальсирующая Матильда»), часто исполняемого вместо официального гимна. В названии самой песни использовано словосочетание-реалия *a waltzing matilda* – «узелок, в котором находится скудное имущество бродяги», в переносном значении *a matilda* – «ски-талец, человек, не нашедший место в жизни, мечущийся в поисках работы».

Как и многие другие реалии, отличающиеся высокой образностью и ярким национальным колоритом, словосочетание *Waltzing Matilda* часто используется в тексте рекламы. Так, крупнейшая горнорудная австралийская компания «Брокен-Хилл Пропрайетри», занимающаяся добычей цинка, называет себя в рекламе *Waltzing Matilda*, здесь образность реалии усиливается при помощи приема паронимии *zinc-zing*. При этом реализуется ориентация на «человека из народа», одновременная аллюзия на популярную песню – символ страны, обращение к чувству национальной гордости. Здесь же аллюзия на искаженное произношение, типичное для многих «новых австралийцев», составляющих значительную часть рабочей силы.

Слова-реалии отличает локальная (национальная), временная и ситуативная соотнесенность. Например, такие реалии-австрализмы, как *the First Fleet* – Первый флот, *first fleeter* – первый колонист, прибывший на кораблях Первого флота, *the Rocks* – место высадки первых колонистов, связаны с началом освоения континента; названия кораблей *Dufeken* («Дейфкен»), *Reeback* («Рибэк»), *Endeavour* («Эндевр»), *Investigator* («Инвестигейтор»), *Beagle* («Бигл») ассоциируются с открытием и освоением континента; об их значимости и известности в наше время говорит тот факт, что корабли с этими названиями, воссоздавшие свои исторические прототипы, были снаряжены к берегам Австралии и составили часть празднества в честь 200-летия страны (26 января 1988 г.).

Слова-реалии отличает совместное, тематически обусловленное употребление как ряда реалий: название корабля «Баунти», имя губернатора Уильяма Блэя¹, прославившегося своей жестокостью, словосочетания *rum-rebellion*, *rum currency*, *rum-runner*², ассоциирующиеся с ранними годами конвиктивизма. *The Flying Doctor Service* («служба летающего доктора»), *Meals on Wheels* («еда на колесах»), *School on air* («школа по радио»), *Kindergarten of the Air* («детский сад по радио») отражают специфически австралийские черты системы здравоохранения и образования.

Фоновая лексика

При сопоставлении лексических единиц разных языков или вариантов одного и того же языка в семантической структуре таких единиц выделяют понятный и непонятный доли. *Непонятные семантические доли получили название лексического фона. Лексический фон шире лексического понятия, поэтому слова могут быть эквивалентными на уровне лексического понятия и неполноэквивалентными на уровне лексического фона [2].*

Таковую лексику принято называть фоновой лексикой. В сопоставляемых национальных вариантах английского языка можно подразделить такую лексику на три группы: 1) единицы, лексический фон которых не совпадает лишь в одном из сопоставляемых национальных вариантов; 2) единицы, получившие дополнительные, коннотативные оттенки значения в каждом из вариантов языка; 3) единицы, получающие антонимическое значение в одном из вариантов [1]. Это те самые случаи, когда смысловые сдвиги происходят в предметно-логической соотнесенности в пределах одного и того же значения слова. Например, слово *plain* означает в Австралии не столько «пространство с ровным рельефом, равнина», но прежде всего «пространство, свободное от зарослей, от буша». Словом *scrub*, имеющим в британском варианте значение «кустарник, низкорослые заросли», в Австралии называют огромные территории, поросшие деревьями высотой до 30 метров. Территория Австралии во много раз превышает территорию Метрополии, австралийцы привыкли все измерять большими площадями.

В обоих вариантах известны слова *premier*, *prime minister*, но для англичанина они являются синонимами,

а для австралийца между ними существует важное семантическое различие: *prime minister* – «премьер-министр федерального правительства», тогда как *premier* – это «премьер-министр правительства штата».

Слово *state* в AmE и AuE³, кроме значения «государство, государственная власть», приобретает дополнительное значение «штат», а в словосочетаниях *state legislature*, *law*, *prison*, *school* при описании действительности США и Австралии означает «относящийся к, принадлежащий одному из штатов страны». *Dam* – «дамба»: в BrE слово означает «сооружение, преграждающее путь к воде», а в AuE *dam* – это не только «дамба», но и «остановленная ею вода»; *swag* в BrE означает «краденое», в AuE *swag* – неотъемлемая принадлежность свэгмена – скитальца, бродяги, «одеяло», в которое завернуто его скудное имущество.

Лексическая единица *walkabout* в AuE означает «периодическое бродяжничество аборигенов», во время которого мальчики 12 – 13 лет подвергаются жестоким испытаниям и лишениям. Сумевшие перенести все тяготы торжественно посвящаются в мужчины-охотники (инициация). В BrE в последние годы *walkabout* приобрело значение «выход в народ» какого-либо значительного лица, такого как члена королевской семьи, его неформальное общение с людьми на улице. Иллюстрацией единиц второй группы может служить слово *station*. Это слово известно всем носителям английского языка как «место, месторождение, радиостанция, полицейский участок, пожарное депо», в AmE оно приобретает еще значение «почтовое отделение, добавочный номер коммутатора», в AuE – «овечье пастбище».

В качестве примера единиц третьей группы можно привести слова *meadow*, *paddock*, *creek*. *Meadow* в BrE означает «лужайка около дома», в AuE – «большой луг». *Paddock* в BrE – «выгул, загон, особенно при конном заводе». В AuE – «отгороженный участок земли в фермерском хозяйстве». Словом *creek* в BrE называют бухту или морской залив, в AuE – небольшую речку [7, с. 224].

Необходимо отметить, что расширению лексико-семантических различий между британским и австралийским вариантами способствовали также процессы выпадения некоторых слов из словарного состава австралийского английского и пополнение его лексическими единицами, не имеющими соответствий в британском варианте.

Так, вышли из употребления некоторые слова, связанные с особенностями деревенской жизни и деревенского ландшафта Великобритании: *glade* – «поляна», *glen* – «лощина», *brook* – «ручей», *field* – «поле», *wood* – «лес» и т. п. Причиной могло явиться как разительное отличие природных условий Австралии, так и то обстоятельство, что в речи первых белых поселенцев, которые были носителями городского просторечия, городских полудиалектов и жаргонов деклассированных элементов, подобные слова отсутствовали. Многие из этих слов были заменены другими, тоже общеанглийскими по происхождению, но получившими в Австралии иное значение и употребление. Так, вместо слов *field* и *meadow* в Австралии употребляются *paddock* – «поле или выгон, обнесенный изгородью» и *gun* – «скотоводческая ферма и ее угодья». Слова *herd*, *flock* «стадо» были вытеснены словом *mob*, которое обозначает совокупность любых животных и не имеет отрицательной коннотации. Слова *brook* «ручей» и *mountain* «гора» уступили место словам *creek* – «эпизодическая река» и *range* – «горный кряж».

Большой интерес представляют случаи, когда слова, известные в обоих вариантах английского языка, имеют в каждом из них различную частотность. Предпочтительное употребление того или иного слова или выражения является в этих случаях своеобразной лексической характеристикой каждого варианта. Так, например, и в британском, и в австралийском варианте английского языка существуют слова *paraffin* и *kerosene*, но первое употребляется почти исключительно в Англии, а второе – в Австралии. В обоих вариантах известны слова *cinema* и *pictures*. «Пойдем в кино» – англичанин скажет: “let’s go to the cinema”, а австралиец – “let’s go to the pictures”, американец же посетит *movies*.

Говоря о словообразовании нужно подчеркнуть, что множество явлений было названо словами, созданными из английского материала и на основе английских словообразовательных моделей: *outback*⁴ – «внутренние районы Австралии», *sundowner*⁵ – «бродяга», *digger* – золотоискатель, старатель. Иногда в словообразовании использовались иноязычные элементы, например, *kangaroo dog* – «собака для охоты на кенгуру, австралийская гончая», *sockatooeer* – «мелкий фермер».

В области словообразования обращает на себя внимание большая продуктивность суффиксов существительных *-ie* / *-y* и *-ee*. При этом с помощью суффикса *-ie* образуются не только существительные от основ прилагательных (*bluey* – «котомка бродяги», *toughie* – «хулиган, гангстер»), но и существительные с общим значением агента действия от основ существительных (*postie* – «почтальон», *milkie* – «молочник», *chalkie* – «учитель»). Большинство таких слов имеет просторечно-разговорную окраску.

Характерной чертой австралийской лексики является значительное количество сокращенных слов, что свидетельствует об особой активности этого способа обогащения словарного состава языка: *abo* – «туземец», *uni* – «университет», *speedo* – «спидометр». При этом многие сокращенные слова образуются с использованием суффикса *-ie* или *-y*: *possie* – «опоссум», *Aussie* – «австралиец», *bandy* – «бандикут».

В связи с вопросом о стилистических изменениях можно указать на относительно меньшее значение «высокой лексики» в австралийском варианте по сравнению с британским вариантом. Это легко объяснимо, эта традиция идет со времен первых поселенцев – носителей городского просторечия.

Австралийский вариант ведет свое происхождение от английского языка низших слоев общества 18 века, а также специфических особенностей языка моряков и солдат, и ближе всего к юго-западному диалекту британского варианта английского языка с большой примесью ирландского. Некоторое воздействие оказали языки австралийских аборигенов, сказавшиеся преимущественно в области наименований животных и растений,

а также в географических названиях [8]. Все это привело к тому, что английский язык современной Австралии отличается от английского языка Великобритании.

В период с 1851 по 1861 г. белое население Австралии почти утроилось. И с этого времени увеличение населения Австралии происходило за счет естественного прироста и свободной иммиграции, в основном из европейских стран.

Пополнение населения Австралии, постоянный процесс миграции, связанный с освоением новых земель, открытием новых золотых приисков, приводили к нивелированию языковых особенностей разных групп говорящих, к той языковой унификации, которая является необходимым условием образования единого языка. Именно поэтому некоторые исследователи считают 50-е гг. 19 века началом самостоятельного развития австралийского варианта английского языка.

Примечания

¹ Джеймс Кук плывал к островам Таити и открыл там хлебное дерево. Правительство заинтересовалось этим и в 1789 г. снарядило экспедицию за семенами этого растения. Корабль, на котором плыли участники экспедиции, назывался «Баунти». Капитан корабля по имени Уильям Блэй отличался чрезмерной жестокостью, он издевался над членами своей команды. Против него был организован заговор, и вскоре жестокий капитан был высажен на одном из необитаемых островов около Полинезии. После возвращения из экспедиции корабль был торжественно сожжен моряками, чтобы уничтожить всяческую память о Блэе

² У первых белых поселенцев, ссыльных каторжников денежной единицей служила бочка рома.

³ AmE – амер. англ., AuE – австрал. англ., BrE – брит. англ.

⁴ outback – в Австралии, как это ни странно звучит, внутренние районы считаются не центром страны, а ее окраинами. Там тяжело жить из-за очень жаркого климата, и поэтому многие жители стремятся уехать оттуда.

⁵ sundowner – бродяга, отправляющийся в путь с заходом солнца, когда спадает дневная жара.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акопян, Ю. А. Лексико-семантические особенности австралийского варианта английского языка: На материале австралийской поэзии: Дис. ... канд. фил. наук / Ю. А. Акопян. – М., 2003.
2. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика / Ю. Д. Апресян. – М., 1974.
3. Верещагин, Е. М. Лингвострановедческая теория слова / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М.: Русский язык, 1980.
4. Гумбольдт, В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества / В. Гумбольдт // «Избранные труды по языкознанию». – М., 1984.
5. Ольшанский, И. Г. Лингвокультурология в конце XX в.: итоги, тенденции, перспективы / И. Г. Ольшанский // Лингвистические исследования в конце XX века: Сб. обзоров / исслед. Отдел языкознания, Ред. колл.: Березин Ф. М., отв. ред. и др. – М., 2000.
6. Орлов, Г. А. Некоторые особенности австралийского варианта английского литературного языка: Автореф. дис. ... канд. фил. наук / Г. А. Орлов. – М., 1968.
7. Ощепкова, В. В. Вкратце об Австралии и Новой Зеландии. Книга для чтения на английском языке / В. В. Ощепкова. – М.: «Лист», 1998.
8. Прядко, С. Б. Язык и культура: культурный компонент значения слова в лингвострановедческой лексике австралийского варианта английского языка (на примере аборигенных заимствований): Дис. ... канд. фил. наук / С. Б. Прядко. – М., 1999.

Материал поступил в редакцию 25.03.16.

ETHNIC VOCABULARY AS A REFLECTION OF NATIONAL CULTURAL IDENTITY OF AUSTRALIA

O.O. Kirillova, Candidate of Culturology, Associate Professor
M.V. Lomonosov Moscow State University, Russia

Abstract. *The article provides an overview of the history of Australian words and specifics of national semantics of some Australian lexical items. Currently, there is an increased interest in the worldwide spread of the English language and its varieties. If previously the British English was considered the only standard English, now the right of numerous varieties and dialects of the English language to exist is recognized. The article details the history of the formation of the Australian variety of English: from the history of the Australian vocabulary to the linguistic aspects of the relations between language and culture in different historical periods that influenced the creation of Australian English. The primary objective of this study is to describe the main trends in the development of the English language in Australia. This language is considered in close relation with the facts of social life of its creators and bearers, with their history, geography, life, culture and literature. The totality of this knowledge comprises the world of the target language, which must be penetrated in order to fully understand linguistic phenomena.*

Keywords: *linguistic knowledge, background knowledge, non-equivalent vocabulary, connotative vocabulary, background vocabulary, national identity, linguistic culture.*

ФИЛОЛОГИЯ

Международный научный журнал

№ 3 (3), май / 2016

Адрес редакции:
Россия, г. Волгоград, ул. Ангарская, 17 «Г»
E-mail: sciphilology@mail.ru
<http://sciphilology.ru/>

Учредитель и издатель: Издательство «Научное обозрение»

ISSN 2414-4452

Редакционная коллегия:
Главный редактор: Мусиенко Сергей Александрович
Ответственный редактор: Маноцкова Надежда Васильевна

Дмитриева Елизавета Игоревна, кандидат филологических наук
Анимова Ольга Константиновна, кандидат филологических наук
Атаманова Наталья Викторовна, кандидат филологических наук

Подписано в печать 12.05.2016 г. Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Заказ № 106.